

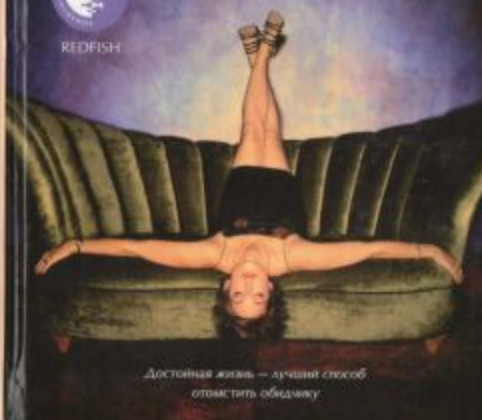
Элизабет Бушан

Месть

женщины среднего возраста

REDFISH

Достойная жизнь — лучший способ
отомстить обидчику

Элизабет Бушан

Местъ женщины среднего возраста

Элизабет Бушан

Роуз Ллойд даже не подозревала, что после двадцати пяти лет счастливого супружества ее муж Натан завел любовницу и подумывает о разводе. Но главное потрясение ждало впереди: любовницей Натана оказалась лучшая подруга Роуз и ее коллега по работе Минти...

Посвящается Линди

Достойная жизнь – лучший способ отомстить обидчику.

Старинная испанская поговорка

От автора

Всю информацию об индейцах племени яномами я почерпнула в «Таймс», а географические сведения о Риме – в «Нэшнэл джиографик трэвелэр».

Я хочу выразить благодарность дамам Дженет Бак (они знают, о чем речь), Бенардет Форси за ее юмор и Памеле Норрис – за неизменную поддержку. Также огромное спасибо моему несравненному редактору Луизе Мур и всей команде издательства «Пингвин», Клэр Ледингхэм, моему агенту Марку Лукасу и, как обычно, Хейзл Орм, Кейт Тейлор и Стивену Райану. А уж о своих родных и друзьях я помню всегда.

Глава 1

– Вот, держи, – сказала Минти, моя ассистентка, и хрипло рассмеялась, – только что вышла рецензия. Классно его приложили. – Минти подтолкнула мне книгу под названием «Тысяча оливковых деревьев», автор – Хэл Торн; рецензия была вложена между страниц.

По какой-то непонятной причине я взяла книгу, хотя обычно старалась обходить все то, что было связано с Хэлом. Но сейчас мне казалось, что это неважно: я успокоилась, изменилась, у меня была своя жизнь – я давно сделала выбор.

Когда я впервые заговорила с Натаном о своем желании работать над книжной рубрикой, он заявил, что если мне когда-либо суждено реализовать мои амбиции и стать литературным критиком, я в конце концов возненавижу книги. Мол, близкое знакомство порождает презрение. Но я ответила, что мне больше нравится высказывание Марка Твена: близкое знакомство порождает не презрение, а совместных детей. К тому же слова Натана наверняка отражали его личное отношение к своей работе. На что он ответил: «Чушь собачья, я счастлив как никогда, – и добавил: – Подожди и сама увидишь». (Последняя фраза сопровождалась ироничной улыбкой из серии «я сильный мужчина, и мне лучше знать», которая мне всегда нравилась.) Прошло время, и я поняла, что он ошибался.

Для меня книги по-прежнему были полны ожидания новых открытий; они внушали мне чувство, что возможно все – все что угодно. В тяжелые времена книги оставались моей палочкой-выручалочкой, спасательным поясом; в юности я ссылалась на них, когда надо было принять решение. За долгие годы работы с книгами у меня развилось шестое чувство: одним прикосновением я могла отнести книгу к определенной категории. Толстые романы в мягких обложках напечатаны на грубой дешевой бумаге. Поэзия, балансирующая на грани невесомости, издается с широкими белыми полями. Биографии пестрят фотографиями и секретами из жизни их героев.

«Тысяча оливковых деревьев» была тонкой, компактной книжкой; типичный рассказ путешественника с не менее типичной фотографией

на обложке: пронзительно синее небо и безлюдный каменистый берег. Побережье казалось жарким, иссушенным: на такой земле ступни соскальзывают со щебня, а между пальцами ног появляются синяки.

Минти следила за моей реакцией. У нее была привычка нацелить свои темные, слегка раскосые глаза на кого-нибудь и сделать вид, будто она не моргает. Возникал эффект пристального сопереживающего внимания, который очень нравился людям и, думаю, утешал их. Лично меня за те три года, что мы вместе работаем, не раз успокаивал взгляд ее темных, напряженных глаз.

– «Автор книги – мошенник, – зачитала она отрывок из рецензии. – А книга и того хуже...»

– Интересно, чем он заслужил такую желчность? – пробормотала я.

– Тем, что его книга расходится бешеными тиражами, – парировала Минти.

Я протянула ей «Тысячу деревьев».

– Будь по-твоему. Звони Дэну Томасу, пусть он быстро переделает статью.

– Ты что, Роуз? – медленно и задумчиво проговорила она, в ее голосе слышались незнакомые мне нотки. – Тебе не кажется, что ты вполне можешь и сама ее переделать?

Я улыбнулась в ответ. Мне нравилось думать, что мы с Минти стали подругами: я доверяла ей, потому что она все время говорила то, что у нее на уме.

– Нет. Ни к чему испытывать себя. Я просто не хочу заниматься книгами Хэла Торна.

– Понятно. – Она обошла коробки на полу, доверху наполненные этими самыми книгами, и присела. – Как ты сказала, пусть будет по-моему.

Кажется, подруга меня не одобряла. Я тоже была собой недовольна: непрофессионально игнорировать книги, тем более ту, о которой будут писать все подряд.

Меня отвлек звонок по внутренней линии. Это был Стивен из производственного отдела.

– Роуз, извини, но придется вырезать страницу из книжной рубрики в номере за двадцать девятое.

– Стивен!

– Прости, Роуз. К вечеру успеешь?

– Но это уже во второй раз, Стив. Может, выберешь себе другого козла отпущения? Раздел кулинарии? Путешествий?

– Нет.

Стивен был издерган и нетерпелив. В нашем деле – издании газеты – всё решают сроки. Постепенно это становилось второй натурой, и мы разговаривали друг с другом словно стенографией. Времени на нормальные споры и доводы не было. Я взглянула на Минти: она прилежно стучала по клавишам, но я-то знала, что она прислушивается. Я неохотно проговорила:

– К завтрашнему утру сделаю.

– Только не позже. – Стивен повесил трубку.

– Не повезло. – Минти по-прежнему печатала. – И сколько?

– Страницу. – Я откинулась на стуле, чтобы обдумать эту проблему, и мой взгляд упал на фотографию Натана и детей, которая всегда стояла на моем столе. Это был снимок семейного отпуска в Корнуэлле, когда детям было десять и восемь лет. Они стояли на пляже, повернувшись спиной к серому штормовому морю. Одной рукой Натан обнимал Сэма, спокойно упиравшегося головой ему под мышку, а другой удерживал извивающуюся радостную Поп-пи – наши дети совсем не похожи друг на друга. Я только что рассказала мужу о том, что один знаменитый писатель снял дом в Требетанской бухте на шесть месяцев, чтобы отшлифовать роман. «Боже правый, – на лице Натана появилась смешная гримаса. – Вот уж не думал, что он так медленно читает». Я схватила фотоаппарат и сфотографировала Поппи – та залилась смехом в ответ на очередную ужасную шутку отца. Натан тоже смеялся – счастливо и радостно. Он будто говорил в объектив: вот видишь, мы счастливая семья.

Смысл отцовства он понимал так: надо смешить детей, чтобы они не замечали жизненных неприятностей до тех пор, пока не станут достаточно взрослыми и не научатся с ними справляться; но ему нравилось смешить их и просто так, ради собственного удовольствия. Иногда, когда мы обедали, мне приходилось проявлять твердость: ведь даже в лучшие времена аппетит Сэма и Поппи был столь же хилым, как их сложение, и я за них беспокоилась. «Миссис Паникерша, вы знаете, что тот, кто меньше ест, живет дольше?» – спрашивал Натан, который, как обычно, не поленился выяснить этот факт и утешал меня в таких случаях.

Мы были женаты двадцать пять лет. Я прикоснулась к лицу Натана на фотографии. Мой умный, любящий муж...

Я оторвалась от приятных воспоминаний. Как и в любой газете, у нас существовала определенная стратегия, отдельные факторы которой были вполне безобидны, но все вместе и в подходящий момент могли доставить неприятности. Я спросила Минти:

– По-моему, надо пойти и повоевать с ними. Иначе у Таймона войдет в привычку кромсать книжную рубрику. Как ты думаешь?

Это был риторический вопрос, так как я уже приняла решение; но я привыкла обращаться с Минти так же, как со своими детьми (не во всем, конечно), – мне казалось, что детей нужно вовлекать во все дела.

Таймон был редактором воскресного дайджеста компании «Вистемакс Групп», на которую мы работали, и его слово было закон. Минти сидела ко мне спиной, отыскивая в записной книжке телефон Дэна Томаса.

– Как скажешь.

– Это одобрение или как?

Минти так и не обернулась.

– Может, лучше оставить все как есть, Роуз? Побереги свои силы.

Обычно, когда дело заходило о битвах за печатное пространство, Минти становилась такой же агрессивной, как я, поэтому такой ответ меня насторожил.

– Минти, тебе известно что-то, чего я не знаю? – осторожно спросила я. В нашей компании люди и события постоянно меняются, поэтому работать здесь довольно рискованно: чтобы выжить, необходимо стать гибким, скрытным, может быть, даже коварным.

– Нет, что ты, конечно нет.

– Но?..

У Минти зазвонил телефон, и она схватила трубку.

– Книги.

Я подождала пару минут. Минти нацарапала на листке бумаги: «Самомнение побольше твоей задницы» – и кинула записку мне. Это означало, что она будет говорить по телефону еще несколько минут, так что я оставила ее и вошла в комнату особой планировки, которая именовалась нашим офисом. Руководство часто напоминало своим сотрудникам, что его дизайн был разработан с учетом человеческого фактора; однако люди платили за такую заботу неблагодарностью и не

считали этот дизайн удачным: в комнате было слишком светло и просторно, здесь невозможно было уединиться, и, как ни странно, несмотря на гул разговоров и фоновый шум компьютеров, возникало впечатление, будто в офисе висит тоскливая тишина.

Мэйв Отли из редакторского отдела с сарказмом утверждала, что наш офис – рай для вуайеристов. И верно: тут нельзя было расслабиться, спрятать свои печали и разочарования; мы обитали словно в аквариуме, куда хозяева поленились положить хотя бы пару камешков. Вместе с Мэйв, которая тоже была моей подругой, я ворчала по поводу этого изобретения наших боссов, но, как и все остальные, уже адаптировалась и привыкла.

На нижнем этаже, в окружении стопок компьютерных распечаток и схем, с сокрушенным лицом сидел Стивен. Рядом с ним в контейнере покоились недоеденный куриный сэндвич и несколько пластиковых бутылочек с минеральной водой. Увидев, что я иду к нему, Стивен предупредительно поднял руку.

– Не надо, Роуз. Пощади!

– А ты сам пощадил книжную рубрику?

Он с вожделием взглянул на сэндвич.

– Подумаешь: урезал и подчистил. Роуз, твою рубрику можно сократить.

– Что, если я выскажу все Таймону?

– Ты же не такая стерва... Похоже, так ничего не добьешься.

– Какой же важный материал вторгается на мое место? Неужели рецепт пастушьей запеканки?

– Грязный заговор против члена совета министров. Не могу сказать, против кого именно. – Стивен принял важный вид. – Обычная история. Любовница с экзотическими пристрастиями, продвижение знакомых, сокрытие доходов. Очевидно, члены его семьи не подозревают о грядущем скандале, так что все держится в строгом секрете.

Меня пробрала дрожь отвращения. Когда я только начинала работать, меня мучило острое чувство вины за страдания, причиняемые людям такими разоблачениями. Впоследствии реакция притупилась: все это стало казаться обыденным и не очень расстраивало меня. И все же мысль о том, что станет с семьей человека, чье имя будут полоскать все газеты, была невыносима. Что

было бы со мной, проснись я в одно прекрасное утро и узнай, что вся наша с Натаном жизнь строилась на обмане? Рассыплюсь ли я на кусочки? О том, как такие истории лжи и предательства отражаются на детях, не хотелось даже и думать. Но я понимала, что ничего не могу сделать, разве что уволиться в знак протеста. «Неужели ты это сделаешь?» – спросил как-то Натан. «Нет». Так что мои личные сомнения и периодические всплески раскаяния я держала при себе.

– Мне их жаль, – сказала я Стивену и мысленно пробежала по списку возможных кандидатов. Я ведь живой человек.

– Не бери в голову. Он это заслужил.

Стивен откусил кусок сэндвича.

– Так мне можно продолжить работать? Заходя в лифт, я случайно наткнулась на Натана и его главного редактора Питера Шейкера.

– Привет, дорогой, – пробормотала я. Мужчины разговаривали вполголоса; Натан весь был в своих мыслях. Глядя на него в работе, я всегда испытывала потрясение – приятное потрясение: у меня появлялся шанс увидеть другую, независимую сторону того человека, которого я знала дома, и это вызывало у меня чувственное волнение. Это напоминало мне о том, что Натан вел еще и отдельное, индивидуальное существование. И я тоже.

– Натан, – коснулась я его руки, – я собиралась позвонить. В восемь мы должны быть в ресторане.

Он вздрогнул.

– Роуз. Я задумался, извини. Я... увидимся позже.

– Разумеется. – Я помахала ему и Питеру, но он не ответил, и двери закрылись. Я не придавала этому значения.

Натан работал заместителем редактора ежедневной газеты, выпускаемой «Вистемакс Групп», и очень занятым человеком. Пятница была днем сплошных совещаний, и чаще всего муж возвращался домой вымотанным и усталым. Тогда моей задачей было выслушать его и успокоить. Судя по выражению лица Натана, сегодняшняя пятница выдалась неудачной.

Лифт вез меня наверх. Работа и мужья – как много у них общего. Если повезет, найдешь то, что нужно, в нужное время. Влюбляешься в человека или работу, скрепляешь узы и приспосабливаешься к быту, который тебя устраивает. Должна признаться, то, что мы с Натаном работаем в одной компании (настоящий гигант электронной

индустрии, под корпоративным крылышком которого выходит несколько газет и журналов), – вовсе не случайность. Но мне бы хотелось думать, что на этой работе я удержалась благодаря моим способностям и личным качествам.

Поппи терпеть не может то, чем мы с Натаном занимаемся. Сейчас ей двадцать два, она уже не смеется и верит, что мы должны жить с пользой и для всеобщего блага: по крайней мере, так она думала, когда я в последний раз спрашивала ее об этом. «Зачем участвовать в таком громадном и бесполезном предприятии, как издание газеты? Предлог для того, чтобы рубить деревья и печатать обидный мусор?» Поппи всегда глубоко задумывалась над вещами – глубже, чем Сэм. Ее взросление было похоже на перчатку, которую выворачивают наизнанку, палец за пальцем. Если повезет, период взросления пройдет гладко, ведь Поппи живет не так уж плохо, но я переживала, что и у нее были душевные раны.

Когда я вернулась в офис, Минти болтала по телефону, но, увидев меня, прекратила разговор.

– Поговорим позже. Пока. – Покраснев, она снова принялась стучать по клавишам.

Я села за стол и набрала личный номер Натана.

– Я знаю, что ты должен идти на совещание, но у тебя все в порядке?

– Да, конечно.

– Просто... у тебя был встревоженный вид.

– Не больше и не меньше, чем обычно. К тому же с чего эта внезапная трогательная забота?

– Просто хотела убедиться, что ничего не случилось.

– То есть хотела первой узнать сплетни.

– Натан! – Но он уже положил трубку. – Иногда, – обратилась я к фотографии, – он просто невыносим.

В таком случае Минти обычно заявляла что-то вроде: «Мужчины? Да кому они нужны!» Или: «Я твой бесплатный психотерапевт, поговори об этом со мной». И ее темные раскосые глаза при этом блестели – очевидно, она представляла себе комическое зрелище: мужчины, женщины и поле их битвы. Но на этот раз она резко сказала:

– Натан очень милый человек.

От неожиданности я ответила не сразу:

– Милые люди тоже могут быть невыносимы.

– Некоторым никак не угодишь.

Повисла короткая неловкая пауза: не потому что я обиделась, а потому, что в ее словах была доля правды. Мы с Натаном были занятыми людьми, особенно он. Нехватка времени, как сырость в подвале, может разесть фундамент. Спустя минуту я попыталась сгладить неловкость.

– У нас вырезают страницу из-за скандала с разоблачением.

– Кому-то не повезло. – Минти выглянула в окно, словно желая сбежать. – Значит, все как прежде.

И снова это было не похоже на Минти – не поинтересоваться: «Разоблачение кого?» Я предприняла еще одну попытку и улыбнулась:

– Пройдемся вечером по магазинам? На Бонд-стрит?

Она явно напряглась.

– Я слишком растолстела.

Это была наша шутка. В магазинах на Бонд-стрит не отыщешь размера больше восьмого. Поскольку фигурка у Минти изящная и тоненькая и бюст отсутствует, ей этот магазин вполне подходит. Но я вынуждена делать покупки на Оксфорд-стрит, где неохотно признают существование четырнадцатого размера. Таким образом, мы сформулировали правило шопинг-терапии: чем больше твой размер, тем дальше от центра города ты вынуждена опустошать прилавки. (Тем, у кого размер еще больше моего, видимо, приходится промышлять на шоссе М25 и за его пределами.) Помимо этого мы с Минти мучаемся – мучаемся в прямом смысле, учитывая ограниченность нашей промышленности, – от большого размера ноги. Проблема, где найти обувь для женщин, которые не приняли обет игнорировать моду, была предметом плодотворного и оживленного обсуждения.

Разговор по-прежнему не клеился.

– Чем будешь заниматься на уикенд?

– Послушай, Роуз, – Минти с треском захлопнула ящик стола, – я не знаю.

– Понятно.

Больше я ничего не говорила. В конце концов, даже в офисе личное пространство – неотъемлемое право человека.

Мне пришлось выбирать между двумя рецензиями – одной нужно пожертвовать. Будет ли это блестящий труд о деятельности мозга, в котором автор заявляет, что каждые семь лет наши мозговые клетки обновляются и пополняются и мы становимся другими людьми? Идея казалась довольно революционной и должна была заставить содрогнуться церковников и психотерапевтов – от мысли, что они потеряют работу. Но при этом книга давала надежду и шанс разрубить цепи, связывающие человека со сложностями жизни или характера. Однако если я решу напечатать эту рецензию, мне придется отказаться от отзыва на последний роман Анны Уэст, который, правда, и так будет продаваться многотысячным тиражом. Выбор стоял между книгой, о которой читателям следует узнать, и романом, о котором им хотелось узнать.

Я позвонила в отдел статей. Ответила Кэрол; я спросила, не собираются ли они печатать статью об Анне Уэст.

Кэрол с радостью поделилась информацией.

– Естественно, собираемся. В этом выпуске. Большую статью. А почему ты спрашиваешь?

– Придется вырезать одну из рецензий, и я хотела убедиться, что тема будет освещена в другом разделе на этой неделе.

– Предоставь все нам, – ответила Кэрол, обрадовавшись, что у статей появилось преимущество перед книгами. Я улыбнулась: со временем я стала понимать, что работа в газете требует чувства меры, и если у тебя есть привычка помнить все обиды, от нее лучше избавиться.

Я быстро отредактировала две оставшиеся страницы, поместив теорию о семилетних мозговых циклах на верхнее место. Моя мать, Ианта, ничего бы в ней не поняла: она предпочитала, чтобы в жизни все было просто и понятно.

День близился к концу, и телефон звонил все реже: обычная ситуация. Минти разбирала гору книг и перекладывала их в почтовую корзинку. В пять часов она заварила нам по чашке чая, и мы выпили его в тишине, которая показалась мне дружелюбной.

По дороге домой я заглянула в церковь Святой Бенедикты. Мне требовалось побыть одной, на мгновение ощутить безмятежность.

Это была современная, ничем непримечательная церковь без потуг на элегантность и архитектурную изобретательность. Настоящую церковь Святой Бенедикты тридцать лет назад взорвали террористы ИРА. Здание, построенное вместо оригинала, выглядело дешево и мрачновато, как и должна выглядеть культовая постройка в век, когда место церкви в обществе не определено.

На столе у стеклянных входных дверей, как обычно, висилась гора книг с гимнами и памфлетов – в основном описание служб, проходивших на прошлой неделе. Нстойчивый аромат благовоний смешивался с запахом свежесжатого апельсинового сока из огромной бутылки в углу, вероятно припасенной для воскресной школы. Скамейки были скромного вида, но кто-то вышил подушечки для коленопреклонения аляповатыми цветами и орнаментами. Я часто задумывалась, кто же эти анонимные рукодельницы; что заставило их использовать ярко-красные и голубые цвета, круги и завитушки? Было ли это отдушиной в их однообразном существовании? Или, перенося на полотно символы древней и могущественной легенды, они руководствовались тягой к порядку?

Церковь Святой Бенедикты находилась не в моем районе; я не была религиозным человеком, но она притягивала меня – не только во времена переживаний, но и когда я была счастлива. Здесь я могла выскользнуть из своей оболочки, вздохнуть свободно и насладиться моментом, когда я была никем.

Я прошла по центральному проходу и свернула налево, в крошечный придел Богоматери, где у алтаря возвышалась статуя Мадонны в непривычно ярком синем покрывале – грубая, топорная скульптура, но на удивление трогательная. Неестественно розовые гипсовые ладони были воздеты в жесте благословения над круглым подсвечником, где горела одинокая свеча. Эта Мадонна охраняла жертвы насилия – ее гипсовые руки благословляли изувеченных и раненых Ирландии и Руанды, заблудшие души жителей Южной Америки и тех грешников, о которых нам ничего не было известно;

они напоминали нам, что Мадонна – мать всех матерей, чья обязанность – защищать детей и заботиться о них.

Иногда я садилась перед статуей и испытывала спокойствие и безмятежность женщины с устроенной жизнью. Но бывало, я задумывалась: не слишком ли я самодовольна?

Рядом на подносе лежали свечи. Я бросила в коробочку пару фунтов и взяла из стопки три свечи. Одну поставила за детей и Натана, вторую за Ианту, мою маму, третью за наш дом – чтобы в нем всегда были тепло и достаток, чтобы он служил нам убежищем.

Я уже собралась уходить, но передумала, порылась в сумочке и достала еще одну монету. Четвертая свеча предназначалась жене грешного министра – и моим притупившимся угрызениям совести.

На выходе я задержалась и сложила памфлеты на столике аккуратной стопкой.

Хотя было темно, я пошла домой через парк, выбрав тропинку, бежавшую вдоль реки.

Это был всего лишь городской парк, наполненный гулом транспорта, с грязными лужами и унылыми деревьями, но мне нравилось, с каким упорством он заявляет о себе как об уголке свежего воздуха. Повсюду, если присмотреться, можно было обнаружить незамысловатые радости: маленький венчик подснежников под деревом – проблеск веселья в дебрях зимы; летящая искорка красногрудой малиновки – яркое пятнышко в промозглых зарослях падуба; ряды тюльпанов и хохолки первоцвета и примулы у оснований их стеблей.

До сих пор зима была мягкая, сыроватая, похожая на интерлюдия. Днем прошел небольшой дождик, но сейчас стало почти тепло. Был еще только февраль, но в воздухе чувствовалось отчетливое дуновение весны, – крещендо. Я остановилась, перекинула сумку с книгами с одного плеча на другое, ощутив, как во мне пульсируют напряжение и восторг.

Взглянула на часы. Надо поторопиться. Я всегда должна торопиться.

Через пять минут я уже шагала по выложенной плиткой парадной дорожке дома номер семь по Лейки-стрит. Двадцать лет назад мы с Натаном мечтали о том, чтобы отреставрировать старинный домишко в районе Спитлфилдз или отыскать какой-нибудь четырехэтажный

семейный особняк георгианской эпохи по идеальной цене, который почему-то не заметил никто другой. Дом на Лейки-стрит оказался чем-то средним между нашей тесной квартиркой в Хэкни и домом нашей безумной мечты. Мы пообещали себе, что в один прекрасный день переедем в более престижное место, но вскоре уютно устроились на викторианской террасе, вмещающей всех членов нашей семьи, и забыли о грандиозных планах.

Горели уличные фонари, и свежая белая краска на оконных рамах блестела неоновым оттенком. Когда я проходила мимо лаврового дерева, на меня упали капли дождя, и в тысячный раз я сказала себе, что дерево слишком большое, посажено в неправильном месте и придется его срубить. И в тысячный раз дала приговору отсрочку.

Глава 2

Через шесть часов мы легли в постель, и привычным, таким родным жестом Натан положил руку мне на грудь. Между нами не было трений и барьеров – его рука скользила легко, как шелк по шелку, и я обвила его руками и ногами и притянула к себе. Позже он пробормотал: «Это было замечательно» – и погрузился в сон.

Мне тоже следовало бы задремать – мы поздно вернулись с корпоративного ужина, но я слишком устала, чтобы спать. Наследие тех дней, когда дети были маленькими. Воспоминания о вечере вереницей проносились в голове: спутанные, незначительные, они все же не оставляли меня.

– Все тридцать три удовольствия, – провозгласил Натан, нырнув через спальню с голыми ногами, в одних носках. Он напустил на себя важный вид, и я стала выбирать для него рубашку. – Лучшие наряды, Розы, и гламур. Иначе эти чертовы политики подумают, что все, на что мы способны, – это закатанные рукава и круги под глазами.

Иногда заостренная амбициозность Натана меня раздражала: он был таким постоянным, таким предсказуемым, и мне приходилось мириться с этим. Продать душу ради работы – одна беда; а вот когда большая часть твоей домашней жизни зависит от газеты, это совсем другое. В таких случаях я напоминала себе, что в каком-то смысле я так же предана своей работе, и раздражение быстро проходило. Я помогла ему надеть рубашку и застегнула верхнюю пуговицу.

– Дорогой, такое бывает только в Голливуде.

Один лишь Натан называл меня Розы – больше я никому не позволила бы разбрасываться уменьшительными словечками. «Розы слишком прекрасны и важны, – как-то сказала мне Ианта. – Розы – это единственные цветы, которым не придумали прозвища. Розу никто не посмеет назвать „отрадой сердца“ или „ягодницами голландца“!»^[1] – Она крепко обнимала меня после одной из подростковых истерик. – Розы шелестят на ветру и источают райский аромат. Это символ любви, но и символ горя. Подумай об этом». Бог знает, откуда мама это взяла, но ее слова влились в мою душу и затвердели, определив мое отношение к имени и самой себе.

С Натаном все по-другому. Ему можно было называть меня, как он захочет.

Я надела черное платье без рукавов, которое было мне слегка узко, и туфли на высоких каблуках. Мне давно пора было подстричься, но не хватало времени сходить к парикмахеру, так что я уложила волосы в шиньон – не слишком мне идет, но сгодится.

Мы под руку вошли в модный ресторан – один из тех, о которых пишут в журналах, существующих для того, чтобы читатели чувствовали себя несчастными: ведь их жизнь так далека от фантазии, описываемой там. Зал блестел серебром и стеклом; в белых вазах желтели очаровательные лютики.

Питер Шейкер и его жена Кэролин уже были здесь, и с ними молодая восходящая звезда – Джордж из финансового отдела – и его беременная жена Джеки, которая явно нервничала. Они наливались шампанским. С Питером и Кэролин мы не были близкими друзьями, но знали друг друга достаточно хорошо. Кэролин тоже пришла в черном платье и на высоких каблуках, но она маленькая и смуглая, а я – высокая, с каштановыми волосами, так что мы были совершенно не похожи.

Кэролин довольно нежно поцеловала меня. В течение многих лет мы часто встречались на корпоративных праздниках, но этим наше общение и ограничивалось. Поначалу Кэролин, которая не работала и была «домохозяйкой на полный день», просила меня сопровождать ее на дневные благотворительные сборища, но я всегда отказывалась, лишаясь таким образом и дружбы. С тех пор каждый раз, когда мы виделись, у меня было такое чувство, будто Кэролин, с ее безупречным домом и дочерьми, которые получили стипендии в средней школе и сами шили себе платья, задирает нос. Она делает это довольно вежливо, разумеется. Подруга постоянно намекала, что считает себя Идеальной Женой. Женщины не меньше мужчин любят соперничество, но умеют скрывать свое разочарование, и иногда их стремление конкурировать вызывает, как ни странно, симпатию.

В ожидании гостей – двух политиков и Монти Чэвета, писателя, специализирующегося на шпионских разоблачениях в Вестминстерском дворце, – мы выпили еще шампанского и посплетничали о делах компании.

– Видел сводку за эту неделю, Натан? – спросил Питер. Он с самоуверенным видом стоял перед моим мужем. В молодости Питер отличался болезненной худобой, но со временем приобрел уверенность в себе и поправился. Это ему шло.

Натан нахмурился:

– Надо будет все как следует обсудить...

Вскоре прибыли остальные гости. За столом я оказалась рядом с заместителем министра здравоохранения, которого звали Нил Скиннер. У него были бледная кожа, рыжие волосы и губы, которые на морозе сразу покрываются трещинами: не подарок для человека, которому зимой приходится выступать по телевидению. Мне стало его жалко: амбиции моего соседа были столь прозрачны, а должность ему досталась тяжелая, годящаяся лишь для политических самоубийц. Мы поговорили о его карьере, а потом замминистра спросил:

– Чем вы занимаетесь?

– Я – редактор книжной рубрики в воскресном «Дайджесте». («О, книги, – обычно говорили люди, с которыми я встречалась на светских вечерах; как же вам повезло. Вы знакомы с Салманом Рушди?»)

– И очень хороший редактор, – встрял Монти. Он разговаривал с Кэролин, но одновременно подслушивал нашу беседу. Как-то раз он признался мне, что именно так находит материал для книг. – Лучшая рубрика в городе.

– О боже, – нахмурился Нил Скиннер, – наверняка вы считаете меня полным тупицей.

Я невольно улыбнулась. Интересно, у кого комплекс неполноценности сильнее: у политиков или у журналистов? Краем глаза я наблюдала за Натаном: он пустил в ход все свое обаяние, беседуя со вторым, более солидным политиком, который, по слухам, имел шанс попасть в кабинет при следующей перестановке, – как обычно, он был весь внимание и держался настороже.

– Вовсе нет, – ответила я. – С какой стати? Нил побарабанил пальцем по стакану: держу пари, он специально делал маникюр.

– Трудно работать на компанию, которая способна причинить людям столько вреда?

Я посмотрела в его светлые глаза и ответила честно:

– Бывает.

Он наполнил мой бокал.

- Но вы же все равно работаете?
- Да, но я верю в то, что делаю, и думаю, вам придется со мной согласиться.
- Что ж, – ответил он, – у нас с вами есть кое-что общее.

Шестое чувство подсказало мне, что Натан не спит: он лежал слишком тихо, и я повернулась к нему лицом. Муж застыл и выпрямился под одеялом, не раскинув ноги, как обычно. Я положила ладонь ему на грудь.

– Тебя что-то беспокоит? Последовало молчание. Он повернулся ко мне спиной.

– Нет, конечно. Спи.

– Натан? – В постели мы обычно разговаривали лицом к лицу; именно здесь мы делились вещами, которые должны были храниться в секрете. – Нас ждет грязный скандал. Разоблачение министра, между прочим.

Послышалось ворчание:

– Я в курсе. Таймон предупредил. Это Чарлз Мэддер. Они много месяцев над этим работали. Его делом занималась целая команда.

Значит, по меньшей мере шестеро человек изучали любой материал, на который им удалось наложить лапу: мусорные корзины, архивы и прочее, и, вероятно, велась слежка.

– Нил Скиннер спросил, не трудно ли мне работать в компании, которая способна причинить людям столько вреда.

– Тот же вопрос можно задать и политикам.

– Верно. – Я придвинулась ближе и обвила его рукой. – И все же не хочется думать, что будет с семьей этого человека. – Я поцеловала мужа в плечо. – Считается, что самое худшее, что может произойти, – это смерть. Но когда человек, которого ты любила и кому доверяла, выставляет тебя идиоткой, это куда более жестоко. По крайней мере, когда кто-то умирает, о нем остаются лишь хорошие воспоминания.

– Роуз, если эта работа тебе не по зубам, ты знаешь, что делать.

Я зажала пальцами край его пижамы.

– Эй, ни к чему строить из себя Гордона Гекко.^[2] Мы же дома, нас никто не видит.

Я ожидала, что он рассмеется. Но Натан лишь повторил:

– Спи. – И отодвинулся.

Я задремала и стала видеть сны, погружаясь в воспоминания и возвращаясь обратно, представляя сцены из прошлой семейной жизни: ведь с годами на Лейки-стрит многое изменилось. С взрослением детей и их уходом из дома в нашей супружеской жизни образовалась пустота. Точнее, их уход словно поднял якорь, и иногда я переживала, что мы с Натаном, как ни странно, остались болтаться без привязи. Неудивительно, что время от времени, к нашему изумлению, нам приходилось приспосабливаться.

Когда мы только поженились, все было по-другому; тогда мы ожидали трудностей. На меня нахлынули воспоминания.

Взбираясь по трапу самолета, улетающего из Бразилии, я ощущала такую слабость, что дрожали ноги. Я потеряла много крови, и доктор предупредил, что на лечение понадобится время, так как я наделала глупостей.

В салоне висел запах пластика, обгорелой кожи и лосьона после бритья, каким пользуются бизнесмены; стояла искусственная прохлада. Был разгар летнего сезона, и самолет заполнили семьи с визжащими детьми и туристы, которые выпили слишком много пива и теперь отправлялись домой, во взрослую жизнь. Путешествие до Лондона обещало быть нелегким испытанием.

Я отыскала свое место у окна и рухнула в кресло. На иллюминаторе виднелось пыльное пятно, я машинально вытерла его. Очередная партия пассажиров вывалилась из автобуса и заполонила трап. Среди них было много пожилых: их держали в конце очереди – наверное, чтобы они могли взойти не спеша.

Я чертила пальцем узор на окне. Пожилые люди не так остро переживают, не так ли? Угрызения совести и желания притупились, нервные окончания истрепались. Как бы я хотела оставить позади годы страданий, перешагнуть через них и перейти на следующую ступень.

На плавающем бетоне за окном сновали взад-вперед фигуры. Я тоже плавилась от жары и слез. Не могу вспомнить, чтобы я когда-либо так плакала: слезы невозможно было остановить, они стекали по щекам и подбородку на шею, скапливаясь лужицей в промокнутом воротнике. Из носа текло ручьем.

Прощай, любимый!

Бразильское небо, которое мы почти не видели в джунглях, было ослепительно синим. Там, когда оно темнело, на ветках мерцающими ожерельями собирались светлячки, опутывая полог из плетеных листьев.

– Послушайте, – раздался мужской голос с соседнего сиденья, – вы, наверное, пытаетесь это скрыть, но я же вижу, что вы плачете, и вам нужен платок. Прошу вас, возьмите мой, и я обещаю, что не буду обращать внимания.

Что-то упало мне на колени, и пальцы нащупали хлопчатобумажный четырехугольник – такой мягкий, будто его стирали сотню раз. Это было так благородно, а платок был такой чистый и домашний... Когда самолет сорвался со взлетной полосы, он промок насквозь.

Мы летели уже полчаса или около того, когда я наконец почувствовала, что вполне успокоилась и могу поблагодарить своего спасителя. Он был чуть старше меня, опрятно одет – в льняную рубашку и отглаженные брюки. Шея и руки его безбожно обгорели на солнце. У него был пухлый кейс с красивой, дорогой отделкой. Он внимательно читал книгу в бумажной обложке. Я знала, он делает это, чтобы заверить меня: свою компанию он навязывать не собирается.

– Вы были очень добры, – сказала я.

Он взглянул на мокрый комочек в моих руках.

– Пожалуйста, оставьте платок себе.

– Извините, что побеспокоила вас.

Незнакомец улыбнулся так, будто ему нравилось, когда женщины рыдают рядом с ним. Я заметила, что он улыбается искренне: не только губами, но и глазами.

– Если вас это утешит – я видел и похуже. Так что продолжайте, если хотите.

Я поймала соседа на слове и большую часть перелета периодически заливалась слезами, а он продолжал читать книгу о южноамериканской политике, царапая что-то на полях и поглощая сначала свой, а потом и мой обед.

Когда подносы унесли, сосед спросил:

– Хотите поспать у меня на плече?

Чувствуя себя по-идиотски, но слишком измученная, чтобы спорить, я приняла предложение и вскоре забылась. Когда я

проснулась, за окном была ночь; мой спутник спал, но его плечо по-прежнему поддерживало мою голову.

Когда самолет начал снижаться в Хитроу, в иллюминаторе стали вырисовываться шокирующе тусклые коричнево-зеленые квадратики Мидлсекса. Мой сосед привел спинку кресла в вертикальное положение.

– Вполне вероятно, что вас расстроило то, что происходит сейчас в Южной Америке на политическом фронте – не надо так удивляться, многих людей это действительно огорчает. Меня, например, и я был бы рад как-нибудь вам рассказать об этом. А может, вы убили налогового инспектора и едете домой, где вас ждет тюрьма? Или вам пришлось попрощаться с близким родственником, которого вы больше никогда не увидите? Но мне почему-то кажется, что вы переживаете из-за любви. – Я промолчала. – Должно быть, он негодяй, – заметил мой спутник. – Я бы в жизни не бросил женщину с такими волосами. – На это мне тоже нечего было ответить.

Самолет взревел, коснувшись земли, и покатился к терминалу.

– Хотите, возьмем одно такси на двоих до Лондона? – спросил мой сосед. – Не волнуйтесь, беру все расходы на себя.

Я слишком устала, чтобы о чем-либо думать, и согласилась.

– Постараюсь не заплакать. – Я взглянула на серое, промозглое небо. – Вы всегда портите книги?

– Только если содержание того заслуживает.

– Бедная книга. – Я чувствовала себя несчастной; горечь потери, казалось, ощущалась даже во рту, и это было ужасно.

– Меня зовут Натан Ллойд. – Он протянул руку. – А вас?

– Роуз.

В семь тридцать нас разбудил телефонный звонок. Натан застонал и потянулся к трубке.

– Да, – сонно проговорил он, потом резко встрепенулся: – Хорошо, Питер.

Я выскользнула из кровати. Порядок был мне известен – наступил кризис, и Натану необходимо быть в офисе. Объявили войну, или член королевской семьи повел себя неподобающе, или же газете предъявили обвинение в клевете. Такое случалось уже не раз и повторялось с завидной регулярностью.

Я накинула халат и спустилась в кухню, остановившись на лестничной площадке, чтобы взглянуть в зеркало и поправить волосы. В одной карикатуре женщина смотрит в зеркало и восклицает: «Погодите, это какая-то ошибка. Я намного моложе нее!»

С годами четкие контуры лица расплылись, и, выбираясь утром из кровати, уже не приходилось рассчитывать на то, что будешь выглядеть прекрасно: это было невозможно. Хотя мне нравились лица, которые приобретают туманную мягкость в противовес эластичности и сиянию юной кожи – к примеру, Ианта сейчас выглядит гораздо интереснее, чем в сорок, – нужно лишь время, чтобы к этому привыкнуть. Не думала, что в сорок семь я буду менее уверена в себе, чем двадцать лет назад: мне всегда казалось, что взросление освобождает от комплексов. Но все оказалось не так, и, безусловно, эту тему я с Натаном не обсуждала.

На кухне я раздвинула жалюзи, и комнату залил слабый солнечный свет. Я глубоко вздохнула. Сегодня придется разбираться в сарае и делать те вещи, до которых не доходят руки в холодную погоду.

Бросив на сковородку пару ломтей бекона, я накрыла на стол, выжала сок из апельсинов и приготовила кофе. Я обожала свою кухню. Это было мое любимое место: я наполнила его кремовыми и белыми предметами – кувшинами, мисками, фарфором, тщательно отбирая их в течение многих лет. Я убиралась, ставила грязные чашки в посудомоечную машину, складывала стопкой неглаженое белье.

Когда бекон поджарился до хруста, я подогрела молоко и позвала Натана. Он влетел в кухню в повседневном офисном костюме. Его голова была уже занята делами. Превращение младшего политического корреспондента, с которым я познакомилась в самолете, в Натана – заместителя главного редактора – было завоевано с трудом. Как-то раз я спросила мужа, не скучает ли он по охоте за сенсациями, и он ответил, что уже не помнит, как это было, а значит, не может и скучать. В его словах был резон.

Я налила ему кофе и села напротив.

– Жаль, что тебе приходится идти.

Он пожал плечами:

– Нам всем известны правила. Это не займет весь день, но я дам тебе знать. – Последовала пауза. – Где ты будешь?

Я выглянула в окно.

– Займусь кое-какой домашней работой, а потом, если погода не испортится, посижу в саду. – Сад был моей территорией, и я проводила там все свободное время. Натан ненавидел копать в земле: обычно он сидел в шезлонге и комментировал мои действия.

Доев бекон, муж потянулся за тостом.

– Твой сад нас разорит, – заметил он.

– В этом году там будет замечательно. Вот увидишь. Я сотворила чудеса.

– Ты всегда так говоришь.

– И это правда.

На его лице промелькнула смутная утренняя улыбка:

– Да, это правда.

Мы с Натаном ссорились из-за того, что я топаю по дому с мешками грибного компоста и навоза – ведь я разводила грязь. Мы ссорились из-за денег, которые я тратила на растения; ссорились потому, что я отказывалась брать отпуск, когда какая-нибудь *Raeonia suf-fruticosa* расправляла свои юбочки и являла миру все великолепие красок.

Мужу не нравилось, что по ночам я читаю книги по садоводству и мешаю ему спать; он горько сокрушался, когда я заказала строителям маленький фонтанчик. Это была пиррова победа: фонтан непрерывно приносил неприятности, так как требовал регулярного ухода.

И все же это были приятные ссоры, такие должны возникать у людей, живущих вместе. Они поднимали вихрь и исчезали, оставляя после себя покой. Мы с Натаном были рады стоять по разные стороны садового забора и кричать друг на друга.

Я подлила Натану кофе.

– Ты не звонил Поппи?

В мае Поппи сдавала выпускные экзамены в Ноттингемском университете, и мы сомневались, готовится ли она к ним. Натан решил прочитать дочери нотацию, хотя я возразила, что в двадцать два года Поппи может сама выбирать, как жить. Он же ответил, что в таком случае ей придется выбирать между его и моей позицией.

– Нет, но обязательно позвоню, – раздраженно произнес муж. – Сегодня вечером. Только не заводишь.

– Я и не заводюсь. Просто напоминаю.

Я налила себе кофе. Натан поднялся наверх почистить зубы. Чуть позже он с грохотом спустился вниз, прокричал «до свидания», и входная дверь закрылась. Очередная суббота...

Я посмотрела в свою чашку. На поверхности плавали пенки, оставляя на серой жидкости след из жирных пузырьков. Я вылила кофе в раковину.

Глава 3

Мой звонок разбудил Поппи.

– Хотела спросить, как у тебя дела, – сказала я.

Она рассердилась:

– Мам, ты знаешь, который час?

– Извини. Я просто хотела с тобой поговорить.

– Поговори со мной в нормальное время, – фыркнула она. – Как папа?

– На работе. У них кризис.

– Кризисы ему нравятся, – ответила папина дочка, – он чувствует себя нужным.

– Папа собирается тебе позвонить. Я подумала, что стоит тебя предупредить.

В телефонной трубке раздался вздох.

– Послушай, я знаю, что ты скажешь... в этом нет необходимости. Я сама отвечаю за свою жизнь...

Девочка наговорила еще много чего в том же духе: Поппи вежливо предупреждала меня не переходить грань, и спустя какое-то время я сдалась. Дочка пообещала, что скоро приедет домой, заверила, что у нее все хорошо и она счастлива, и на этом разговор был окончен.

Я покормила Петрушку печеньем для пожилых кошек, и она прикорнула на полке над радиатором. Петрушке было шестнадцать лет, и я изо всех сил старалась не думать об этом. Она давно забрала мое сердце; мне казалось, что она должна жить вечно.

Я убирала посуду и слушала новости по радио. В Америке объявился очередной серийный убийца, в Индонезии назревает гражданская война. Отчаявшаяся семейная пара из Британии проделала путь до Южной Америки, чтобы усыновить ребенка, и стала жертвой мошенничества.

Я слушала и думала о том, какое это счастье, что я избавлена от этих проблем. В моей жизни есть дети, Натан, работа. Я жадно питалась своим счастьем, понимая, что другие его лишены.

– Можно ли быть счастливым, когда где-то в мире люди умирают, потому что им не хватает пищи? Или страдают от врожденных

неизлечимых болезней, или сам факт их существования – политическая проблема? – спросила я как-то Натана, когда мы сидели за столом в нашей кухне вскоре после переезда на Лейки-стрит. Мне было двадцать два, я все еще была мечтательна и восприимчива, хотя уже готовилась стать матерью. До рождения детей у нас еще было время на такие разговоры.

– Наверное, наше существование должно омрачаться ужасными жизнями этих людей?

Натан налил себе вина, а мне молока.

– Если ты говоришь о фрейдистской идее «другого», в бессознательном поиске которого мы находимся, тогда нет, это слишком неточное применение. К тому же это всего лишь теория, и люди намного эгоистичнее, чем ты предполагаешь.

Отсылка к Фрейду вернула меня на землю и напомнила, что очень многое о Натане мне было неизвестно. Пока.

– Я и не думала про Фрейда, просто размышляла, – ответила я. – Надеюсь, что мы можем быть счастливы.

Повисла жуткая тишина, и я пожалела, что не придержала язык.

– Роза, взгляни на меня. Разумеется, мы можем быть счастливы, – горячо проговорил он, переживая из-за того, какой оборот приняла беседа. Я встала и начала целовать мужа, пока он обо всем не забыл.

К счастью, все это осталось в прошлом: всего лишь зыбь на поверхности зарождающегося брака.

Если и было что-то положительное в том, что дети покинули гнездо, так это моя ново-обретенная радость от домашних дел: я не думала раньше, что они могут доставлять такое удовольствие. Некоторые женщины ненавидят домашние заботы, но мне нравится убираться: ритуал украшения и чистки домашнего очага стар как мир, и меня грела мысль о том, что я – одна из многих поколений женщин, выполнявших этот обычай. Натану тоже нравилось, когда я чистила и наводила блеск, и он признавался, что иногда – на работе или в путешествии – представляет, как я провожу метелкой из перьев по сияющей отполированной поверхности. При этом муж с улыбкой добавлял, что я могу и его пощекотать метелкой, и я обещала, что так и сделаю.

Сегодня мне предстояла еженедельная полировка столешницы. Стол был французский, из грецкого ореха, и слишком шикарный для

кухни, но мне хотелось иметь стол, за которым можно было бы собираться на ужин и радоваться семейной жизни. Стоило мне увидеть его в антикварном магазине в Норфолке, как я поняла, что он должен быть моим, и взялась за спасение этого побитого, выдавшего виды сокровища.

Принадлежности для чистки хранились в комнате, прилегавшей к кухне. Агент, продавший нам дом на Лейки-стрит, чье воображение не знало себе равных, называл эту комнату «настоящим чуланом для дичи», но скорее всего помещение использовали как уборную или прачечную. В эту крошечную комнатку я сваливала вещи, которые не решалась выбросить: старую коляску (может, когда-нибудь пригодится), конструктор «Меккано» Сэма (он так его любил), складной розовый домик куклы Уэнди, принадлежавший Поппи (напоминание о воображаемом мире, в котором она жила). Полки занимала моя коллекция ваз, также вызволенных с блошиных рынков, – обильно декорированные узкие фарфоровые флейты, дешевое стекло, пытающееся быть похожим на хрусталь, и имитация ардеко. Меня трогала амбициозность создателей ваз.

Полироль растекся по поверхности стола молочными облачками, и я принялась натирать столешницу, пока с удовлетворением не увидела, что атласная древесина защищена до следующей недели. Я сделала шаг назад и полюбовалась своей работой.

В этом доме прошла большая часть нашей с Натаном совместной жизни. Один человек как-то сказал, что если хорошо знаешь свой дом, то по старым стенам можно прочитать историю, как по страницам книги. Обстановка домов не менее интимна и занимательна. Если хотите знать, один взгляд на комнату способен сказать, кто здесь неряха, кто утратил всякую надежду, а кто отчаялся.

Когда мы купили дом на Лейки-стрит, он нуждался в капитальном ремонте и поэтому обошелся нам дешево. Мы воевали с сыростью, мышами и расшатанными опорами. Ремонт был похож на нанесение слоев лака – одним словом, шел очень медленно. Мы делали ошибки – взять хотя бы несчастные стены цвета терракоты в столовой, которые мы так и не перекрасили; ванную, спланированную в самом неподходящем месте; неудобный, уродливый диван в комнате няни. Когда я выбирала его, он казался мне симпатичным. О шторах с рюшечками на лестничной площадке вообще помолчу («Как трусы у

шлюхи, – вынесла вердикт моя подруга Ви, впервые увидев эти рюши. – У тебя темное прошлое, Роуз?»). Теперь от старости занавески истрепались в бахрому.

Мы с Натаном пообещали друг другу, что когда дети вырастут, мы устроим в доме ремонт. Но этого так и не произошло. Нам и так было уютно.

Субботнее утро прошло мирно: я сидела на кухне, разбирала беспорядок, наводила чистоту и составляла список покупок. По радио передавали симфонию Малера, полную отчаяния и горести, – жена композитора была ему неверна. Время от времени я невольно прекращала дела и вслушивалась в мелодию. Страдания Малера породили прекрасную музыку. Комнату наполнял свежий, крахмальный запах выглаженного белья, смешанный с ароматом пчелиного воска от полироли и легким благоуханием кофе. Петрушка иногда поднималась и потягивалась.

Я вышла из кухни, чтобы отнести белье наверх, в сушилку, находившуюся в комнате для гостей. Комната для гостей была роскошью, и по этой причине я поддерживала в ней безупречный порядок. На двух кроватях красовались белые хлопчатобумажные покрывала, вместо занавесок – бледно-розовая дымка французского тюля; на стене висела картина, подарок Натана на день рождения – белые розы на темном фоне. «Картина для нашей спальни, – сказал он, вручая мне ее. – Художник – русский, он еще очень молод, и его картины продаются контрабандой. Было нелегко с ним договориться, но я пригрозил разоблачением. Стоило мне увидеть картину, как я понял, что она для тебя».

Натан частенько получал подобные подарки. Он притворялся, что это выходит само собой, но я подозревала, что муж поощряет игры с конфиденциальной информацией, потому что ему льстит быть в центре событий. «Я в восторге, Натан, – честно призналась я. – Прекрасная картина.» Он был доволен: «Я рад, что выбрал ту, что тебе по душе. – В разговорах об искусстве муж не был так уверен в себе, и меня это трогало. – Мне нравится, что художник рисует в духе старых европейских традиций. Похоже, влияние модернизма его не затронуло», – осторожно добавил он. Я согласилась.

Сочетание реализма и красоты, религиозности и верности правде, меланхолии и глубины многое поведало мне о незнакомом художнике,

и я не удивилась, что картина запала Натану в душу. Изображенные в оловянной вазе, с четками, брошенными на переднем плане, розы играли тысячей оттенков: серым, меловым, грязновато-белым, но в результате возникал эффект сияния; бутоны были чувственно-взъерошенны, хотя художник и добавил россыпь сорванных хрупких лепестков. Темный фон скрывал тайны, но мне никогда не узнать, какие именно.

— Эти розы напоминают мне тебя в саду, сказал Натан. Мы стояли и вместе рассматривали картину; наши отражения неясно мерцали на темном полотне.

Мы так и не договорились, где именно повесить картину в спальне. К тому же мне казалось, что в комнате для гостей она будет как раз на своем месте.

Я сложила белье в шкаф: простыни в одну стопку, наволочки в другую, встряхнула мешочки с лавандой, чтобы высвободить аромат, и вышла из комнаты.

Сэм приехал в Лондон на выходные и заглянул на ланч в воскресенье. Один, без Элис.

Сэм был красивым статным парнем, но, к счастью, не придавал этому большого значения. Он работал в научно-исследовательской компании, располагавшейся на старой свиной ферме в окрестностях Бата. Нашего сына считали восходящей звездой, и его зарплата и стиль жизни соответствовали этому мнению.

Он был прекрасным, компетентным специалистом в области генетики, и предвкушал рождение мира, где человеческими генами можно будет манипулировать для удобства и здоровья людей. Сын свято верил в то, что нас ждет лучшее будущее, и я горячо любила его за то, что он есть, за его идеалы.

Однако в области личной жизни Сэм не был специалистом.

Пока я готовила ланч, сын зашел на кухню и занял место у окна. Я откинула на дуршлаг сваренный на пару картофель.

— Зачем ты так делаешь? — спросил он. Я выложила картофель в форму с горячим маслом.

— Так у картофеля появляется хрустящая корочка.

— Надо сказать Элис. Мы оба учимся готовить.

Я поставила форму в духовку. Сэму давно пора понять, что Элис не из тех девушек, кто ценит кулинарные советы. Более того, ее безупречная внешность и неприкрытые амбиции заставляют женщин в возрасте чувствовать себя неуютно.

– Как она поживает? – я избегала его взгляда.

– Нормально. – Сын замялся. – Наверное.

– Наверное?

– Она поехала в Австрию, кататься на лыжах. – Сэм засунул руки в карманы и стал в точности, как отец. – Неисправимая любительница развлечений.

Элис регулярно причиняла Сэму страдания. К его чести, он не распространялся на этот счет, но мы с Натаном все видели без слов. В один прекрасный день Сэм познакомился с золотоволосой Элис на конференции и моментально, не успев выслушать ничьих предупреждений, влюбился. Теперь ничего поделать было нельзя – лишь переждать.

К курице я планировала подать соус с эстрагоном, карликовую морковь, горошек и стручковую фасоль. Чистить морковь было кропотливым занятием, и пришлось сконцентрироваться. «Прекрати, мам», – сказала бы Поппи. Но какой смысл иметь детей и не вмешиваться в их жизнь? Вмешиваться так же естественно, как и дышать.

– Знаешь, я попросил ее выйти за меня замуж.

Я задела ножом ноготь и пососала палец. Ответ Элис был ясен по виду Сэма. Я понимала, что следует выступить в роли самаритянки, мудрого советчика, но боль и разочарование сына расстроили меня, и я была в растерянности.

– Сэм, может, нам открыть бутылку вина?

– Ничего страшного, можем об этом поговорить.

– И что?..

– Элис не видит смысла в замужестве. У нее потрясающая работа и потрясающая зарплата. Потрясающая квартира. Потрясающая машина. Все тридцать три удовольствия. Зачем ей портить себе жизнь? – Его глаза потемнели от тоски. – Но мне хочется завести семью.

– Ты ей это объяснил?

Сын пожал плечами:

– Разумеется. Элис кажется, что после свадьбы люди начинают вытворять друг с другом немыслимые вещи. Она думает, что это неправильно – строить жизнь на любви. Теперь женщины на это не клюют. Как у организационного принципа у любви есть недостатки.

– И ты собираешься сдаться?

– Не знаю.

– Ох, Сэм... – Я взяла его руку и погладила, желая взять боль сына на себя. Для чего еще нужны матери?

Когда цыпленок был готов, Натан отрезал пару кусочков от грудки и положил их веером на тарелке для мистера Сирса. Я добавила печеный картофель, овощи и отдельно приготовленную порцию соуса: мистер Сирс недолюбливал пряности. «Вернусь через пару минут», – сказала я и оставила Натана помешивать соус, а Сэма – накрывать на стол.

Мистер Сирс жил по соседству, в одиночестве, и был прикован к постели. Я спустилась по каменным ступеням в подвал дома номер девять. Во время войны Лейки-стрит частенько бомбили самолеты, и три дома были уничтожены. В пятидесятые годы городской совет выклянчил деньги на постройку не слишком красивых, но и не уродливых домов на их месте.

– Кто? – крикнул мистер Сирс, услышав мой стук.

– Роуз. – Я всегда оказывалась не тем человеком, которого он желал увидеть. Им была Бетти, его дочь, которая много лет назад собрала чемоданы и покинула его. Она навещала отца раз в год, да и то неохотно.

Я зашла в гостиную, где мистер Сирс сидел в кресле; вокруг было множество газет и переполненных пепельниц.

– Я принесла вам воскресный ланч.

Мистеру Сирсу было важно напомнить, какой сегодня день, потому что у него было плохо с памятью. Времени в привычном смысле для него уже не существовало, от календарей не было никакой пользы: он никогда в них не заглядывал.

– Очень мило, – произнес старик с удивленным видом. – И зачем вы это сделали? – Ну вот, опять: я приношу ему воскресный ланч уже пять лет.

Я сходила на кухню, взяла поднос и поставила еду ему на колени.

– Цыпленок. Ваш любимый. Если только ваши вкусы не изменились.

Он потыкал вилкой морковку, и я поняла, что ему понадобится встряска.

– Возможно, вам будет интересно, мистер Сирс, что с восемьдесят восьмого маршрута снимают «Рутмастеры»^[3] и запускают автобусы, где платишь прямо водителю.

– Правда?

– Все этим недовольны. Организуется акция протеста.

Эта информация настолько взволновала мистера Сирса, что он съел первую ложку, и я успокоилась.

Наша дружба развивалась постепенно и крепла в течение многих лет. До того как мистер Сирс стал немощным, он целыми днями ездил на автобусах. Автобусы были его страстью, он изучил сеть пересекающихся маршрутов и стал в этом вопросе уникальным специалистом. Он знал о расписании, о билетах и вообще об автобусах то, что не было известно никому. Так что в каком-то смысле автобусы стали и моим хобби. Я рассказывала соседу о поломках, свежих рекламных объявлениях на автобусах и иногда заезжала в депо в Стоквелле, чтобы потом поделиться с ним новостями.

Другим пристрастием мистера Сирса была Петрушка, которая считала дом номер девять своим вторым домом. Когда разговор об автобусах иссякал, мы беседовали о ней и Рыжике, коте, который когда-то жил у мистера Сирса.

Я проверила график и узнала, какая из сиделок сегодня укладывает его спать.

– Сегодня вечером к вам придет Мэрилин, мистер Сирс. Ваша любимая сиделка. – Я расслышала нотку фальшивой веселости, прокрадывшуюся в мой голос, и поморщилась.

Мистер Сирс бросил на меня пронзительный взгляд.

– Надеюсь, ланч придется вам по вкусу.

– От курятины у меня голова болит, – ответил он в наказание мне.

Сразу после обеда Сэм уехал с Лейки-стрит, и я настояла, чтобы мы с Натаном выпили кофе в саду.

– Вот видишь? – сказала я, распахивая французские окна. – Идеальный сад.

Первые ростки гибрида мускусной розы боролись за пространство с дерзким жасминовидным пасленом. Клематис «Мари Буало» уже покрылся зародышами листиков, а ползучая роза готовилась позднее, по весне, пустить вдоль забора крошечные, размером с кулачок младенца, кремовые бутоны. Все растения были расположены так, чтобы раскрывать свою красоту постепенно, – это ежегодное шоу. Лаванда белая, полынь «Серебряная королева» – мои милые, нежные детки. Я почти забыла про оливковое дерево в каменном горшке. В блеклом свете оно тоже отливало серебристым мерцанием.

Зимой камни покрывал мох, забираясь на скамейку. Его нужно было смачивать дезинфицирующим средством и соскребать, и я взяла ведро. Натан потер камни патио ботинком, счищая с них поросль.

– Ты сегодня очень тихий, Натан. – Я поскребла скамью и вытерла ее тряпкой. Муж наблюдал за мной.

– Слишком холодно. – Он присел, но не взглянул на меня. И я подумала, уж не сердится ли он.

Я сделала еще одну попытку:

– Думаю, я спасла клематис.

– Не понимаю, почему ты одержима белым. Неужели нельзя добавить немного цвета, чтобы внести хоть какое-то оживление?

Мне уже не раз приходило в голову, что Натан ревнует меня к саду.

– Я не знаю. Мне нравится белый. Но может быть, ради разнообразия, я выбрала бы красный.

И тут Натан сказал кое-что, что показалось мне странным:

– Мне кажется, Роза, что я никогда тебя не понимал.

Это было слишком серьезное заявление, и я решила воспринять его как шутку.

– И не надо меня понимать. – Я наклонилась и поцеловала мужа. – В женщине должна быть загадка.

– Не говори глупости.

Почему мне нравился белый цвет в саду? Бесспорно, некоторые книги, попадавшие на мой рабочий стол, предлагали различные толкования периода увлеченности белым в истории садоводства. У Пикассо был синий период, и немало трудов посвящено его анализу. Возможно, белые сады символизировали неосознанное стремление к чистоте. Но скорее всего, плотные, невинные бутоны, пробивающиеся сквозь шоколадного цвета землю, нежная, неизменная добродетель

сада создавали прямой контраст происходящему в мире. Однако любому дураку известно, что важны не толкования, а сам сад. Мои белые красавицы не сдавались, пробивали себе дорогу среди гниющих заборов и простирались прохладным пологом над усталой городской почвой. Возможно, я и вправду испытывала тягу к ясности и прямоте, символом которой является белый. Этого я объяснить Натану не могла. Однако истинный смысл крылся в очевидной красоте белого цвета. Натан поднялся:

– Я иду в дом.

– Не хочешь прогуляться? Я могу заняться этим как-нибудь в другой раз.

– Нет. Я знаю, тебе хочется расправиться со мхом. Я и сам могу прогуляться.

– Отлично.

Я наполнила ведро из уличного крана, налила дезинфицирующего средства, встала на четвереньки и начала скрести. Раствор был вяжущим и пах чистотой; кожу щипало. Слышно было, как Натан ходит по дому. Он помыл посуду, поговорил по телефону, а потом я услышала, как хлопнула входная дверь.

Чистящая щетка была новой и с силой вгрызалась в мох. Открылся кусок свежееотчищенной каменной плитки. Это был дешевый заменитель известняка, привезенный из Индии. Камень был очень старый, на некоторых плитках остались следы доисторических растений – листок с замысловатым узором. Рыбная косточка папоротника.

Я провела по папоротнику мокрым пальцем. Безграничное разнообразие природы основано на десяти основных рисунках: завитки, спираль, кристалл, ветвь и так далее. Я узнала об этом, когда училась в Оксфорде. Мне нравилась эта теория. Строгость природы меня утешала: ведь я до сих пор хранила серебряную медаль с гравировкой: «Роуз Аттли: за опрятность и пунктуальность. Третий класс». Мне была по душе идея природного порядка и простоты – одна из причин, по которой я вышла за Натана.

И так далее, и так далее.

Закончив убираться в патио, я занялась садовой мебелью. Работа была не из легких, и я приятно согрелась. Время от времени я поднимала голову и смотрела на ждущий весны сад в коричнево-

зеленых тонах – просто так, ради удовольствия оглянуться вокруг. При въезде в дом меня приветствовали сорок пять футов блеклой, выщелоченной лондонской глины, покрытые мусором и колючими кустами, – все тот же агент с богатым воображением называл этот садик «зрелым и перспективным». Мне же казалось, будто сад говорил: «Я бросаю тебе вызов. Попробуй меня одолеть».

В глубине располагался фонтан: вода вытекала из кувшина, который держала женщина в драпированных одеждах, и капала в кирпичный бассейн, куда я сложила камешки, собранные Сэмом и Поппи на пляже в Хастингсе. Этот фонтан представлялся мне чем-то вечным: все менялось, – но оставалось прежним.

Я перевела взгляд на сирень – старую, разросшуюся. И все же даже она была проникнута ожиданием – как и розы, и пучки листьев, из которых появится черно-белый мак, и мои драгоценные рыже-коричневые медвежьи ушки, – как и все вокруг. Близилась весна. В который уже раз все в природе повторяется.

Глава 4

В понедельник наш офис сотрясал скандал с Чарлзом Мэддером. По всему зданию надрывались телефоны, велись консультации с адвокатами, со всех сторон обсасывались улики. Обстановка воцарилась враждебная, напряженная, и, думаю, все это чувствовали.

Особенно раздражал запах плохого кофе из автоматов. Кто-то пролил чашку на красный ковер как раз недалеко от моего рабочего места; осталось темное пятно, похожее на кровь, и мне приходилось по нему ступать.

Ко вторнику страсти улеглись. Появилось сообщение, что Чарлз Мэддер ушел в отставку с поста министра, чтобы проводить больше времени, заботясь об избирателях. Избиратели пришли к единому мнению: министр получил по заслугам. Лишь один человек заявил, что Мэддер был хорошим и достойным человеком. Кораблик продолжил плавание, оставляя за собой грязный след: жена экс-министра, Флора Мэддер, захлебывалась от шока и горя.

– Не раскисай, – бросила Минти, когда мы стояли в очереди в столовой и я сказала, что мне жаль эту женщину. – Жена должна знать, что ее муж гуляет. Что касается сокрытия доходов, они наверняка действовали заодно. Так что она тоже по уши влипла. – Тут подруга осеклась. – Роуз, не надо так на меня смотреть. Ты не хуже моего знаешь, что иногда лучше называть вещи своими именами.

Я привыкла к цинизму Минти, но такая жестокость была не в ее стиле.

– Если ты имеешь в виду, что люди никогда не говорят напрямую, то да, – ответила я.

Минти вдруг покраснела, и только тогда до меня дошло, что, возможно, у нее роман с женатым мужчиной. Я ощутила укол... чего? Вины от невольного соучастия? Не совсем, скорее любопытства, хотя нет, наверное, зависти. И облегчения оттого, что я свой выбор давно сделала.

Я пристально посмотрела на подругу. Покраснев, она выглядела моложе и наивнее.

– Что ты задумала, Минти?

Она взяла обезжиренный йогурт.

– Ничего.

Давным-давно я устроилась так, как хотела, – я стремилась быть хорошей матерью, хорошей женой (для Натана, разумеется) и при этом делать карьеру. Мне хотелось, чтобы в моей жизни был кто-то, о ком я могла бы заботиться. Не слишком грандиозные амбиции, отнюдь не потрясающие мироздание, а кто-то и вовсе скажет – скучные. Удобный выбор? И да и нет. Мы должны определиться, найти себе какое-то пристанище, и мои амбиции поглотили меня целиком и постоянно менялись.

Минти не переставала напоминать мне, что она другая. Подруга была дерзкой, а по мнению Ианты, даже шокировала окружающих своей откровенностью. Она была храброй и прямолинейной («Я хочу побывать везде»). У нее не было семьи, о которой можно было бы рассказывать («Кому она нужна?»), ей претила даже мысль о детях («Зачем вешать хомут себе на шею?»). Примером для подражания Минти служили голливудские звезды и телеведущие. Она не принимала наркотики, но считала, что для успеха необходима красивая внешность. Минти нравился секс, она ценила имидж и пиар, она твердила, что это свойственно ее поколению, такой уж у него менталитет.

Иногда Минти казалась очень взрослой, иногда она вела себя, как ребенок в кондитерской: ей так хотелось попробовать все липкие сладости – и почему нет? Моя подруга словно прилетела с другой планеты; меня она завораживала. В свои двадцать девять она была умной, резкой, роскошной, независимой – абсолютно ничего общего со мной в том же возрасте.

– Ненавижу свою грудь, – поделилась она во время нашего первого совместного ланча, когда устроилась в офис. – Многообещающе выглядит, но на деле – пшик. И все равно приходится использовать.

– Понятно. – Маленькую грудь Минти с лихвой компенсировала смесью честности и алчности.

– Мужчин так легко водить за нос, – добавила она, и ее темные глаза вспыхнули тайным знанием. – Это проще простого. Особенно если сказать им, что между вами нет никаких обязательств.

– Но зачем водить их за нос? – спросила я. Она пригвоздила меня тем самым немигающим, успокаивающим взглядом.

К среде Чарлз Мэддер переместился на пятую страницу; шумиха утихла, и на ее место пришли другие новости: внимание сосредоточилось на скандале в сфере медицины. Из-за острой нехватки финансов привратника больницы, не имеющего медицинского образования, взяли на сменную работу медбратом в отделение «Скорой помощи». В результате его некомпетентности погибла женщина. Журналисты кипели злобой, превратившись в воплощенное сознание нации, разоблачая болезни общества. В четверг...

В четверг Минти заявила на полтора часа позже, что было на нее не похоже. На подруге красовалась летящая юбка, узкий топик с лайкрой и туфельки на тонких каблукках цвета розового сахара. У нее был расслабленный вид, лицо покраснелось, но вместе с тем выглядела она решительно.

– Прости меня, Роуз.

Сегодня мы выпускали номер, времени было в обрез, и телефон звонил беспрестанно: в основном авторы и издатели жаловались на несправедливое обращение с ними. И всех нужно было утихомирить.

– Могла хотя бы позвонить.

– Я уже извинилась.

Я редко выходила из себя, но на этот раз не выдержала:

– Иди выясни у Стивена, не вырежут ли нас на этой неделе.

– По-моему, лучше не стоит. – Минти повесила жакет.

– Почему?

Она села за стол и включила компьютер.

– Нам нужно быть поосторожнее.

Впервые у нас возникли открытые разногласия по поводу нашей стратегии, и я пришла в замешательство.

– Минти, я не знаю, что происходит в твоей личной жизни, но не могла бы ты делать то, что прошу я, и не перечить? Если у тебя другое мнение, можем обсудить это позже.

– Перечить? – переспросила она. Я взглянула на часы.

– Мне все равно, как это называть; просто делай то, что я сказала. Прошу, иди и поговори со Стивеном.

Трезвонили телефоны, жужжали компьютеры, тележка с почтой, которую толкал Чарли, кружила между столами. Нахмурившись,

Минти поднялась – такой же вид был у Поппи, когда ее оставляли в дураках. Я невольно улыбнулась:

– Мы, наверное, обе встали сегодня не с той ноги. Давай останемся друзьями, а стратегию обсудим потом. Начнем редактировать рубрику.

Подруга на минутку задумалась.

– Вот в чем твоя проблема, Роуз. Ты все переводишь на личные отношения. Очень по-женски.

– Ты тоже.

– Не до такой степени.

Так мы заключили перемирие. Своего рода.

В конце дня Минти поднялась из-за стола, надела жакет и пожелала мне приятного вечера. Постукивая тонкими сахарно-розовыми каблучками, она даже не оглянулась.

В пятницу члена королевской семьи сфотографировали в компрометирующей ситуации, и разразился спор о личном пространстве: как далеко можно зайти? где предел? кто имеет право? Отдел новостей варился и гудел в своем аквариуме для золотых рыбок.

Когда ровно в девять я явилась на работу, Мэйв Отли, бледная и молчаливая, сгорбившись сидела за своим столом – приступ ревматизма. Я заварила сослуживице чай и занялась ее работой, – момент для выражения сочувствия был неподходящий. Чарли принес гору писем и несколько коробок с книгами.

Позвонила Минти:

– Я не могу прийти. У меня... мигрень. Это было несвойственно для нее.

– Может, позвонить попозже, проверить, как у тебя дела?

– Нет. – У подруги был сдавленный голос. – Не надо. В этом нет необходимости.

– Надеюсь, ты скоро поправишься. Но Минти уже повесила трубку.

Лето на пороге, пора планировать работу на будущее, и я провела весь день, придумывая, как обновить июньские рубрики. Путеводители и обзор курортного чтения невозможно было изменить, но я обыгрывала идею цикла статей о книгах, которые можно прочитать во второй раз.

В разделе путеводителей на этой неделе мы представили книги об Индии, Таиланде, Греции, «Тысячу оливковых деревьев» Хэла Торна,

разумеется, и толстый иллюстрированный каталог-путеводитель по Риму.

Давным-давно, еще в бытность мою Роуз-путешественницей, я отправилась в Рим.

Солнце пекло мои обнаженные руки; пот на спине едва не закипал. Ноги в дешевых сандалиях намокли, и я знала, что натру мозоли. Но мне было наплевать. Мне было шестнадцать, я оказалась в Риме и впервые в жизни влюбилась – влюбилась в этот город, в сам факт своего пребывания за пределами Англии. Рим был шумным, пропитанным запахами – кофе, усталости, пота, раскаленных зданий, – и волны жизни, гвалта, эмоций растекались по моим венам, наполняя их густым, приятным ощущением.

Я словно находилась под действием наркотика: я была в Риме.

Жизнь, писала Вирджиния Вулф, это сияющий нимб, полупрозрачный конверт. Но нет, это неправда. Не для всех. Некоторые из нас живут в скучном коричневом конверте. Нужно побывать в Риме, чтобы увидеть сияющий нимб и полупрозрачный конверт.

Ианта чуть не отговорила меня от путешествия: у меня не было приличной летней одежды и обуви, и белье никуда не годилось, сказала она: разве что я буду ходить в спортивных трусах и туфлях на резиновой подошве.

Моя крестная мать сжалась над безденежным вдовьим существованием Ианты и ее изголодавшейся, лишенной впечатлений дочери (которая читала Э. М. Форстера и всерьез размышляла над судьбой Люси Ханичерч) и предложила оплатить место в школьном экскурсионном туре. Ианта щелкнула языком и произнесла речь примерно такого содержания: я – женщина из Йоркшира и никому не позволю себя опекать, чтобы умаслить чужую совесть. Я была вынуждена забыть о Люси Ханичерч и стать Джен Эйр: «Прошу тебя, мама, умоляю...» – «Неужели ты думаешь, что раз я бедна, неграмотна, невзрачна и незначительна, я еще и бездушна и бессердечна?» Лишь после этого моя мать сдалась и позволила крестной достать чековую книжку.

Возможно, Ианту на самом деле волновала скудость моего гардероба, хотя вряд ли: она творила чудеса рукоделия и могла сотворить платье хоть из мешка. Я нашла более подходящее

объяснение. Из книжек мне было известно, что матерям всегда трудно отпускать от себя обожаемых детей. Их страшило, что их роль как женщин выполнена, и близится логический финал, то есть смерть. И я оказалась в моральном тупике: стоит ли мне пожертвовать своей тягой к путешествиям, чтобы вернуть матери ее предназначение?

Я рассчитала, что недельку она выдержит. И по возвращении решила положить три фунта в благотворительную копилку: по тем временам сумма была значительная, и потому совесть моя могла успокоиться.

Поджав губы, Ианта принялась готовить мой гардероб – в промежутках между работой и домашними делами. Как всегда щепетильная, она перестирала все мои вещи вручную и высушила их на сушилке в кухне.

За день до моего отъезда мама достала гладильную доску. На плите варился окорок на косточке, и кухня наполнилась крахмально-бульонным паром. Из радиоприемника доносилась тихая музыка. Ианта то и дело окунала кисть в кувшин с водой и плескала капли на гладильную доску. Утюг с шипением касался ткани. Закончив, она с безупречной аккуратностью стала складывать каждую вещь.

Я мечтательно наблюдала за мамой. На ней были будничные туфли на плоской подошве, отполированные до слепящего блеска; чулки прилежно заштопаны, но волосы выбились из пучка; лоб прорезала морщина, и движения подчеркивали ее чрезвычайную худобу, она то и дело смотрела на меня – я знала, о чем она думает. Что я вобью себе в голову понятия, не подобающие моему статусу. Моя мать очень старалась не завышать моих ожиданий.

– Роуз, – ее голос врезался в мои грезы, – не сиди без дела, дошей платье. И не смотри на меня так.

Поражение далось маме нелегко, да я от нее этого и не ожидала; моя же победа была слишком хрупка, чтобы ставить ее под угрозу. Я достала коробочку со швейными принадлежностями и принялась подшивать платье, которому уже дважды отпускали подол. Я резала и кромсала ткань, и наконец оставшийся дюйм материала намного темнее по цвету был пришит на место. Я расправила платье.

– Смотреться будет ужасно.

– Нищие не выбирают. – Нервы Ианты были на пределе, но глаза затуманились от расстройства. Она получила последнее

доказательство — я выросла и выхожу из-под ее контроля.

И вот я оказалась в Риме: существо в льняном полосатом платье с явно наставленным подолом, явившееся с холодного промозглого острова, существо без прошлого, попавшее под очарование города, в котором было слишком много впечатлений.

Здесь было все: великолепные фонтаны Треви и Баркачча, и более игривый фонтан Черепах с бронзовыми черепашками, который я обнаружила на задворках гетто; и крошечные фонтанчики на перекрестках улиц. Пышные женщины, стоящие склонившись и выставив груди на всеобщее обозрение; морские боги, сжимающие трезубцы, и нимфы, приютившиеся у их ног; белые дельфины, морские коньки, львы и амфоры, выступающие из бронзы и камня. Мифические и легендарные создания, собранные со всех частей света.

Эти стройные, сияющие статуи мужчин, женщин и зверей были нужны лишь для того, чтобы из их раковин и ртов вытекала вода; охраняя водяные струйки под солнцем, они казались мне такими счастливыми. Но я также решила, не без помощи Китса, что они счастливы оттого, что с ними никогда ничего не случилось.

Наш отель находился на виа Элизабетта, на углу, и его верхний этаж почти соприкасался с соседним домом напротив. Это была простая гостиница с жесткими кроватями и белыми хлопчатобумажными покрывалами. В каждой спальне имелась крошечная ниша, где стояла пластиковая статуя Девы Марии: нас предупредили, что ее нельзя трогать. «Спорим, тебе слабо, спорим, тебе слабо», — дразнила меня Марти, моя соседка по комнате. Марти предстояло вырасти красавицей. Она происходила из обеспеченной семьи, и одежды у нее было сколько угодно. Она меня презирала, и поскольку я ее боялась, то приняла вызов и повесила на пластиковую руку Девы Марии ключ от номера.

Позднее той ночью я лежала в кровати, слушала гул пронесшихся мимо машин и ждала, пока Марти заснет. Убедившись, что она спит, я выскользнула из-под шершавых простыней, прокралась к статуе и сняла ключ. «Матерь Божья, прости меня. Я не ведала, что творю». Где я это прочитала? В полусвете спящая насмешница Марти казалась почти ангелом.

Виа Элизабетта тянулась через район Трастевере от Сан-Пьетро до Монторио, мимо площади Санта Мария и вниз, к реке. Согласно

расхожему мнению, обитатели Трастевере говорят громкими хриплыми голосами, пьют много кофе, на завтрак едят *maritozzi*,^[4] а на ужин – *spaghetti casio e pere*^[5] (я лично убедилась, что это так). В этом районе обычно обретались иностранцы и нонконформисты. С древних времен здесь с пониманием относились к несхожести и причудам разных народов.

Ессо.^[6]

Улица вилась серпантинном, спускаясь к Тибру, но к концу второго дня я с закрытыми глазами могла показать путь к прачечной или к магазинчику, торговавшему изображениями Христа с обнаженным сердцем в окружении роз, лилий и полевых цветов. Я в замешательстве разглядывала эти картинки, которые казались мне слишком вульгарными, и ломала голову, отчего у Христа такой вид, будто он перенес операцию на сердце.

Шагая к югу от Сан-Пьетро, первую остановку приходилось делать в уличном кафе, чтобы набраться сил перед прогулкой на реку. (В наказание Марти заставила меня дойти до реки.) Задолго до того как видишь воду, начинаешь чувствовать ее поток, слышать древние звуки, и прежде чем появляется река, виа Элизабетта расширяется и превращается в маленькую площадь, по краям которой высятся розово-терракотовые здания. В центре площади был фонтан: каменный юноша с зачехленным мечом, охраняющий женщину в струящихся одеяниях, на голове которой была корона, а на плече – кувшин, из которого лилась вода. На кувшине был выгравирован орнамент из пчел.

Здесь я и обнаружила кафе «Наннини», семейное предприятие. Поутру синьора Наннини колдовала над магическим автоматом, производящим эликсир под названием кофе, который был ни капли не похож на тот кофе, который мне доводилось пробовать: наверху у него была пена, а еще – тертый шоколад. Днем ее место занимал синьор Наннини. На ломаном итальянском я расспросила его о фонтане, который казался мне слишком роскошно украшенным для такой скромной площади.

– Почему на нем пчелы?

– Это пчелы Барберини. Барберини дала деньги на постройку фонтана. Это было очень давно.

– E la donna?^[7]

– Она была женой короля богов, но страдала оттого, что ее мужу нравились красивые девушки.

Я вспомнила застывшее лицо из камня.

– Неужели ей было мало того, что она жена короля богов?

– Такова природа.

Люси Ханичерч и Джен Эйр в этом вопросе мне были не помощницы. Надеюсь, что на меня снизойдет озарение, я снова и снова всматривалась в лицо статуи, но не нашла ответа.

– Розы, – сказал Натан, когда тем вечером я бросила на диван в гостиной свою сумку с книгами. Сумка упала, и содержимое рассыпалось. – Розы, нам надо поговорить.

Он стоял ко мне спиной, глядя на сад сквозь французские окна. Он не переоделся и до сих пор был в деловом костюме темно-серого цвета с едва различимыми красными полосками. Покрой был ему к лицу, и я просила, чтобы муж надевал костюм почаще.

Иногда Натан говорил императивами. Но это еще ничего не значило. Я пришла поздно, устала, ноги промокли, день был настоящим испытанием.

– Извини, что опоздала. Минти заболела, пришлось справляться в одиночку. Ты, наверное, проголодался, сейчас, только переоденусь.

– Послушай... – У моего энергичного, напористого, амбициозного мужа был напряженный голос.

Я подошла к нему, обвила его руками и прижалась щекой к его плечу.

– Ладно. Говори.

И тут он обернулся и оттолкнул меня. И посмотрел мне прямо в глаза. По крайней мере ему хватило смелости на это. Его глаза горели от волнения и страха, которым я не могла найти причины.

– Разговор будет не из приятных.

Глава 5

Это просто необъяснимо: когда Натан так поступал, я всегда терялась. Он ушел в себя. Попросту спрятал свои мысли в недоступное место и закрылся. Это была его привычка, особенно заметная, когда муж собирался с духом перед конфликтом на работе.

– Что-нибудь с детьми? – спросила я, и во мне встрепенулся вечно таящийся страх.

– Нет, дети тут ни при чем. – Похоже, Натану некуда было девать руки, и он засунул их в карманы. Этот же жест он проделал, когда потребовал, чтобы я вышла за него замуж. Тогда его карманы чуть не лопнули от натуги и стремления подчинить: «Скажи „да“. Сейчас же».

Он начал было говорить, потом замолчал и начал снова:

– Розы, мы же были счастливы, правда?

Можно произнести слова, написать их готическим шрифтом или пропеть, и вроде бы всем ясно, что именно они значат. Но истинный смысл всегда таится в том, как они были произнесены.

– Правда?

С изумлением я осознала, что Натан произнес эти слова с обреченностью. В животе заныло от тревоги и непонимания. Я ответила:

– Да, конечно.

– Прежде всего, я хотел бы сказать, что был с тобой счастлив. Очень, очень счастлив. Несмотря на то что был у тебя, как говорится, не первым.

– Натан...

– Давай решим раз и навсегда: я был счастлив. Несмотря... ни на что, – пробормотал муж.

– О чем ты говоришь? – Я уставилась на него, постепенно начиная понимать. – Неужели опять за свое? Не могу поверить, что ты до сих пор коришь меня за роман, который... Да у каждого бывает роман до брака! Ты же не воображаешь... не думаешь...

– Лишь потому, что ты сама об этом думаешь.

– Ничего подобного. Клянусь, это не так.

– Да брось, Рози. Мы знаем друг друга достаточно хорошо. Скажи мне правду.

Я проглотила комок в горле.

– Ну я действительно думаю о Хэле – как бы смотрю со стороны, чтобы напомнить себе о том, как я счастлива и как люблю тебя. Изредка я задумываюсь, как все могло обернуться, но лишь когда мы ссоримся. Это безобидные, глупые мысли. Почему ты заговорил об этом? Что произошло?

Муж схватил меня за руку, и его пальцы впились в мою кожу.

– Ты ни о чем не жалеешь?

Я улыбнулась, нежно и преданно.

– Ты же знаешь, что нет. Дурачок, – добавила я. – Ты знаешь, как я тебе благодарна, что ты для меня значишь. И дети, и дом. Наша жизнь, мы. – Я прикоснулась пальцем к его губам, очертив их контур: тихо, мягко. – Натан, почему бы тебе не пойти принять ванну, а я пока приготовлю ужин?

Насчет сожалений я немного соврала. Невозможно жить и принимать решения без сожалений: по крайней мере я такого мнения. Но свои сожаления я держала при себе; даже мои лучшие подруги Ви и Мазарин не знали, что иногда я с ностальгией вспоминала о тех днях, когда была беззаботна и неопытна. И уж тем более этого не знал Натан. К сожалениям следует прибегать как к последнему средству. К тому же людям скучно их выслушивать.

Пальцы Натана крепче вцепились в мою руку.

– Может, отпустишь руку или хотя бы не будешь так впиваться? – спросила я.

Он сразу же выпустил меня.

– Мне трудно говорить об этом, Рози, поэтому я скажу сразу.

Но сразу он ничего не сказал. Слова растворились в тишине, Натан развернулся и опять принялся разглядывать сад, который был ему неинтересен. Наконец, он громко вздохнул и произнес:

– Я встретил другую.

Шок от услышанного был сравним с ударом кувалды.

– Что? – я схватилась за подлокотник кресла в поисках поддержки. – Что ты сказал?

– Я встретил другую и влюбился в нее. – Натан повернулся ко мне лицом. – Мне очень жаль. Честное слово.

Я сказала первую же идиотскую вещь, которая пришла мне в голову:

– Это невозможно. Я бы знала.

Он повел плечами. Я сделала еще одну попытку:

– Я тебе не верю.

Он покачал головой, словно говоря: «Не надо. Ты делаешь только хуже».

Я попыталась рассуждать здраво. Интрижки случаются у многих, но только не у нас с Натаном: мы – счастливая супружеская пара.

Я ухватила за ниточку, тянувшуюся с подлокотника кресла. Мне всегда хотелось сидеть на солнце у окна, и обивка кресла, которая когда-то была яркого синего цвета, с годами выцвела до нежнейшей пастели.

– Послушай. – Натан сел напротив и сгорбился. – Я встретил другую, и мы должны это обсудить.

Я посмотрела на свои ладони. Мне говорили, что у меня замечательные руки с длинными пальцами, и простота массивного обручального кольца лишь подчеркивает их красоту.

– Я не знаю, что сказать.

– Взгляни на меня, Роза.

Я так и сделала, но все мои мысли сосредоточились где-то на уровне груди: сердце билось в непривычном ритме.

– Я не понимаю, – прошептала я. Он смерил меня долгим сочувственным взглядом, и кровь отхлынула у меня от щек. – Натан, ты казался абсолютно счастливым.

Его молчание поведало мне другую версию – реальную. Он был счастлив с кем-то другим. Я вернулась к созерцанию своих ладоней, которые внезапно показались мне тонкими, истертыми и хрупкими; крошечная шишка на суставе безымянного пальца стала более заметной. Я сделала усилие и взяла себя в руки.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

Натан устало поднялся на ноги.

– Разве это не очевидно?

– Нет, не очевидно. Я что, должна открыть бутылку шампанского или сделать еще что-нибудь?

– Роза...

Крепнущие эмоции в моей груди достигли пика, и к горлу подкатила тошнота. Я вскочила и побежала в ванную, где склонилась над раковиной и уставилась на краны. Натан никогда не поступал со мной жестоко. Временами он был беспечен и слишком занят, это да. Он был человеком, который хотел слишком много от своей работы и прилагал все возможные усилия, чтобы получить это. Он был настойчив. Предсказуем. За это я его и любила, именно это мне было нужно. Но жестоким он никогда не был.

Мало-помалу я была вынуждена признать следующее: если мои суждения верны, то Натан настроен серьезно.

Через пару минут я почувствовала себя спокойнее. Выпила немного воды из-под крана, вытерла лицо и собралась с духом, чтобы предстать перед Натаном, который маялся у входа.

– Ты в порядке?

– А ты как думаешь? – Его бестолковый вопрос рассердил меня, и это было простейшим способом справиться с наполнявшими меня переживаниями. Неверие, за которым по пятам следовал страх, и прорывающееся сквозь темные непроходимые дебри чистейшее унижение.

Натан положил руку мне на плечо и всмотрелся в мое лицо. Потом вяло и виновато улыбнулся:

– Я вдруг подумал, что ты можешь сделать какую-нибудь глупость. Но ты не должна, понимаешь? Я тебя прошу.

– А я думала, что в этом есть смысл, Натан, – если любишь кого-то, то готов совершать глупости.

– Нам надо поговорить. Как следует. Муж взял меня за руку и повел по лестнице вниз. Я попыталась выдернуть руку, но он крепко меня держал. Натан тащил меня за собой, и я поскальзывалась на каждом шагу.

– Значит, у тебя роман, и теперь ты хочешь, чтобы я узнала обо всем в подробностях? Может, посоветовать, какое белье купить ей в подарок?

– Заткнись, Роза.

Мы вернулись в гостиную. Натан сорвал с себя пиджак и бросил его на пол. Он ухватился за спинку дивана, набрал воздуха в легкие – поза для произнесения речи «Нам следует обсудить тираж издания». Натан частенько тренировался на мне, когда ему требовались совет и

участие, и я вносила коррективы: «Не говори свысока. Выражайся четко».

Я в отчаянии произнесла:

– Натан, лучше забыть об этом разговоре. Продолжать бессмысленно.

Он растерялся и пробормотал:

– Я молился, чтобы сохранить семью.

– Видимо, недостаточно усердно. – Мой голос прозвучал визгливо, и я возненавидела себя за это.

– Самое идиотское в этой ситуации, что мне нужна помощь, но тебя я попросить не могу.

Я села в голубое кресло и стала теребить выбившуюся ниточку. Синий – цвет жизни: ляпис, который использовали великие мастера, чьи работы я видела в Риме; лазурь раскаленных небес; металлический блеск утиного крыла; вена, пульсирующая под кожей.

– Да уж, меня о помощи не проси. Правилom нашей семейной жизни было помогать друг другу. Мы никогда его не обсуждали, но понимали, что если один из нас попадет в беду, другой придет на помощь. Натан помогал мне, я помогала ему. Мы помогали друг другу.

Опять повисла тишина. Наконец Натан откашлялся.

– У тебя есть полное право сердиться. Сердиться? Да, я рассердилась не на шутку: оттого, что у Натана хватило глупости мне признаться. Бывает, что супруги влюбляются в других, потом эта влюбленность проходит. Искусство в том, чтобы действовать с умом и держать это в секрете, и я ожидала, что Натан так и поступит, а потом его влюбленность сама умрет от недостатка пищи.

– Зачем ты вообще мне сказал? Это было необязательно.

– Розы, ты так ничего и не поняла.

– А что тут понимать! – И тут вдруг до меня дошло. Я сделала усилие и подняла глаза. – Ты хочешь уйти из дому? Хочешь бросить меня? Это невозможно. Подумай о детях.

– Нашим детям двадцать два и двадцать четыре года. Переживут. Как переживают многие.

– Какая разница, сколько им лет!

Муж повел плечами: знакомый жест, и я заметила над его ушами прядь седых волос. Натан тоже не мог ее не заметить – он вел ревностный счет признакам старения.

– Но почему ты хочешь уйти? Неужели мы не переживем этот... эпизод? Я хотела бы... я хотела бы, чтобы ты не рассказывал мне об этом; я понимаю, что такое случается. Такое происходит у многих, все время, каждый день. Натан, поверь мне – мы сможем забыть об этом.

Я говорила искренне, я понимала, что любовь существует во многих обличьях и в разное время принимает разные формы: иногда прекрасные, иногда кошмарные – это жизнь. Вопрос в том, чтобы верить в любовь и бороться за нее и при необходимости приносить жертвы именно потому, что все может измениться. В один момент, из-за пары брошенных фраз. Но мы с Натаном могли бы отыскать волшебную коробочку, сложить в нее ложь и обиды, захлопнуть крышку и продолжать жить. Главное – проявить волю, это способно навести порядок, отделить главное от второстепенного.

Муж ходил взад-вперед: к французским окнам и обратно.

– Я уже давно задумывался о жизненных вехах, о том, что мы стареем.

– Натан, тебе всего пятьдесят один. К тому же разве это имеет значение?

Оказывается, имеет.

Он замер как вкопанный.

– И да и нет. Мне нужна свобода, нужно пространство. Розы, мы строим для себя клетки – во всех аспектах нашей жизни. На работе, в семье, в привычках. Я понял, что стены, которые я возвел вокруг себя, стали для меня тюрьмой.

За все время нашего брака я ни разу не слышала, чтобы Натан говорил что-то подобное. Для нас обоих это был незнакомый язык, и я не была уверена, что он сам умеет бегло или даже хорошо на нем говорить. Я схватилась за грудь, в которой творилось что-то неуправляемое.

– Тюрьмой? Но ты сам этого хотел. Ты тратил энергию, время, чтобы построить эту тюрьму. Тебе хотелось иметь семью и делать карьеру. Все это у тебя было, все это тебе нравилось, и ты не можешь так просто выбросить семью на помойку, потому что тебе стало немного скучно.

– Ты же не захочешь жить с человеком, который испытывает такие чувства, как я?

– Позволь мне самой решать.

– Я буду с тобой честен, Роза. – Меня передернуло при мысли, что Натан будет говорить абсолютно честно. – Я справился бы с чем угодно, но эта женщина... Она дает мне... то, что, кажется, я и искал. Она признает существование новых возможностей.

– Может, ты имеешь в виду секс? – осенило меня.

Мы смерили друг друга злобными взглядами, и я пожалела, что позволила себе произнести нечто столь очевидное, столь откровенное. Но разве это не очевидно?

– Что за ерунда, – ответил Натан, но блеск в его глазах говорил о другом. Я вспомнила прошлую ночь и нашу близость, такую легкую и нежную, и почувствовала черную злобу. Натан опять засунул руки в карманы. – Когда мы поженились, то договорились, что всегда будем предоставлять друг другу свободу. Я был хорошим мужем, не так разве?

– Так. – Я старалась говорить как можно спокойнее.

– Я делал все, что ты просила? – Я кивнула. – Что ж, теперь я прошу, чтобы ты предоставила мне обещанную свободу.

Я задумалась: что бы мне сейчас помогло? Может, выпивка? Удар по голове?

– И как долго это... Натан? Кто она?

– Около года.

– О боже, – выдохнула я. – Так долго. Мы так долго жили во лжи. – Даже на прошлое Рождество. («Натан, как думаешь, устроить рождественский ланч или рождественский ужин?») И во время его осеннего отпуска в Шотландии, где дождик был мягким, словно минеральная вода из бутылок, а на холме мы нашли дикую чернику. И на день рождения Натана в августе (тогда собралось сорок человек), и во время знакомых циклов понедельник—пятница, совместных ужинов, моментов близости... Теперь все это оказалось не таким, как я себе представляла.

У Натана был больной, горестный вид.

– Ты не права, Роза. Все начиналось несерьезно.

– Натан, ты раньше мне изменял?

– Нет. Никогда. – Он взял меня за руку. – Клянусь. – И отпустил руку.

От этого мне стало только хуже.

– Натан, тебя не вынудили к этому? Ты действительно говоришь серьезно?

– Мне нужны перемены. Мне нужен глоток свежего воздуха. Я больше не могу оставаться там, где нахожусь сейчас.

Я уронила голову на руки.

– Ради бога, Натан, не надо. Избавь меня от этого. Прошу, не превращай измену во вселенский призыв к свободе. Я этого не вынесу.

– Как хочешь.

– Но кто она?

Натан вынул руки из карманов и пригладил волосы. Меня потрясло мгновенное превращение уверенного в себе, успешного замредактора газеты в обыкновенного задержанного мужчину средних лет.

– Не могу поверить, что я это делаю... Склонив голову, как жертва, я ждала.

– Кто она, Натан?

– Минти, – выдавил он с трудом.

После того как Натан сложил кое-какие вещи в сумку и уехал, я прошла по дому. Я не знала, что мне делать. Поднялась по лестнице и прогулялась по площадке. У входа в главную спальню, в нашу спальню, я замерла, потому что не могла найти сил войти туда.

Минти.

«Нет, – произнесла я, задыхаясь и отпрянув от Натана, – это невозможно, Минти на такое не способна».

Еще как способна.

Я ухватилась за перила. Интересно, может сердце остановиться от горя и потрясения? Мое металось в груди как бешеное, меня неудержимо трясло.

Я спустилась по лестнице, неуклюже, как в лихорадке, прошла в гостиную и руками, которые, казалось, мне не принадлежали, вывалила содержимое сумки с книгами на пол: бумаги, роман, учебник по кулинарии, биография Гладстоуна.

Зачем я это сделала?

Я оставила книги на полу и подошла к каминной полке, чтобы взглянуть на приглашения. Еще вчера я нацарапала на них «принимаю» и занесла даты в семейный ежедневник. Я перевернула их обратной стороной: как глупо. Когда я переворачивала приглашения,

взгляд упал на обручальное кольцо. Я уставилась на него: больше ему здесь не место. Оцарапав кожу, я сдернула кольцо с фаланги, изменившей форму от долголетнего ношения тяжести, и бросила его рядом с приглашениями.

Задвижка на французских окнах открывалась туго – всегда заедала. Пришлось сильно дернуть, прежде чем двери открылись. В гостиную ворвался холодный вечерний воздух. Я села в голубое кресло и поежилась.

Наконец, когда нескончаемый вечер подошел к концу, я поднялась в комнату для гостей, к занавескам из французского тюля и белым розам, и бросилась на кровать лицом вниз, распростав руки, словно распятая на кресте.

Посреди ночи я проснулась, испугавшись незнакомой кровати и не понимая, где я. Я так и лежала лицом вниз, подушка подо мной промокла.

Я все вспомнила. Встала, пошла в свою комнату и забралась под простыни, вдыхая слабый запах Натана. В комнате было темно, но еще темнее было в моей голове.

Как я могла не увидеть?

Как я могла не почувствовать?

Ты была дурой, Роуз.

Я вышла за Натана, потому что он понимал меня. Ему тоже хотелось зайти в дом и оставить за закрытой дверью весь мир. Мы любили друг друга с нежностью, лаской и благодарностью, говорили друг другу, что вместе попытаемся построить эдемский сад.

Наверное, мы оба забыли о том, что всему приходит конец, все подвержено разложению; мы не верим, что это произойдет с нами.

Как я могла ничего не заметить, в сотый раз спрашивала я себя.

В прошлом году в июне Минти зашла на Лейки-стрит поужинать – всего лишь спагетти и бокал вина. За ужином мы хотели обсудить различные проекты.

– Не возражаешь? – спросила я Натана. – Она не задержится.

– Раз не задержится, то ладно, – он тогда устал.

Поскольку я отвечала за еду, то провела довольно много времени на кухне тушила помидоры, измельчая их в пасту, потом протирала через сито.

– О, Натан, – донесся до меня возглас Минти и ее хриплый смех. Они сидели в саду и пили вино. Я обжарила луковицу до замечательно прозрачного цвета, добавила немного тертой моркови и подмешала в рагу. Вымыла латук, каждый листик отдельно, обсушила и поставила кастрюлю воды, чтобы отварить пасту. Пусть поговорят, подумала я. Натану это пойдет на пользу.

Я разгорячилась и устала, но на кухне было не прибрано, и я не спеша вымыла и вытерла посуду, поставила ее в шкаф. Я отнесла ужин в сад лишь к девяти часам; бутылка вина уже опустела.

Натан говорил и оживленно жестикулировал, а Минти наблюдала за ним своими раскосыми темными глазами. Я поставила поднос.

– О чем разговор?

– О преданности, – ответила Минти. – Мы обсуждаем, почему человек предан людям, с которыми знаком долгое время.

– Что ты имеешь в виду?

Натан поднялся, откупорил еще одну бутылку и разлил вино.

– Люди забывают о первоначальных причинах своей верности и хранят ее лишь потому, что знакомы долгое время. – Его рука замерла над моим бокалом. – Ты не согласна, Роза? – Он улыбался, но я почувствовала, что муж сердится.

Я озадаченно взглянула на него.

– Думаю, согласна.

– Я тоже так думаю.

Прижимая бокал к груди, Минти откинулась на стуле.

– А я понятия не имею. Наверное, потом пойму... – На ее лицо упала прядь блестящих волос, и она откинула ее назад. – Когда стану старше, наверное.

Когда мы заговорили об отпусках, Натан потряс меня, заявив:

– У Роуз тайная страсть к приключениям, хотя она скрывает ее, так как я предпочитаю все время ездить в одно и то же место. До того как мы познакомились, она немало путешествовала.

– Натан дразнится, Минти, – мягко возразила я. – И он не прав. Я распрощалась с приключениями, когда вышла за него. И это была не жертва. Постоянные переезды вовсе не так увлекательно, как многие считают.

Темные глаза Минти, разглядывающие Натана, засияли сочувствием.

– О да, – произнесла она. – Роуз рассказывала, что путешествовала вместе с Хэлом Торном.

Я закричала в тишине спальни. Один раз. Два. Это были крик боли и неверия.

Прошло много времени, тьма моих мыслей слилась с темнотой комнаты, и, наверное, я уснула.

Глава 6

Я резко очнулась от звонка телефона на прикроватном столике. С усилием повернув голову, я взглянула на часы: было шесть утра. Мысль о том, что Сэм или Поппи попали в беду, вывела меня из ступора, и я схватила трубку.

– Роуз? – Это был Натан, и на мгновение я вообразила, будто он звонит сказать, что его задержали на ночь в офисе: «Готовится большая сенсация, Роззи» – и что он едет домой. – Хотел проверить, как ты. – Он говорил спокойным, выдержанным тоном, как на переговорах. – Ты в порядке?

Мне потребовалось несколько лет, чтобы постичь искусство переговоров с Натаном. Следовало отвечать вопросом на вопрос.

– А ты как думаешь? – Моя рука двинулась к его половине кровати. Он судорожно вздохнул и прекратил говорить голосом «на публику».

– Мне было невыносимо оставлять тебя в таком положении...

Он сказал еще много чего о том, что не хотел причинить мне боль, о том, что принял решение, тщательно все обдумав.

– Видимо, не так уж тщательно, – парировала я.

Натан говорил, что не сделал бы ничего подобного, если бы не считал, что это необходимо для его счастья... и даже для моего.

И так далее и тому подобное.

– Только о моем счастье говорить не надо, – отрезала я. – Нечего меня во все это впутывать.

– Извини. Это было глупо. Но мне необходимо убедиться, что с тобой все в порядке.

– Очень трогательно, Натан. Считается, что прошлое – как иностранное государство, в котором следует вести себя осторожно. Неправда: это мы сами – чужая страна, неисследованная и потенциально опасная территория. Женщина, схватившая трубку побелевшими пальцами, желающая причинить своему мужу столь же дикую боль, как он причинил ей, была мне не знакома. Я не узнавала ее, и хотя эта странная женщина вызывала у меня интерес и даже интриговала меня, она одновременно была мне отвратительна.

– Я-то думала, что мое благополучие тебя больше не заботит. Поэтому ты меня и бросил. Теперь тебя заботит... кое-кто другой.

– Разумеется, я о тебе беспокоюсь.

– О Натан!

– Необязательно жить с человеком, чтобы думать о нем.

– Это бессмысленный разговор.

– Я знаю, – удрученно согласился он. Потом в его голосе появились жесткие нотки. – Я пытался объяснить тебе все вчера.

Перед глазами у меня встала картина: мы катаемся на катке и никак не можем оказаться лицом друг к другу. Меня опять пробрала дрожь, но мне удалось произнести:

– Я больше не могу разговаривать.

– Подожди... подожди, Роуз. Мы должны обсудить детали. Финансовую сторону и все прочее... Я назначу тебе содержание.

Натан никогда не был корыстным, но денежный вопрос всегда стоял у него на первом месте. Такой уж он человек. Только обсудив и решив денежные проблемы, он был готов к рассмотрению более тонких материй. За много лет я выработала стратегию, при помощи которой с этим справлялась: одним из самых успешных способов, если я приходила в отчаяние, было просто его игнорировать.

– Где ты сейчас находишься?

– В «Зеффанос».

Отель, в котором останавливались журналисты нашей газеты, не успевавшие домой из-за поздней работы.

– Почему ты не у... Минти? Последовала короткая многозначительная тишина. В спальню вплыла Петрушка, запрыгнула мне на ноги и одарила хозяйку пристальным взглядом.

– Минти пока не готова к вторжению на ее территорию.

Еще одно выражение на новом языке.

– Неужели?

– Я уважаю ее за это.

У меня имелось преимущество перед Натаном: я была знакома с лексиконом Минти. Она говорила о свободе, личной территории, отсутствии обязательств и сексе ради удовольствия, а не ради любви в такой же манере, как Ианта в свое время беседовала со мной о долге и сдержанности.

Где они встречались? Как часто? Было ли это днем? Или в тот мимолетный промежуток между работой и домом, который Мазарин называет *cinq sept* – часы, предоставленные женатым любовникам?

Я задохнулась от желания обрушить на него поток вопросов. Как? Почему? Когда? Мне хотелось знать подробности. Хотелось жадно заглатывать детали, как насекомое пожирает гнилой фрукт. Но Натану ни к чему об этом знать, и я не собиралась предоставлять ему возможность отказать мне в ответе.

Вместо этого я сказала:

– Натан, компания не станет оплачивать издержки твоих любовных интрижек.

– Я знаю.

Я вспомнила совместно прожитые годы: Натан поощрял меня, был предан, амбициозен, иногда выходил из себя, но в основном оставался очень мил; я горела желанием остепениться, радовалась рождению детей и, возможно, в последние годы брака задавала слишком мало вопросов, слишком легко приняв установившийся образ жизни. Все могло сложиться по-другому. В свободном пространстве, оставшемся после ухода детей, все это могло – и должно было – быть пересмотрено.

– Натан, неужели ты был настолько несчастлив? Если это так, прости меня, мне очень, очень жаль. – Я с трудом выдавила из себя слова. – Мне казалось, что я делаю тебя счастливым.

– Роза, – ответил он, – ты знаешь, как я тебя любил. С той самой минуты, как увидел в самолете.

– Тогда в чем дело?

Он печально проговорил:

– Ты никогда не любила меня так, как я.

– Это неправда, ты же знаешь. Да, я любила Хэла, но любила и тебя тоже. И в конечном счете, тебя я любила намного сильнее – настоящей любовью, в основе которой лежали не мечты, а реальная жизнь. Вспомни все, что было с нами за двадцать пять лет... Натан, послушай меня, ты позволил одержать верх своему воображению. Мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы все перечеркнуть. Я понимаю, влюбленность умирает. Понимаю, мне не двадцать девять, и Минти очень хорошенькая. Я все понимаю... – Я сделала над собой огромное усилие. – Еще не слишком поздно.

– Слушай, – оборвал меня Натан. – Насчет денег. Я не оставлю тебя в беде.

Я и не сомневалась в этом, но ухватилась за свою гордость:

– У меня прекрасная работа. Проживу сама. Он терпеливо, упрямо продолжал:

– Пока я буду оплачивать половину счетов. Не хочу, чтобы ты беспокоилась.

Больше я не могла слушать. Я понимала, что должна поступить мудро и отыскать лучшее, более разумное решение. В висках стучало: «Подумай еще раз. Ради детей. Ради меня. Ты перебесишься, и я тебя прощу. Может, мне стоило бы спросить: что я такого сделала? Может, мне надо молить о прощении, Натан? Ты должен простить меня».

Но голос, каким я обычно говорила – тот, которым жены и матери утешают, грозят, дразнят, уговаривают; голос, что умеет быть грубым, нежным и властным, сорвался.

Я бросила трубку и снова зарылась в подушки. Почувствовав нужный момент, Петрушка придвинулась ближе. Я уронила лицо в ладони. Он звонил, чтобы поговорить о деньгах. Доброта Натана просто невыносима. Мне было бы легче, намного легче, если бы он был жесток и злился. И так тяжело, почти невозможно постичь то, что произошло, не говоря уж о том, чтобы планировать спасительную операцию. Но Натан так и сделал. Он работал тайно, подпольно, и его шахтерский фонарь высветил богатый новый пласт.

Так выворачивают перчатку наизнанку – палец за пальцем.

* * *

В полдевятого я позвонила Ви, хотя помнила, что сегодня суббота и в это время ее лучше не трогать. Ви и Мазарин были моими самыми старыми подругами: мы втроем вместе ходили в университет.

– Ви, это Роуз. Извини, что звоню в такой час, но мне нужно с кем-нибудь поговорить.

– О, Роуз! Господи! Сто лет от тебя ничего не слышно. Да, конечно. Что стряслось?

– Натан меня бросил. Ушел к моей ассистентке.

На заднем плане раздались крики семилетней Аннабели пятилетнего Марка. Голос Ви поднялся до потрясенного визга:

– Ты шутишь. Когда?

– Вчера вечером. – Наш разговор сопровождался детским воем, и Ви приказала отпрыскам сидеть тихо: мамочка уже идет. – Извини, Ви, я в неподходящее время...

– Послушай, – сказала она. – Я сейчас не могу разговаривать. Нас с Люком ждет такси, дети капризничают. Позвоню как только смогу.

Разговор отобрал у меня последние силы, и я натянула на голову простыню. Если уж мне предстоит страдать – в данный момент в этом не было сомнений, и наверняка это продлится долго, – то вполне можно мучиться по полной программе, предавшись великой, царственной боли.

Но мысли, словно крошечные лодочки с белыми парусами, в неразберихе скользили в моей голове. Надо оставить записку для молочника. Счет за газ просрочен. И срок действия загранпаспорта заканчивается. Нужно позвонить детям – но мне не хотелось, чтобы они стали свидетелями землетрясения, разрушившего брак их родителей. Это дети должны обращаться к родителям за помощью и советом, а не наоборот.

Я представила, как они подумают: «Бедная мама, он ушел от нее к женщине помоложе».

И начала рыдать как безумная, пронзаемая конвульсиями с головы до ног, и не прекращала до тех пор, пока от истощения меня не начало тошнить. В конце концов я добралась до ванной, облокотилась о раковину и пустила воду. В последний раз зубной пастой пользовался Натан. Он, как всегда, не завинтил колпачок.

Двигаясь неуверенно и дрожа, словно после тяжелой болезни, я опустилась в воду. Я лежала и бессмысленно смотрела на полочку над головой: масло для ванны; жидкость для полоскания рта; большой рулон бумажных полотенец; запасной кусок мыла – обычный набор.

Я посмотрела на свое тело. Что я ожидала увидеть? Бронзовое сияние нимфы из фонтана, чьи формы оставались нетронутыми, не помеченными временем? Беременности не украсили моего тела – его растягивали, резали, зашивали. Оно вынашивало детей, баюкало их, а когда наступало время, мягко отталкивало их от себя. Это тело научилось быть бесконечно занятым и хвататься за любую возможность передышки, беречь минуты тишины в душной,

переполненной бесчисленными требованиями семейной жизни. Разве могло все это не отразиться на моем теле?

«Для этого женщины и существуют на земле, – у Ианты было свое мнение на этот счет. – Больше нечего говорить, нравится тебе это или нет, Роуз. – Я вспомнила, что она в тот момент как раз снимала коричневую восковую кожицу с вареного окорока. – Если делать то, что правильно, никогда не ошибешься. – Взяв нож, мама надрезала жир, ставший прозрачным после варки, и начинила его гвоздикой, выкладывая орнамент в форме бриллианта. – Воспитание детей и сохранение семейного очага вознаграждается по-своему».

Моя кожа начала морщиться. «Мама похожа на чернослив, мама похожа на чернослив...» Так говорила Поппи, которая любила забираться в горячую ванну с пеной, служившую мне убежищем. Худенькие ручки и ножки цеплялись за края, переливая воду, и ко мне прижималась мокрая, костлявая маленькая фигурка. Иногда появлялся Сэм и спрашивал: «Можно войти?» И мое купание заканчивалась свалкой мокрых тел и хохотом. За исключением тех дней, когда я уставала и огрызалась на детей.

Я надела старые джинсы и свитер и заметила, что руки у меня дрожат. Прекрати, Роуз, упрекнула я себя. Ты должна думать. Ты должна быть сильной. Я спустилась вниз раздвинуть шторы, написать записку молочнику, начать повседневные дела на сегодня, завтра, послезавтра и все последующие дни.

Потом я вышла в сад. За зиму крыша сарая одряхлела и дала течь – хотя я подозревала, что всему виной белки. Внутри после вчерашнего дождя накопилась грязная лужица. Я достала вилы и секатор и отнесла их к кусту сирени. Сирень – жадное растение, садовый алкоголик: оно поглощает из почвы всю влагу до капли. Но я все ей прощала, потому что аромат сирени и тяжелые, эротичные соцветия доставляли мне огромное удовольствие. Однако на участке земли под кустом сирени за жизнь других растений приходилось бороться, как бы часто я ни опускалась на колени, копая и пропалывая.

Чтобы решить проблему, нужно было прорезать дождевой тоннель в ветвях куста, пока не проявилась новая поросль и крошечные зародыши бутонов: тогда бы я не смогла их срезать.

С мертвым деревом легко справиться: один щелчок секатором здесь, другой – там, и сухие, ломкие ветки падают. Но прошлогодняя

поросль оказалась сильной, сочной, маслянистой от предчувствия весны. Дерево сопротивлялось моему вторжению и не понимало, зачем ему дождевой тоннель. Я сражалась с ним около получаса, секатор глубоко вгрызался в мясистую плоть, оставляя шрамы, которые будут плакать вместе с дождем.

Короче говоря, для нормального завершения работы мне нужен был Натан со стремянкой. Чувство равновесия всегда меня подводило, и муж не позволял мне становиться на стремянку. «Ты мне нужна живой, – говорил он. Как я без тебя справлюсь?»

Я снова начала плакать.

Я схватила вилы и воткнула их в землю. В лучшие дни копание меня успокаивало, в худшие – усугубляло усталость. Мне было все равно. Это простое действие, которое я выполняла столько раз, должно помочь: у меня появится доказательство того, что энергия продолжает течь вопреки преградам, и копание и прополка будут всегда нужны. Даже если жена больше не нужна мужу.

Хотя я добавляла мульчу, земля по-прежнему оставалась упрямой и капризной, застревая на зубцах. Рукоятка выскользнула у меня из рук. Я снова подняла вилы и погрузила их в сухую комковатую глину. На этот раз зубцы наткнулись на сплетение корней и больше не поддавались.

– Давай же, черт возьми, – процедила я, пожалуйста. – Но все было бесполезно: вилы застряли. Я вытерла лицо тыльной стороной ладони.

В голове раздался щелчок. И почти сразу мое видение изменилось на малейшую долю, однако то, что я увидела, было шире, крупнее, всеобъемлюще. Я словно разрежала корочку пирога и обнаружила, что под ней – гнилое мясо. Словно всмотрелась в свою картину с розами и увидела не только взъерошенные лепестки и нежно-зеленые чашечки, но и язву, выеденную червоточину, жгущую бутон.

Как я могла не заметить гниение белоснежной розы? Или мокриц и проволочников, змеящихся по маленькому клочку земли, который я только что вскрыла. И россыпь камней, осколки оранжевого пластика и колечко от жестяной банки. И среди этих подземных жителей и захватчиков вились цепкие, вездесущие корни вьюнка.

– Не могу поверить, – сказала Ви, перезвонив мне тем же вечером. – Ты догадывалась? Роуз, мы так долго как следует не

разговаривали, что я и понятия не имела ни о чем.

Когда-то мы точно знали, что происходит в жизни друг друга, но в последнее время все изменилось. Некогда близкая дружба пала жертвой занятости. Ви была редактором книжной рубрики в газете-конкуренте («Конкуренты как раз и бывают лучшими друзьями»), второй раз вышла замуж и поздно родила, а я была поглощена работой. В промежутках между этими напряженными, жизненно необходимыми занятиями не оставалось свободного пространства.

У Ви был усталый голос, и я почувствовала себя виноватой за то, что потревожила ее.

– Нет, не догадывалась, но я особо и не приглядывалась. Натан не покупал нового белья, не пользовался лосьоном после бритья, не читал стихи. Ви, извини, что я тебя побеспокоила, но я понятия не имею, с кем еще посоветоваться.

– Конечно, ты правильно сделала, что позвонила. Но мы как раз ехали на свадьбу к нашей бывшей няне, – последнее, чем мне хотелось бы заняться в драгоценный субботний день, но все к лучшему. Хочу, чтобы нынешняя няня поняла, насколько крепкими и дружескими могут быть наши отношения.

Я понимала отговорки, к которым прибегает работающая мать. Они были оправданны, поскольку главное, к чему мы стремимся, это обеспечить комфорт детей.

– Послушай, а не хочешь приехать ко мне? Вместе поужинаем.

Мне было трудно на чем-либо сосредоточиться, и при мысли, что придется выйти из дому, я запаниковала.

– Нет-нет, не стоит. Давай просто поговорим.

– Ты детям рассказала?

– Даже подумать об этом не могу. По крайней мере, сейчас. – Я представила, как Сэм онемевает от потрясения, а алые губы Поппи побледнеют и задрожат.

– Роуз, я понимаю, что ты чувствуешь, поверь. Звони мне в любое время дня и ночи.

– Спасибо.

Больше добавить было нечего.

Я отправилась на поиски виски и нашла его у Натана в кабинете. Рядом с бутылкой стоял пустой стакан со слоем мутного осадка на дне толщиной в ноготь. Судя по всему, муж пил, пока ждал моего

возвращения домой и планировал свой побег от нашего брака. Я не любила виски, но плеснула себе немного, и алкоголь сделал свое дело, ударив по пустому желудку.

Я представила, как Минти встряхивает блестящими волосами, вспомнила ее мягкий хриплый смех и ответный смех Натана. Думаю, в каком-то смысле они смеялись надо мной.

Меня наполняло странное ощущение, будто мое тело стало чужим владением, к которому у меня не было ключа; не было у меня и карты с расположением кожи, костей и кровотока. Я вытянула руку. Согнулись ли мои пальцы? Сумею ли я сглотнуть? Сможет ли воздух в крошечных кавернах моих легких провести химическую реакцию? Над левым глазом пульсировала боль, горло пересохло от плача. Разумеется, все это от шока: мое тело первым приняло удар. Хотя я выслушала Натана, хотя я слышала, как за ним захлопнулась входная дверь, и прожила в пустом доме один день и одну ночь, половина меня все еще не верила, что его здесь больше нет.

Натан обожал свой кабинет. Вывеска на двери гласила: «Не входить»; он настоял на том, чтобы провести две телефонные линии, и мурлыкал, когда они звонили одновременно. Его кабинет был пробной площадкой перед работой: здесь он раздумывал над важными офисными делами. Натан не поленился установить специальные программы для оплаты счетов, страховки и подсчета семейных финансов.

Я села за стол, открыла ящик и наткнулась на аккуратные ряды скотчей, шариковых ручек, отверток. В раскрытом блокноте у телефона было написано: «Позвонить бухгалтеру».

Прежде чем выйти из кабинета и бросить жену, он все продумал. Натан всегда методично прорабатывал задачи, которые сам себе и ставил.

Давным-давно Ви обвинила его в том, что у него нет воображения, но я возразила, что это не так. Как раз потому, что Натан слишком хорошо представлял себе бедствия, которые могут постигнуть его семью, он прилагал такие усилия, чтобы их предупредить.

Над столом висела фотография в рамке: Натан с коллегами на прошлогоднем рождественском ужине. Мужчины – на фото были одни мужчины – во фраках, подчеркивающих их компанейскую одинаковость и свидетельствующих о том, что событие действительно

важное, хотя на самом деле обычная выпивка с закуской. Я еще дразнила Натана по этому поводу.

Он сидел между председателем совета директоров и редактором, и когда я впервые увидела снимок, он мне понравился, потому что у Натана был какой-то отрешенный и расслабленный вид. Теперь я увидела в нем другое: блеск в его глазах был вызван не безусловным счастьем мужчины, довольного своей работой и домом, а скорее волнением человека, в жизни которого намечается абсолютно новый поворот.

Глава 7

Ранним воскресным утром я нехотя очнулась ото сна – меня разбудил звук шагов в прихожей и по лестнице.

В первую минуту я подумала, что это Натан несет мне завтрак – как всегда по воскресеньям. «Это наше время», – говорил он, когда дети уже выросли и могли сами готовить себе завтрак, а потом повзрослели настолько, что завтрак стал смутным воспоминанием. «Время только для нас двоих». Иногда он не ждал, пока я доем, и убирал поднос. «Наше время». В последнее время, стесняясь того, как выгляжу по утрам, я пряталась под простыни, но он отыскивал меня там.

Воздух в спальне был кислым и пропитался отчаянием, как и я сама. Я лежала неподвижно, не проявляя ни любопытства, ни даже страха. Если в дом вломится безумный маньяк с топором, который приходил к Поппи в кошмарах, моя смерть от его руки будет легкой. Не более чем тихий вздох согласия и мольба довершить дело побыстрее.

– Мама? – В дверном проеме показалась голова Сэма.

Меня пронзила мимолетная радость, и я выпрямилась на кровати.

– Сэм... ты пришел.

– Конечно. – Сын вошел в комнату, наклонился и поцеловал меня. – Я не мог оставить тебя одну. Вчера вечером позвонил отец и сообщил о своем экстраординарном решении. Я даже не знал, что мне сделать. Разве что какую-нибудь глупость, например принести тебе цветы. – Он виновато взглянул на меня. – Я и не догадывался ни о чем.

– Добро пожаловать в наш клуб.

Он потянулся ко мне и взял мою руку. Я прижалась к нему.

– Ты, наверное, проснулся ни свет ни заря, чтобы добраться сюда, – сказала я.

Сэм наверняка завел будильник в холостяцкой спальне своей элегантной городской квартиры, выскользнул из кровати, где лежала спящая Элис, тихонько оделся, чтобы не потревожить ее. Может, он даже не сказал ей, куда направляется. А может, Элис рядом с ним и не было.

Сэм никогда не умел справляться с накалом эмоций и неуклюже погладил меня по ноге.

– Ты ужасно выглядишь. Когда ты в последний раз ела?

– Не знаю. Наверное, вчера, но я совершила набег на папино виски... Ладно, понимаю, это плохо, но это не войдет в привычку. И мне необходимо было выпить.

Сын вздохнул:

– Пойду-ка я лучше приготовлю тебе завтрак. – Петрушка протолкнулась в спальню, открыв дверь головой. Сэм поднял ее и посадил мне на руки. – Вот, возьми свою бесполезную кошку. – Прежде чем усестись рядом, она смерила меня настороженным взглядом своих зеленых глаз, словно усомнившись, можно ли мне доверять.

Он зашагал по комнате, раздвинул шторы, сложил мою одежду на стул – я разбросала ее по полу, что было для меня нехарактерно. Черт с ними, подумала я, сражаясь с джинсами и свитером, которые никак не слезали с меня вчера вечером. Может, у одежды тоже есть точка зрения и она протестует против моей судьбы?

Задумываться о вчерашнем вечере не стоило, и я зарылась лицом в теплую шерстку Петрушки и попыталась утихомирить разбушевавшийся желудок.

– Сэм, я кофе не буду.

– Ты и так пьешь слишком много кофе. – Он вышел и закрыл дверь. Петрушка взбунтовалась, и я ее выпустила.

Вернулся Сэм с подносом чая и тостов. Чай пролился на блюдце, а тост был намазан невероятно тонким слоем масла, но сердце мое все равно растаяло.

– Съешь сейчас же, – скомандовал сын.

Тост растаял во рту. Я мимоходом вспомнила прошлые завтраки, которые я делила с Натаном: толстые, белые куски булки, ломти масла и слой горьковатого джема. Мне уже казалось, будто все это было давным-давно, в другой жизни.

– Когда ты говорил с папой, с ним все было в порядке? – спросила я.

Брови Сэма сошлись на переносице.

– Вроде да. – Он пытался оградить меня от всего, что могло бы причинить дополнительные несчастья. И в то же время не хотел

слышать жестоких гневных слов в адрес отца.

Я закрыла глаза и попыталась вызвать в себе лояльное отношение к Натану: еще вчера это выходило так легко, почти автоматически. Мне не хотелось, чтобы Сэм выгораживал Натана. Я с жадностью стремилась заполучить верность и любовь детей до последней капли. Перед глазами поплыли цветные круги, дыхание стало прерывистым, и в ушах зазвенело.

– Мам, – произнес Сэм, – не смотри так. Я взяла себя в руки.

– Сэм, м-можно еще чаю?

Одевшись, я спустилась и прошла на кухню. Сэм листал «Санди таймс», краем глаза присматривая за беконом, который поджаривался на гриле. Ему нравились горячие завтраки. Как и Натану. Только не по воскресеньям, конечно. Ощущая легкое головокружение, я облокотилась о косяк и несколько секунд наблюдала за сыном. Поворот головы, движение мускула – вылитый отец.

Почувствовав мой взгляд, он обернулся.

– Я не успел позавтракать. – Сэм выдвинул стул из-под стола ногой. – Иди, садись.

Я села и стала смотреть, как он уничтожает бекон и тост.

– Я только хотел сказать, что не знаю, что творит папа, но прошу, не думай о нем слишком плохо.

В этом был весь Сэм. С младенчества он был светлым, скромным человечком с врожденным чувством природной справедливости. Даже когда новорожденная Поппи столь активно вторглась на его территорию, Сэм продолжал жить своей маленькой жизнью и тихо смирился с тем, что больше не является центром внимания.

– Я не знаю, что и думать, Сэм. Точнее, у меня слишком много мыслей, и я никак не могу их охватить. Но прежде всего я чувствую себя позорной дурой. Даже идиоткой.

– Ты и в самом деле не догадывалась?

Я покачала головой.

– Твой отец сказал, что ему нужна свобода, причем говорил об этом так, будто потом уже будет слишком поздно. Конечно, вполне естественно испытывать такие эмоции, но... – Мой голос сорвался.

Сэм нахмурился, и я осознала, что амбиции Натана не имели для него никакого смысла, были выше его понимания. Я закусила губу.

– Мне придется постараться, чтобы его простить.

– Значит, ты думаешь, что отец еще вернется? – Я пожала плечами, и Сэм прямо спросил: – Хочешь, я с ним поговорю?

– Нет.

Сэм отодвинул тарелку.

– Тебе придется разобраться с Минти.

– Я уже думала об этом.

Сын мрачно улыбнулся:

– Не хотел бы я оказаться на ее месте. – Он встал и обнял меня за плечи. – Я почти уверен: папа поймет, что совершил ошибку.

Поддержка Сэма напомнила мне, что среди всей этой неразберихи есть важные и неизменные вещи, за которые я могу ухватиться. Мне повезло: в некоторых семьях нет такой сплоченности общими воспоминаниями.

– Давай мне Поппи. – Натан удержал равновесие на дорожке, ведущей по обрыву к пляжу. Он протянул мне корзинку для пикника и подхватил Поппи на руки. Дочка взвизгнула от восторга и прижалась к нему. – Не дергайся, зайка. – Отец чмокнул ее в шею и начал осторожно спускаться.

Спуск был непростой. Я склонилась к Сэму: «Не отставай от папы». Схватив лопатку и ведро, он засеменил вслед за Натаном, осторожно ставя одну сандалию впереди другой, обходя расшатавшиеся камни и выбоины. Я набросила коврик на плечи на манер пледа (как солдат, идущий на войну, сказал Сэм) и завершила шествие, позвякивая термосами в корзинке для пикника.

– Я самая первая! – крикнула Поппи. Стояла сухая, жаркая погода, и тропинка местами осыпалась. Вдоль обрыва с обеих сторон виднелись пучки армерии и дикого майорана; высоко над головой перекликались стрижи. Мы спускались по краю до каменистого выступа пляжа. В последний момент тропинка исчезла, и пришлось прыгать.

– Спускайся. – Натан опустил Поппи на землю, и она, словно эльф в желтых шортах, побежала по камешкам к блестящему на летнем солнце морю. Сэм спрыгнул и поднял глаза на меня: удостовериться, что я видела его геройство.

– Розы? – Натан обернулся. Я собиралась было тоже спрыгнуть, но он поймал меня и закружил. За то короткое прикосновение я услышала

ровное биение его сердца. Мое же сердце металось от усталости. – Легкая, как перышко, – соврал Натан.

От жары скалы вибрировали, было слишком душно, и мы сели у камня, окруженного прохладными, защищающими от тепла морскими водорослями. Натан расстелил коврик, и я прижала его камнями. Худенькие белые ножки и ручки Поппи извивались, как лапки насекомого, когда я стягивала с нее майку и шорты. Она вырвалась и, совсем голая, принялась скакать вокруг, пытаясь попасть ногой в купальник. Я поймала хихикающую дочь и засыпала ее поцелуями. У соседней скалы Сэм устроил полевой лагерь для своих вещей и подошел к нам, попросить, чтобы его пожитки не трогали. Я заверила мальчика, что они будут в неприкосновенности.

С нашего места открывался вид на бесконечное водное пространство; за утесами спряталась россыпь бунгало и домиков, нависшая над дикой пустотой. Кроме нас на пляже никого не было. От солнца слезились глаза, кокосовый запах солнцезащитного лосьона на коже испарился под дуновением соленого ветра.

Дети побежали было к морю, но обожгли стопы о горячие камни; скачками они добрались до кромки воды и завизжали, когда волны плеснули им на ноги. Натан сел на коврик и снял рубашку.

– Дети уже большие, правда?

Детям было шесть и четыре, так что он немного преувеличивал.

– Им еще долго расти, – сказала я.

Натан всегда обгорал, если я не предпринимала мер. Он был не из тех, кто чувствует себя комфортно в жарком климате. Я открыла бутылочку с лосьоном, вылила лужицу на ладонь и стала втирать ему в спину.

– Еще, – потребовал муж, – вот здесь. – Мои пальцы массировали участок вокруг шеи – зажатый, болезненный от напряжения.

Вскоре Натан встал и присоединился к детям. Я достала книгу, легла на живот и стала читать. Время от времени я поднимала голову и смотрела, как моя семья пытается перехитрить море. Читать надоело, и я уронила голову на руки. Я слышала гул моря, тихое шипение песка, гонимого ветром, и щелканье камней. Я подумала, что если буду лежать достаточно неподвижно и тихо, то смогу слиться с миром стихий: солнцем, водой и широким открытым горизонтом.

Прибежал Сэм, неся пригоршню ракушек: показать мне, прежде чем отнести в свой лагерь.

– Там Поппи их не найдет, – сказал он. Я села и обняла сына за плечи, которые казались хрупкими, как у младенца.

– Поппи достается не все, что она хочет, – заверила я его.

Сэм с вызовом взглянул на меня.

– Нет, все.

Должно быть, я слишком сильно сжала его руку, и он поморщился.

– Нет, не все, – успокоила его. – Вот увидишь.

Он высвободился.

– Сэм, может, поможешь мне организовать пикник?

Он выложил на коврик четыре пластиковых тарелки разного цвета и раздал каждому по отдельному свертку с сэндвичами, которые я приготовила и пометила: на свертке Сэма нарисовала улыбающуюся рожицу, на свертке Поппи – большого плюшевого медвежонка, на свертке Натана – солнечные очки. На своем я написала: «Сон». Потом Сэм достал одинаковые пластиковые чашки, тщательно подбирая цвета под цвет тарелок.

Мы ели сэндвичи с сыром и огурцом и пили апельсиновый сок. Поппи отказалась есть сыр и огурец и отдала их мне. На десерт мы распечатали пачку шоколадного печенья и пакет с яблоками.

Я села рядом с Натаном, чтобы наши бедра соприкасались. Твердые, упругие мышцы по соседству с мягкой, присыпанной песком кожей. Хотя у меня большой размер ноги, ступни Натана еще больше, и, как ни забавно, по сравнению с ним я всегда чувствовала себя женственной и беззащитной.

– Ты счастлив? – спросила я.

Муж наклонился и нежно потерся носом о мой нос.

– Как никогда.

Я довольно вздохнула. Натан выпрямился и потер краснеющие плечи.

– Мне больше нечего желать, – сказал он. – Как думаешь?

– Мне пора возвращаться, – заявил Сэм. Он сложил руки на столе, соединив большие пальцы. – Думаю, вам с папой надо увидеться.

Он хотел уехать с чувством надежды, и я с облегчением поняла, что надо о нем позаботиться.

– Я приготовлю тебе сэндвичи.

Я нарезала хлеб и намазала его маслом, с удивлением заметив, насколько уверенны мои движения; чеддер был нарезан тонкими ломтиками. На стол падали крошки, я смела их рукой.

Сэм взял аккуратный сверток из фольги.

– Не стоило этого делать.

– Стоило. Ты и не догадываешься, как мне это было нужно. Спасибо, что разрешил.

– Я тут подумал, – проговорил он, – если вы с папой так и не помиритесь, может, ты захочешь поехать в Грецию в июле – со мной и Элис?

Я кинулась к нему, обняла и поцеловала.

– Конечно, нет, но ты – самый замечательный сын на свете, раз такая мысль вообще пришла тебе в голову.

Он крепко обнял меня.

– Я подумал, что стоит предложить.

– Это слишком большая жертва.

– Ты с Поппи разговаривала?

– Пока нет, но поговорю.

– Ей будет нелегко.

– Я знаю.

Когда Сэм уехал, в доме номер семь по Лейки-стрит опять воцарилась тишина. Я включила радио, но передавали концерт для скрипки. Каждая сладкая, безупречная нота врезалась в меня ножом. Я глотнула воздуха, подавилась, выключила приемник и вылетела из кухни.

Мой кабинет находился на лестничной площадке первого этажа – в пространстве, украденном у поворота лестницы. Окно выходило на сад и было плохо пригнано. В холодные дни я накидывала на стул теплый плед и заворачивалась в него, сидя за столом, который мне удалось втиснуть в тесную комнату. Вся семья смеялась, когда я называла комнатушку «кабинетом»: их смешил сам факт, что мне понадобился кабинет. С годами дети выработали собственный метод выражать неодобрение: они нарочно топали вверх-вниз по лестнице как можно громче. «Шшш, мама работает в кабинете», – предупреждали они друг друга шепотом, который наверняка донесся

бы до самой Вавилонской башни. И теперь я сидела здесь, замерзнув так сильно, что пришлось дважды завернуться в плед.

Я сняла трубку и позвонила Поппи.

– Дорогая, с тобой все в порядке?

– Мам, может хватит со мной возиться? Все у меня нормально. – Ее голос смягчился. – Но я рада, что ты позвонила.

– Папа тебе вчера не звонил?

– Я пришла только утром, мам.

– Дорогая, мне нужно тебе кое-что сказать. Боюсь... боюсь, папа нашел... – Это звучало так грубо, и я подумала, что Натан заслуживает лучшего. – Он полюбил другую женщину и ушел из дома.

В трубке раздался пораженный возглас Поппи:

– Кого? Какую женщину?

– Минти.

Последовала долгая-долгая тишина. Когда Поппи заговорила, у нее был совсем другой голос – голос старого человека, будто вся ее веселость потухла и умерла.

– Старый козел. Мой папа превратился в старого козла.

– Пожалуйста, не говори так о нем.

– Но это же правда.

– Все немного сложнее. Видимо, в его жизни наступил момент, когда он почувствовал, что ему необходимы перемены.

– Ничего не хочу слышать! – закричала Поппи. – Зачем ты вообще мне позвонила? Мама, я не могу об этом говорить. Давай поговорим позже.

– Разумеется.

На этом Поппи успокоилась.

– Я должна утешать тебя... и я буду утешать, мама, обещаю, но сначала мне нужно оправиться от шока.

Затем я позвонила домой Таймону.

Жена Таймона, Мэри, была очень недовольна, когда по выходным ее мужа беспокоили. Пару раз мы обсуждали это на офисных вечеринках, и она объяснила, что применяет к звонящим замораживающую тактику. Когда она подошла к телефону, я прочувствовала ее ледяное обращение на себе. Я объяснила, что в жизни не позвонила бы в воскресенье, но возникла крайняя необходимость.

– Тогда ладно, – ответила она, вероятно, из любопытства, – но у нас гости. – И протянула трубку Таймону.

– Роуз, что-то случилось?

На заднем плане взревел блендер, ему вслед многозначительно зазвенели кастрюли.

– Думаю, я должна предупредить тебя, что в понедельник собираюсь уволить Минти.

– Понятно, – ответил Таймон. – Подожди минутку. Я возьму другой телефон. – Когда он снова взял трубку, шум прекратился. – Расскажи все в подробностях.

И я рассказала.

– Натан ушел от тебя к Минти. – Таймон коротко рассмеялся, словно говоря: <И кто бы мог подумать, что у этого старого кобеля еще есть силы?> – и я обиделась за Натана. – Понятно, что возникнут определенные сложности, – произнес он.

– Ее в моем офисе не будет. Понимаешь?

– Подожди-ка. – Таймон заговорил официальным тоном: – Существуют правила и предписания, Роуз. Ты не можешь просто так увольнять людей. Лучше предоставь это мне.

Я с трудом подавала раздражение.

– Хорошо. Но в моем офисе она сидеть не будет. Придется перевести ее куда-то в другое место.

Таймон откашлялся.

– Роуз, учитывая обстоятельства, может, тебе отдохнуть? Это совершенно нормально. Возьми неделю выходных.

– Нет, – проговорила я, – ты не понимаешь. Работа для меня важна, я бы в жизни ее не бросила.

– Как хочешь. – Он задумался. – Предоставь все мне и заходи в одиннадцать тридцать в понедельник.

Закончив разговор, я почувствовала себя лучше. По крайней мере, я хоть что-то да сделала. Опередила Минти.

Завернувшись в плед, я сидела и размышляла о предательстве. Как можно быть любовниками так долго и ничем себя не выдать? Как ни странно, Натан и Минти вызывали у меня даже восхищение: не думаю, что мне хватило бы ума и выдержки хранить такой секрет. Как Минти умудрялась проявлять такой интерес к моей одежде, мыслям, семье – я

знала, что интерес был искренен – и при этом делить постель с моим мужем?

Как, к примеру, Натану удалось настоять на том, чтобы я села и вместе с ним проверила пенсионные фонды? Ведь он знал, что скоро его не будет рядом. Возможно, когда хранишь серьезную и страшную тайну, это так отупляюще действует на сознание, что обычные, рутинные вещи начинаешь выполнять на автопилоте, действуя совершенно нормально.

Может, все мы живем несколькими жизнями и совмещаем их, даже не задумываясь об этом? Может, люди так привязываются к повседневным привычкам, что те становятся самой их сущностью, и отказаться от них уже нет возможности, хоть и понимаешь, что по всем законам здравого смысла это сделать следует.

Глава 8

В понедельник утром я готовилась к выходу на работу. Села за туалетный столик и слой за слоем нанесла на лицо крем. От слез кожа высохла и покраснела, став наощупь как потрескавшаяся оберточная бумага.

Солнечный свет в спальне не скрывал ничего: пронзительно-синяя вена на ноге от переживаний – темные круги под глазами, а ведь когда-то все было безукоризненным. Минутку. В зеркале – какая-то другая женщина. На самом деле я молода и счастлива.

Я выбрала летнюю футболку, льняной брючный костюм и черные лодочки без каблуков. Накрасила ресницы, провела по губам красной помадой и причесала волосы, все еще блестящие и послушные. Затем, пока Петрушка колонизировала мои колени, накрутила ногти воинственно-красным лаком. Это было мое обмундирование, лучшее, что у меня имелось, но когда я поднялась и Петрушка, протестуя, соскользнула на пол, я обнаружила на невысохшем лаке прилипшую кошачью шерсть.

– Ну ты и негодяйка, Петрушка.

Зеленые глаза воззрились на меня. «А ты дура, Роуз», – казалось, говорили они.

Отодрав с ногтей шерсть, я спустилась на кухню. Дотронулась до кофейника, но передумала пить кофе; попыталась съесть банан, но не смогла.

Погода на улице обещала быть славной, и, как консьержка или смотритель музея, я обошла все комнаты, раздвинула шторы, взбила подушки, вытерла пыль, ища утешение в обыденных, привычных действиях. В неподвижной тишине тиканье часов в гостиной казалось необычно громким.

Сумка с книгами была там, где я ее оставила. Я проверила, все ли на месте: статья, которую я должна была отредактировать; пара писем, которые следовало прочесть; роман, кулинарная книга и биография – обычно я просматривала книги, прежде чем отправить их на рецензию.

Перекинув сумку через плечо, я вышла, оставив за дверью прохладную гостиную с тикающими часами; сад с каплями легкого

дождика на траве; супружескую спальню, где когда-то давно Натан шептал мне, как ему повезло, какой он счастливчик, что у него есть я, и в ответ на его слова я с благодарностью вздыхала в ночи.

Я вышла из офисного лифта, заставляя себя успокоиться и быть естественной. Дженни из отдела кадров ждала лифт. При взгляде на меня выражение ее лица сменилось легкой паникой, и я подумала: надо же, как быстро все стало известно. Правда, я и не надеялась, что сплетни минуют нас с Натаном. Давая Дженни возможность собраться с мыслями, я сделала вид, будто перекидываю тяжелую сумку с одной руки на другую.

– Доброе утро, Дженни.

– Послушай, – пробормотала она, – я хочу, чтобы ты знала...

В офисе над Дженни жестоко подшучивали: хотя на бумаге она была специалистом по персоналу, в реальности общение с людьми у нее не выходило, и она никогда не могла закончить предложение. На этот раз она попросту влетела в лифт; двери, щелкнув, закрылись.

Не очень хорошее начало. По пути к рабочему месту я призывала на помощь самообладание и чувство юмора: они мне понадобятся, чтобы пережить долгий день. Затем я с потрясением осознала, что мне даже не хочется, чтобы наступил вечер. Ощущая тошноту и дрожь, я рухнула в кресло, и на глаза мне попала фотография.

Лицо Натана улыбалось мне, и я попробовала мысленно переключиться. По мнению Ианты, в этом мире мы проходим испытание. Я всегда смеялась при этих ее словах, говорила, что она слишком старомодна, слишком предана Новому Завету. Я возражала маме, даже когда понимала, что она права.

Автомат с кофе щелкнул и выплеснул струю. Ксерокс выплевывал горячие листы бумаги с едким запахом. Трескотня и шум офисной жизни окутали обитателей здания, изолировав их толстыми полистироловыми стенами привычки.

Зазвонил телефон – это был автор, чей роман получил плохую рецензию. Я вежливо выслушала поток желчи, который завершился словами: «Вы все на меня ополчились».

– Вовсе нет. Суть рецензии в том, что книга будет прекрасно продаваться. Мне жаль, что рецензенту не понравился роман.

Он огрызнулся:

– Вам не понравилось то, что я заработал кучу денег.

– Как мило с вашей стороны.

Краем глаза я увидела Натана... в сером костюме, он направлялся в кабинет Таймона. Он не посмотрел ни направо, ни налево. Застигнутая врасплох, я бросила трубку и спрятала лицо в ладонях.

– Роуз, – ко мне подковыляла Мэйв Отли, – ты неважно выглядишь. Я принесла тебе чаю. – Она поставила чашку на мой стол. У нее были шишковатые руки, которые всегда болели. – Положи сахар. Давай, давай, он тебе понадобится.

Мэйв была очень проницательна, но скрывала это. Она мимоходом коснулась моего плеча. Ее сочувствие не было навязчивым, но я никогда бы не подумала, что принять его будет так сложно.

– Спасибо, – выдавила я.

Мэйв возилась с манжетами малинового платья: она предпочитала длинные рукава, чтобы прятать руки. Кажется, она размышляла о том, как бы не переборщить с поддержкой.

– Не позволяй им себя сломать, – наконец произнесла она и вернулась к своему столу.

Мне не хватило ни сил, ни способности сосредоточиться, чтобы понять, что она имела в виду, и я взяла первый попавшийся предмет из ближайшей корзинки на столе. Это оказалась отвергнутая рецензия на книгу Хэла. «Автор книги – мошенник», – самодовольно заявлял критик. Я держала листки между пальцев, похолодевших от шока при взгляде на Натана. Хэл писал слишком хорошо и убедительно, чтобы получать положительные рецензии. К тому же в нем всегда присутствовал специфический английский ген, притягивавший к себе самое худшее. Качество и талант, смешанные с завистью, порождали язвительность.

Я установила правило – никогда не смотреть на книги Хэла – и свято его придерживалась. Но сейчас я достала «Тысячу оливковых деревьев» из июньской стопки. Когда-то мне казалось, что лицо Хэла останется в моей памяти навеки. Но я ошибалась. Детали и резкие контуры стерлись, и остался лишь образ, расплывчатые очертания – как и с другими так называемыми неискоренимыми воспоминаниями. Словно старый камень, стертый и иссушенный непогодой. Словно песок, перемещающийся в дюнах. Я перевернула книгу и увидела Хэла: он похудел, стал старше, светлые волосы поредели и выгорели на солнце, но выглядел он так, как я себе и представляла.

Натан резал цыпленка. Кухня наполнилась паром и ароматами приправ; играло радио. Я измельчала морковь соломкой. Семнадцатилетний Сэм и пятнадцатилетняя Поппи, которых с трудом растолкали ближе к полудню, нехотя одевались. Они были в том возрасте, когда принято одеваться в адаптированном к реальности стиле «анархический панк». Сэм «радовал» нас футболками, разрисованными краской из баллончика, с надписью «убей». Поппи предпочитала джинсы с отпоротыми поясами.

– Книга недели, – произнес диктор, – это рассказ о путешествии по североамериканской пустыне. «Пустыня и путник» Хэла Торна появится в магазинах в понедельник, в девять сорок пять утра...

Вода в кастрюле зашипела и вспенилась, как только морковь коснулась ее поверхности.

– Обед будет через минуту, – сказала я. – Позови детей. – Натан не двинулся с места, и я сама подошла к лестнице и позвала их. – Спасибо, – огрызнулась я, вернувшись на кухню.

– Ты читала его книгу? – Натан отрезал ломтик влажной белой мякоти.

Вопрос выпрыгнул из засады, как притаившийся охотник.

– Нет.

– Почему?

– Потому что... – Я подошла к раковине и откинула морковь на дуршлаг. Пар ударил в лицо.

– Потому что, – Натан закончил резать и разложил мясо на овальном блюде, – он все еще с тобой. По крайней мере мысли о нем.

– Вы слушали выпуск новостей, – встрял диктор.

Я переложила морковь на блюдо и поставила его в духовку, чтобы не остыло. У нас с Натаном был тяжелый период, – мы уставали и были слишком заняты, вот и все. Честно говоря, его работа мешала нашей семейной жизни, в которой и без того происходили перемены; моя работа также отнимала много сил, но нам казалось, что мы справимся с раздражителями. И все же продолжать разговор о Хэле, пожалуй, не стоило. Я мягко произнесла:

– Это неправда, Натан. Я не читаю его книги, потому что они мне неинтересны.

– Но такова твоя работа: тебе необязательно должно нравиться то, что ты читаешь.

Я занялась нарезанием петрушки.

– Не всегда.

– Розы, ты совсем не умеешь врать.

А вот и нет, подумала я. Врать я умею блестяще, в совершенстве. Но я всегда врала во благо, из лучших побуждений. Например, в постели, когда Натан прижимался ко мне и я, измученная и издерганная криками детей, проблемами на работе и необходимостью утешить мужа, думала только о сне, сне и покое. Он говорил что-то вроде: «Мы так давно этим не занимались, Роуз». И я отвечала: «Да, слишком давно», – хотя просто проваливаясь в сон. Эта ложь удавалась мне лучше всего.

– Натан, зачем ты сейчас об этом заговорил? Все в прошлом, все кончено. Я вышла за тебя, забыл? Мы счастливы. – Я повернулась к плите и быстро взбила соус. – Я никогда не была так счастлива.

Натан продолжал, будто ничего не слышал:

– Разве ты не собиралась путешествовать с ним по пустыне?

– Как-то мы об этом говорили, но разговор так ни к чему и не привел. Это было очень давно. Пожалуйста, сходи позови детей еще раз, а то обед остынет.

Натан с лязгом швырнул нож и вилку: резкий звук перекрыл бормотание радио.

– Сама их позови. – И муж развернулся на каблуках и вышел из кухни.

Я знала, где его искать: в кабинете. Сложив руки на коленях, Натан сидел за столом, уставившись на аккуратную стопку счетов и семейных документов. В его глазах стояли слезы; слезы, виной которым была я, но я не понимала, почему он плачет.

Я стояла, упершись руками в бока.

– Натан, даже я никогда не думала о Хэле так много, как ты. У тебя это превратилось в привычку, в оправдание. Тебе прекрасно известно, что Хэл для меня более чем мертв.

Натан повел плечами. Этим жестом он словно молил утешить его, успокоить. Я встала перед ним на колени, взяла его ладони в свои и поцеловала.

– Натан, ты глубоко заблуждаешься.

Какое-то шестое чувство заставило меня поднять голову. Навстречу мне шла Минти – решительно, насколько позволяли ее тонкие каблучки. У моего стула она остановилась.

Сначала мне не хотелось смотреть на нее. Потом я все же взглянула.

Она вся светилась торжеством и тайным удовольствием: по крайней мере, так показалось мне, Роуз, у которой появилось новое видение. Трусить было не в духе Минти, и я всегда восхищалась ее храбростью. И еще ее стройной фигурой под белой маечкой и крошечной черной юбкой. Минтиставляла напоказ свою красоту и стройность... но как? С уверенностью женщины, чье поколение не понимает, зачем нужен феминизм.

– Пожалуйста, уходи, – произнесла я. – Я попросила, чтобы тебя перевели в другой отдел, а не уволили. Таймон тебе звонил?

– Да. – Она подошла к своему столу и включила монитор. – Я хотела вообще не появляться, но потом подумала, что должна столкнуться с тобой лицом к лицу, чтобы ты могла назвать меня как хочешь. Вскоре ты меня не увидишь, но прежде чем я исчезну с поля боя, хочу проверить свою почту. – Минти невозмутимо и расторопно ввела пароль.

– Почему? – спросила я. – Мы же были подругами.

– Разумеется. – Она нажала пару кнопок, взглядела в экран и вышла из системы.

– Я дала тебе шанс сделать хорошую карьеру.

– И я сказала тебе спасибо, Роуз, и не раз. Мне что, нужно благодарить тебя до конца жизни? – Минти открыла ящик, достала адресную книгу и ежедневник и бросила их в сумку. – Почему бы нам не поговорить о деле, которое нас действительно заботит? Я лишь взяла то, что плохо лежало, Роуз. Спроси Натана.

– Натан был со мной абсолютно счастлив. Ее это нисколько не смутило.

– А он считает иначе. Он говорит, что ему нужно внимание. И я даю ему это внимание.

Я вдруг испугалась за Минти.

– И ты ему поверила? Я считала тебя циничной.

Минти поднялась.

– Можешь говорить все, что хочешь, Роуз, это ничего не изменит.

Мне хотелось, чтобы разговор прекратился, хотелось милосердной тишины. Хотелось отдаться на волю отчаяния, отползти подальше, лечь и умереть, и лежать словно трупик бродячей собаки на солнце. Но если бы я это сделала, я бы уступила Минти все преимущества. Мы с Натаном не отдалились друг от друга окончательно, нас еще кое-что связывало. Мы вовсе не стали чужими. У меня остались теплые и радостные воспоминания о хорошей, счастливой семье, которую мы с ним построили – кирпичик за кирпичиком. Добрые, крепкие свершения, за которые стоит бороться.

Я устало выпрямилась.

– Ты вмешиваешься в то, о чем не имеешь понятия. Тебе неизвестна правда о нашем браке, что бы Натан тебе ни рассказал. – Минти облокотилась о стол и начертила стройной ножкой круг на ковре. Я пришла в ярость и ужас и добавила: – Все, что он тебе наговорил, было сказано по очевидными причинами.

– Он и так бы получил, что хотел. Врать не к чему.

– О боже. – Я рухнула в кресло.

Надежда на то, что этот эпизод – незначительная мелочь, которую нам с Натаном удастся побороть, исчезла вмиг, и вместе с ней – проблеск надежды, что я выдержу этот... экзамен. Если бы Натан наврал с три короба, чтобы завладеть телом Минти, я бы поплакала, попереживала и простила его. Но это... Врать не к чему.

– Это ты... или он? – Я опустила глаза. – Кто был первым?

Она поняла меня.

– Я, Роуз. Мне всегда нравился Натан. Он замечательный человек, чудесный, просто котик, который при этом обладает немалой властью. Сначала это было всего лишь увлечение, о котором жене не стоило бы волноваться, я и не собиралась говорить тебе об этом. Но потом все... усложнилось и, увы, пришлось тебе рассказать.

– Он чудесный человек, – повторила я.

– Жаль, что ты ему об этом не говорила, – вздохнула Минти. – Но я – буду.

Ее высокомерие потрясало.

– И ты продолжала работать со мной...

– Никогда не следует смешивать работу и личную жизнь. Дурная привычка. – Она проверила содержимое сумки и подхватила ее. –

Честное слово, Роуз, мне жаль, что под удар попала ты. Лучше бы на твоём месте был кто-то другой.

Ровно в одиннадцать тридцать я постучала в дверь кабинета Таймона – редакторам разрешалось иметь двери.

Таймон наблюдал за мной из-за своего громадного стола, между нами лежал ковер.

– Выглядишь неважно, Роуз. – Он отмел мои извинения насчет звонка в воскресенье и предложил сесть.

– Натан к тебе заходил. Как он? – спросила я.

Таймон переложил бумаги, которые на его огромном столе казались почтовыми марками.

– Нам всем нелегко. Тем не менее теперь у меня появилась возможность оценить ситуацию.

– Уверена, ты согласишься, что работать с Минти я не могу.

Таймон взял ручку и нарисовал большой круг в блокноте с ярко-розовой обложкой.

– Я хочу побыстрее со всем разобраться.

– Хорошо.

Мое внимание приковал яркий цвет, резавший по усталым глазам.

Таймон нарисовал второй, менее ровный, круг.

– Я сожалею, что ты столкнулась с неприятностями в личной жизни. Поверь, все мы через это прошли. – Он поднял голову, и в его испытующем взгляде не было ни жалости, ни понимания. – Дело в том, что мы давно и тщательно присматривались к книжной рубрике. Ее необходимо перестроить. Сама знаешь, что, будь моя воля, я бы вообще от нее отказался, так как в этом разделе никто не хочет размещать рекламу.

Я готовилась не к такому разговору, но раз Таймон того хочет, придется собраться с силами и разыграть мяч. У меня на руках были факты и цифры, но шеф меня прервал:

– Кажется, ты не понимаешь. Все меняется быстрее, чем когда-либо, и мы должны всеми силами пытаться не отставать. Понимаешь, – он поднял палец, – не отставать, а быть впереди.

Подобные речи изливал весь цивилизованный мир, и я привыкла отвечать на них:

– Понятно.

Но Таймон меня не слушал.

– Рубрика должна быть более актуальной, с сексуальным накалом. Побольше знаменитостей. Нам нужны радикальные перемены.

– Я могу это сделать. Скажи, каким бюджетом мы располагаем.

– Я не сомневаюсь в твоих способностях. Но дело в том, что я хочу взять на твое место другого человека, который мог бы применить совершенно новый подход. Это значит, что мы отпускаем тебя, Роуз. Десять лет... долгий срок на одном месте. Дженни из отдела кадров уже готовит выходное пособие. Мы о тебе позаботимся. И не стоит обращаться к нашим хорошо осведомленным друзьям, Роуз. – Он нарисовал третий, последний круг. – Разумеется, ты должна освободить рабочее место, и я хотел бы, чтобы к обеду тебя здесь не было.

– Не думаю, что ты можешь так поступить.

Выражение его лица не изменилось.

– Ты давно заглядывала в контракт?

Я попыталась говорить ровным голосом:

– Я не брошу рубрику, пока мы готовимся к печати, Таймон.

– Это очень трогательно, но рубрикой займется Минти.

– Я не хочу, чтобы она этим занималась.

Таймон тяжело поднялся.

– Поверь, мне было нелегко принять решение, но изменения в твоей личной жизни все решили за меня. Сегодня утром я вызвал Натана, чтобы сообщить ему о том, что произойдет. Сожалею, но я попросил Минти занять твое место.

Я поймала Натана в его кабинете.

– Всего на пять минут, – прошептала я Джин, его секретарше, проходя мимо. – Дело личное.

Когда я ворвалась в кабинет, Натан поднялся с пепельным лицом.

– Ты знал? – спросила я.

Он подошел к выходу и закрыл дверь.

– Нет, не знал. Ты же не думаешь, что если бы я знал, то ничего тебе не рассказал? Я бы не поступил так с тобой, Роуз.

Может, и так; но меня обурежала ярость, и я ухватила за нее. Ярость лучше, чем горе.

– О да, ты не бросил бы меня на работе, зато ты бросил меня дома.

Он вздрогнул:

– Извини. Я не хотел, чтобы так получилось.

Повисла тишина; мой гнев утих, и я попыталась привести мысли в порядок, распутать переплетенные нити этой ситуации. Я устало проговорила:

– Почему ты не сказал, что так несчастлив? Мы могли бы что-нибудь предпринять – поговорить, сходить к специалисту, сделать хоть что-нибудь. Даже, даже... – я ударила кулаком по столу, – ... ты бы завел свой роман, если это уж так необходимо, но потом – вернулся.

– Так не бывает.

– Бывает. У нас все получится... если ты примешь решение. Хорошему браку свойственна гибкость. Почему ты не сказал: «Роуз, мне кажется, что я не получаю от тебя того, что мне нужно»? Или: «Роуз, ты слишком долго принимала меня как должное, пусть теперь все будет по-другому». Или...

– Или: «Я слишком, слишком долго жил в тени другого мужчины...»

– Прошу тебя, Натан, не надо опять приводить этот довод – такой избитый и насквозь лживый. Ты используешь его как удобный предлог, оправдывая свои действия.

Он покачал головой и не ответил.

Меня охватило удивление – как умный, вдумчивый Натан мог принять подобное решение, основываясь на столь скудных уликах? Так обмануть себя!

– Все это было много лет назад, я думала, мы давно забыли об этом. Разве я когда-нибудь мусолила твои прошлые романы до такой степени? Нет, разумеется, нет. Я-то думала, что убедила тебя. Неужели совместно прожитые годы – не достаточное доказательство? – Я подошла к нему вплотную. – Может, истинная причина в том, что ты... больше не находишь меня привлекательной и попросту пытаешься завуалировать правду? Может, мы слишком часто находились вместе в ванной комнате, слишком часто ели в тишине и слушали ворчание друг друга по одному и тому же поводу?

Он молчал, и я сделала еще одну попытку:

– Может, когда мы стареем, то становимся менее уверенными в себе? Больше нервничаем из-за отталкивающей внешности, слишком укореняемся в привычках? И нам нужно заново реализовать себя? Неужели дело в этом, Натан? Ведь одно я знаю точно: слабая тревога

по поводу давнишнего романа не могла стать причиной всего этого. Причина в том, что ты, скорее всего, не можешь ни объяснить, ни понять; но по крайней мере будь честен и признайся в этом.

Либо я задела Натана слишком сильно, либо он не понял, что я сказала, но было ясно, что больше мне от него ничего не добиться.

– Я устал, Роуз. Я хочу начать жизнь с чистого листа. Я влюбился в Минти. Дети уже взрослые, они смогут понять.

Я подошла к окну и выглянула на улицу. Все было как обычно: транспорт заполнил проезжую часть, витрины сияли рекламой и коллекциями весеннего сезона; полицейская машина крутилась в пробке. Внезапно я поняла, что произошло. Поняла, как тень Хэла превратилась в нечто осязаемое, в удобный предлог, чтобы успокоить совесть.

– Для тебя Хэл значит больше, чем для меня, – медленно проговорила я. – Он стал твоей фантазией.

Натан зашуршал бумагами. Мой гнев зашевелился, затеплился и вспыхнул. Я повернулась к нему.

– Ты знаешь, что заставило Таймона принять решение о моем увольнении? Видимо, когда вы с Минти решили жить вместе, он и определился.

– Не надо, – проговорил он и снова посерел.

– Уверена, ты не хотел, чтобы все так вышло, но именно так и случилось.

– Роуз... если тебе нужна помощь по вопросам контракта, выходного пособия...

Я беспомощно смотрела на него.

– Единственный вопрос, который я хочу обсудить с тобой, Натан, это вопрос о нас. Мы должны поговорить о нас.

На мгновение он взглянул на меня с прежней нежностью, и мне показалось, будто мы сдвинулись с мертвой точки, что сейчас мы поговорим. Как следует. Подробно – и честно.

– Натан, пожалуйста, давай еще раз подумаем...

Джин открыла дверь и прервала наш разговор:

– Натан, вас вызывают в зал совещаний. Срочно.

Натан неотрывно смотрел на меня.

– Можно через пять минут, Джин.

Она покачала светлой мелированной головкой:

– Немедленно. Жена министра покончила с собой.

Глава 9

Дорога, которую мы знали как свои пять пальцев, далась тяжело: лента машин протянулась от Лондона до Корнуэлла, но наконец наш набитый под завязку автомобиль выехал на мыс. От самого Лонсестона Натан что-то мурлыкал себе под нос и на все мои вопросы неизменно отвечал: «Да, сэrrrrr». Сэму было двадцать, Поппи – восемнадцать, оба прогуляли на вечеринках до утра и вот теперь проснулись. Поппи надела очки и легонько толкнула Сэма в плечо.

– С тебя бутылка пива.

Машина везла проголодавшихся, мучимых жаждой пилигримов по неезженной дороге. И вот – наконец-то: долгожданный дом, окна сверкают на солнце. Расположенный во впадине с видом на море, служившей укрытием, коттедж находился в уединенном месте – для нашей семьи уединение было всего важнее.

С годами мы стали экспертами по освещенности и климату прибрежной территории: серые грозы, вечера, пропитанные розово-золотым солнцем, подходящие для медитаций синие ясные дни. Иногда берег окутывал туман, и пляжа не было не видно. Над горизонтом часто повисали облака: забавно, что он при этом казался ближе. Иногда я представляла, как иду по воде и забираюсь на горизонт. Если небо было голубое, мы отправлялись на рыбалку. В дождь отыскивали ресторанчик, где можно перекусить рыбой с жареной картошкой, или прогуливались по мысу в деревню и там ели десерт миссис Треско со сливками и патокой, пили травяные чаи, согревающие в плохую погоду, и пиво в местном пабе.

– Да, сэrrrrr. Небо синее и чудесное. – Натан остановил машину. – Я сразу пойду гулять.

Я сложила руки на коленях и ласково спросила:

– А кто будет распаковывать вещи?

Он обошел машину и открыл мою дверцу.

– К черту вещи. Пусть дети этим займутся. Ты тоже идешь гулять.

– К черту вещи. – Я вышла из машины, заваленной чемоданами, бумагами, пустыми стаканчиками из-под напитков и коробками с едой.

Сэм вздохнул:

– А что нам за это будет?

– Много чего, – ответила я. – О расценках договоримся позже.

Натан взял сумку с рыболовными снастями и схватил меня за руку. Я успела лишь достать свитер. Мы спустились вниз, к пляжу, как взволнованные дети. Мои ноги в резиновых туфлях скользили по дерну, прыгали по камням, зарывались в сухой белый песок.

Моряк Джонни отбуксировал лодку на пляж и оставил ее там, где обычно, просмолив и приготовив к отплытию. Натан отцепил твердый, сырой брезент, уложил его, бросил на дно сумку и стал заводить мотор. Я оттащила прицеп на пляж и побрела к лодке по шелковистой водной ряби.

– Поспеши, – Натан протянул руку. – Ты так целый день проваландаешься.

Гордясь приобретенной с годами сноровкой, я продела весла в уключины; они погрузились в воду, и я начала мерно, медленно грести, чувствуя напряжение мышц в спине и руках и сопротивление течения. Я принялась грести энергичнее и вскоре перестала дрожать.

Возле утеса ветер усилился, и я осторожно обогнула скопление плоских, дурно пахнущих водорослей, скрывавших камни с острыми отточенными зубцами, которые любили полакомиться лодками на завтрак.

– Хватит, – сказал Натан, и я прекратила грести.

Сразу же повисла тишина, лишь вода плескалась об обшивку лодки. Натан дернул веревку: мотор зашумел, взревел и успокоился: мы поплыли по волнам к тому месту, где в обилии водилась макрель.

Я принялась разматывать леску. Как бы осторожно ее ни сматывали в конце сезона, при хранении она всегда путалась, и мне пришлось следить, чтобы крючья не зацепились за пальцы. Натан выключил мотор и снова завел его, чтобы при необходимости быстро сорваться с места.

– Ты первая.

Я бросила леску за борт, глядя, как яркие перышки наживки разбухают при соприкосновении с водой. Солнце обжигало мои голые руки, согревая кожу, которая в городе оставалась закрытой. Я подняла голову. Натан смотрел на меня.

– В этом году мы проведем время вместе, – сказал он, – правда?

Леска в руках натянулась, вода зашлепала о лодку, солнце ударило в глаза. Меня охватил восторг. Это был восторг оттого, что я живу, что я – часть тайны существования, просто оттого, что Натан меня любит.

Примерно через час мы карабкались обратно по тропинке к пляжному коттеджу. Я несла сумку со снастями, Натан нес наш ужин – три макрели, лучший улов первого дня.

У начала тропинки стоял Сэм и изучал утес, прикрыв ладонью глаза. Заметив нас, он двинулся навстречу. Я нехотя представила, что он скажет: «Все готово, постели застелены, еда разгружена – платите».

Но когда Сэм, задыхаясь, добежал до уступа, где мы остановились, чтобы полюбоваться морем, и Натан обнял меня за плечи, сын произнес:

– Папа, звонили из Лондона. Они хотят, чтобы ты вернулся.

Почему я не настояла на своем тогда, подумалось мне, и в других случаях тоже? Почему я не могу настоять на своем сейчас?

– Извините, – сказала Джин. – Я знаю, вам с Натаном надо о многом поговорить, но я не могла не вмешаться. – У нее был расстроенный вид, и я поняла, что девушка все знает.

– Так было всегда, Джин.

– Я знаю, – печально проговорила она. Жене министра было всего тридцать семь лет. Судя по ее фотографии (в офисе был телевизор, по которому передавали непрерывный поток новостей), она была красавицей, настоящей английской красавицей – светловолосой, статной. На снимке она была в брюках и свитере с воротником поло: непритязательная униформа Хорошей Жены. У них было двое детей-подростков: младшая дочь обнаружила ее повесившейся на перилах.

Хорошие Жены совершают самоубийства, как и все остальные.

Ее лицо оставалось в рамочке в правом верхнем углу экрана, в то время как комментаторы, обсуждавшие сенсацию, сменяли один другого. Под звук их приглушенных голосов я освободила свой рабочий стол и собрала сумку, разложила стопки книг в порядке публикации и стерла из компьютера свои файлы. Потом позвонила Стивену, предупредить, что рубрика запаздывает.

– Пусть Минти разбирается. – Мэйв была в бешенстве. Разведка уже поработала, и она явилась, чтобы стать свидетелем моего

карьерного краха и выведать подробности. Ее подведенные карандашиком брови сошлись на переносице.

– Не представляю, о чем только думает Таймон. Это возмутительно. – Но ее негодование смешивалось с беспокойством. – Не сомневаюсь, я буду следующей, я тоже уже не девочка. – Она наклонилась ко мне и добавила: – Отправляйся в суд. Борись за права пожилых женщин: ведь проблема именно в возрасте.

Меня трясло от злобы и шока, но я продолжила разбирать стопки книг.

– Не думаю, что все так просто, Мэйв.

– Очнись, Роуз. – Она выхватила у меня из рук пару книг. – Прекрати. Не трать на них больше ни минуты. Ты им ничего не должна.

Телевизионный комментатор стоял у входа в дом министра, который находился под осадой, и рассказывал о благотворительной и спонсорской деятельности жены министра, о том шоке, который испытали друзья, о том, что дети попрятались.

Помня о смерти той женщины и о горе детей министра, я не могла оставить все эти последние необязательные дела незаконченными. Мы с Мэйв вместе собрали коробку с моими канцелярскими принадлежностями, мои папки, фотографию – все это впоследствии должны были доставить на Лейки-стрит.

Мэйв взглянула на экран: адвокат министра призывал не вмешиваться в личные дела семьи.

– Вот идиоты, – горячо проговорила она, и я удивилась. – Разве можно позволять другим так себя задеть?

Я поцеловала Мэйв, пообещала держать связь, подарила ей свою кружку с шутливой надписью «Я абразованая» и отправилась к Дженни в отдел кадров. Нам обеим были одинаково неприятны те пятнадцать минут, что я провела в ее офисе, и я вышла оттуда с папкой документов, которые отказалась подписать, не проконсультировавшись сперва с адвокатом. «Таймону это не понравится», – пролепетала Дженни и покраснела, а я подумала, не сказать ли ей, что она занимается не своим делом.

У стойки охраны я отдала Чарли свой пропуск.

– Мне очень жаль, Роуз, – проговорил он, аннулируя мой документ. Чарли недавно подписал открытку на мое сорокапятилетие, это

придумала Джин: более сорока подписей и офисных шуток (вспомню ли я, что они означают?) с пожеланиями долголетия.

– Мне нравилось работать вместе с тобой, – сказала я, но внимание Чарли уже переключилось на курьера.

Я вышла из здания и замерла на месте. Первый раз в жизни я не имела понятия, что делать и куда идти, первый раз чувствовала себя такой незащищенной, просто раздавленной гнетом горя и отчаяния.

Я вдыхала выхлопы машин, вонь гниющего мусора и понимала, что потеряла почву под ногами. Сумка для книг безжизненно свисала с плеча как символ моей опустошенности.

Какая-то женщина налетела на меня и, не извинившись, поспешила дальше; мать везла ребенка в коляске; мужчина в черном пальто что-то кричал вслед автобусу. Жизнь продолжалась.

Мои ноги автоматически двинулись вперед. Я шла по улице и в то время словно с большой высоты наблюдала за женщиной, бредущей куда-то с пустой сумкой. Я чувствовала огромную отчужденность и странное желание рассмеяться. Во всем надо видеть хорошее, Роуз. По крайней мере теперь не придется волноваться, что все на работе узнают про Натана.

Я остановилась у входа в спортивный клуб, который посещали работники нашего издательства. Всем, кто хоть что-то из себя представлял, было известно, что это самое модное место. В женской раздевалке велись сплетни и пересуды почище, чем в офисной столовой. В уединенной, интимной обстановке до сути дела докапывались быстро. Тут горячо обсуждались фруктовые коктейли в баре, воздействие тех или иных тренажеров на анатомию, в особенности – вентиляция воздуха. Вообще-то дышать здесь было можно, но часто воздух пропитывался запахом пота от работающих тел. Говорили даже, что по трубам передаются вирусы.

Именно такое место Минти могла бы сделать своим вторым домом.

Толстая стеклянная дверь поминутно распахивалась и закрывалась, открывая взору администраторшу в облегающей ядовито-зеленой футболке. В клуб вошла группка женщин со спортивными сумками, они оживленно болтали.

Я толкнула толстую дверь и вошла.

Минти не оказалось ни в баре, ни у киоска с прохладительными напитками, ни на тренажерах. Я нашла ее в раздевалке. Сгорбившись,

она сидела на скамейке обнаженная, погрузившись в себя, не замечая ничего вокруг, обсыхая после душа. Потом она встала и принялась натирать лосьоном свое упругое тело, за которым так хорошо ухаживала.

Комната гудела: женщины передвигались от шкафчиков к душевым, ревели фены, хлопали дверцы. Розовые, белые, цвета слоновой кости и черные упругие тела; струящиеся волосы, длинные ноги, накачанные животы – все они были молоды. Их тела еще не ослабели, не стали непослушными, и пропасть между их желаниями и тем, что они получали взамен, не разверзлась до невозможных размеров. Может, именно это Натан надеялся вернуть, только не мог мне признаться.

Минти продолжала гладить и лелеять тело, которое он предпочел моему. Дрожащей рукой я вытерла капли пота с лица. Мне хотелось посмотреть Минти в лицо, призвать ее к ответу. Но, подавленная и испуганная, я убежала.

Вернувшись на Лейки-стрит, я обнаружила в прихожей рюкзак. Я шагнула за порог, и из кухни вылетела Поппи.

– Мам, я приехала!

Я обняла дочь. Она уткнулась мне в плечо, и облегчение от того, что она рядом, было похоже на сноп солнечного света. Я подумала: вот это и есть самое главное. Наконец Поппи высвободилась, обвила меня рукой за талию и проводила на кухню.

– Мам, ты выглядишь ужасно. – Она сняла очки и протерла их муслиновой юбкой; зрачки расширились, силясь сфокусировать взгляд. Поппи была очень близорука, ненавидела очки и стеснялась их; однако мысль об использовании контактных линз была ей еще более ненавистна.

Я попыталась улыбнуться, но ничего не вышло. Я объяснила дочери, почему потеряла работу и почему Минти заняла мое место.

Ее лицо напряглось от злобы и боли. Поппи и в лучшие времена жилось нелегко: у нее еще не развилось чувство иронии, которое бы ее защищало. Предстоящие девочке невзгоды отличались от тех, с которыми сталкивался Сэм, но оба они могли получить серьезные душевные травмы. Это была одна из причин, мешавших мне уснуть по ночам.

– Папа не может жить с женщиной, которая сделала такое. – Дочка с трудом выговаривала слова, и ее растерянность ударила меня копьем в сердце. – Не может, правда?

Я попыталась объяснить, что Натан не хотел, чтобы так получилось, и эти события необязательно взаимосвязаны, хоть и может показаться иначе.

– Решение Таймона было совпадением, папа ничего не знал. Я проработала там очень долго, Поппи, и им захотелось применить свежий подход.

– Черта с два. – Глаза Поппи наполнились слезами. – Таймон не сделал бы этого, если бы папа от тебя не ушел. Не посмел бы. О господи, – она вытерла слезы краем юбки, – я чувствую себя такой несчастной.

– Наверняка ты не ела. – Я ринулась на кухню: забота о ком-то была для меня сейчас спасением.

Поппи подошла погладить Петрушку, которая сидела на своем обычном месте.

– Петрушка постарела, – заметила она.

– Да, Петрушка уже старенькая, – торопливо ответила я. – Послушай, давай я приготовлю тебе омлет.

– Пойду позвоню Ричарду.

Через пятнадцать минут я отправилась искать Поппи и обнаружила, что та крепко спит на диване в гостиной, сжимая в вытянутой руке мобильный телефон. Когда я поцеловала дочку, чтобы разбудить, она повернулась ко мне, как в детстве, и у меня перехватило дыхание.

Съев половину омлета, она опустила вилку.

– Мы с Сэмом ничего не можем поделать, не так ли?

– Не думаю. Это наши с папой дела.

Поппи пыталась переварить произошедшее.

– Как он мог тебя бросить?

К горлу подкатил комок. Разве я могла быстро выработать правила поведения в ситуации, с которой раньше не сталкивалась? Я села рядом с Поппи и попыталась говорить бесстрастно и убедительно:

– Мы постараемся разобраться как можно цивилизованней. Вам с Сэмом не придется наблюдать сцены.

– Почему бы и нет? Ведь ты не хочешь разговаривать цивилизованно, не так ли?

Иногда я забывала, какой пронизательной может быть Поппи. Заметив на ореховой столешнице дымчатое пятно, я вытерла его.

– Нет, не хочу. У меня такое чувство, как будто мне отрезали руку.

– Не могу поверить, что это случилось.

В кухне стало очень тихо.

– Я тоже.

Без всякого энтузиазма Поппи доела омлет.

– Папино поведение никуда не годится, и мне за него стыдно. Кем он себя возомнил, когда стал увиваться за молоденькой? Это так... банально.

Ее горячность меня беспокоила.

– Уверена, он поговорит с тобой о своих чувствах. Ты должна с ним повидаться.

Дочка нетерпеливо щелкнула языком.

– Я не уверена, что хочу его видеть. Он разрушил нашу семью. Подвел нас.

– Поппи, ты взрослая, а он все еще твой отец.

Она прервала меня:

– Как ты будешь жить? Где будешь жить? И где теперь мой дом? – Поппи закрыла ладонями лицо. – Дом на Лейки-стрит продадут. Только представь, мам. Одни выходные с тобой, вторые с папой. Ужасные встречи на свадьбах и похоронах... – Она совсем притихла. – Все разрушено – наша жизнь, Наша жизнь, какой я ее себе представляла.

Если излучина реки слишком велика, течение пойдет коротким путем, и образуется заводь с зарослями мокрой травы и камышей и суевой, тайной жизнью – так меня учили на уроках географии. У Поппи была такая же особенность срезать петли и утлы, как и у реки: я недоумевала, откуда в ней это упрямство, стремление перескочить препятствия разом; из-за этого она игнорировала все правила и неудобства, вроде экзаменов и необходимости зарабатывать на жизнь.

«Пусть он – то есть ребенок – поведает вам о своих нуждах», – писал один ученый муж, словам которого мы поначалу верили. Натан читал книгу вслух, а я ходила взад-вперед по комнате, держа на руках вопящую трехмесячную Поппи, которая решила, будто сон – это

скучно. Эти размышления соответствовали духу общества, которое стремилось измениться и изменить ход мыслей женщин. Когда же мы наконец обнаружили, что слова ученого в действительности означали: «Мы должны позволять нашим чертовым детям вытирать об нас ноги» (интерпретация Натана после скандала), Сэм с Поппи уже выросли и много чему научились.

Я поставила тарелку Поппи в посудомоечную машину и положила перед ней яблоко.

– Вот, съешь.

Она подняла голову.

– Ведь это произошло не из-за нас с Сэмом, правда? Раньше я думала, что мы выкачиваем из тебя все силы, и времени на папу у тебя уже не остается. И еще была твоя работа. – Дочка сняла очки и положила их перед собой на стол. – Не поэтому все так вышло?

– Нет.

– Поклянись.

– Обещаю.

Поппи откусила яблоко. Кажется, она расслабилась и успокоилась.

– Я папе такого по телефону наговорила. По-моему, он просто взбесился.

Мне не хотелось смотреть в ее растерянные близорукие глаза, и я стала возиться у раковины.

– Поппи, когда-нибудь... все встанет на свои места, и нам придется строить мосты. Ты знаешь, о чем я говорю? Ты понимаешь?

– Конечно. – Поппи взяла мобильник, который всегда держала поблизости, и стала играть с кнопками. – Сообщение от Ричарда. Он меня любит. – Она хихикнула. – И я его люблю. В нем столько жизни. Он так любит приключения. И очень щедрый. Не думаю, что Ричард когда-нибудь станет занудой. Кстати, сразу после экзаменов мы отправляемся в путешествие на Восток.

– А как же Джилли? – Джилли была лучшей подругой Поппи. Они познакомились в университете, и между ними сразу же возникла та затягивающая близость, которая существует лишь до вступления в реальную жизнь.

– Джилли уезжает в Новую Зеландию – повидаться с тетусшкой или что-то вроде того.

Поппи говорила беззаботным тоном, но я поняла, что она считает, что ее предали. Я вытерла раковину и повесила тряпку на кран. В груди заныло, как в тот раз, когда Сэм заявил, что после школы собирается год работать в Мозамбике учителем. А может быть, от тревоги, но скорее оттого, что птенцы расправляют крылья и улетают.

– Куда вы поедете? И на какие деньги?

Как обычно, последнюю часть вопроса Поппи проигнорировала.

– В Индию, наверное. Может, в Таиланд. Пока не знаю. Это наше последнее сумасбродство, мам, а потом мы станем скучными и серьезными. Не переживай, Ричард обо мне позаботится.

Меня это не успокоило. Последний раз, когда мы с Натаном видели Ричарда, у него были свисающие на плечи волосы, а одет он был в пакистанский национальный костюм: длинную тунику, надеваемую поверх шароваров на кулиске. «Шальвар-камиз», – объяснил он, и Ричард прочитал нам лекцию о злобности экономики западного империализма, используя при этом выражения вроде «дико круто» и «угнетатели». Я до сих пор не уверена, дразнил он нас или говорил искренне.

Я прекрасно знала, о чем мне говорить не следует, но все же спросила:

– Как насчет того, чтобы найти работу? Поппи надулась:

– Я не хочу себя связывать и впадать в отчаяние, раз пока в этом нет необходимости, мам. Не хочу поступать, как ты.

– А что думают родители Ричарда? – Они жили в Нортумберленде и, как мы поняли, играли в его жизни довольно незаметную роль. – Ричард думает о будущем?

Всем движением тела Поппи изобразила скуку.

– Понятия не имею. Возможно. – Она выглянула в окно. – Всем обязательно надо поговорить со мной о будущем – ну всем, кто старше двадцати пяти: похоже, именно в этом возрасте начинается серьезная деградация мозга. Это как болезнь. Людям не терпится загнать меня в одну из тех категорий, которые им понятны. «Это так интересно», – говорят они. Если бы они знали, как это выглядит со стороны!

Я оглядела кухню, в которой все еще жили отголоски прошлого.

– Помнишь красные туфли?

Поппи гоняла по тарелке яблочное зернышко.

– Это старая история.

На семилетие Поппи мы отвели ее в магазин, чтобы купить те самые красные туфельки, которые, если верить рекламе, превратят девочку в принцессу. Поскольку превращения в члена королевской семьи не произошло (и даже бальное платье не материализовалось ниоткуда), своими воплями Поппи разогнала всех посетителей магазина. «Но они же обещали, а это оказалось неправдой! – рыдала она. – Они же обещали!»

– Редкий случай, когда папа сказал: «Сама ее успокаивай». Ведь обычно лишь ему удавалось тебя утихомирить.

Лицо Поппи съежилось.

– Ох, мама, – сдавленно проговорила она, – это так ужасно. Все изменилось. Я думала, единственное, что никогда не изменится, – это вы с папой. Просто кошмар.

Поппи пробыла у меня три дня, делала вид, что занимается, и отказывалась видиться с Натаном. Не хотела даже говорить с отцом. Наверное, его это задело.

«Мой папа, – призналась Поппи подружке на празднике в честь своего десятилетия, – никогда на меня не сердится». Зато он сердился на Сэма, от которого ожидал другого, более мужественного поведения. Не считая сада, Сэм был одной из немногих причин, по которой мы с Натаном ссорились. Сэм стал таким серьезным, осознав, что жизнь по сути своей несправедлива. Завоевав сердце Натана в единоличное владение – при помощи колдовства, пары больших глаз и пухлых алых губок – Поппи преподавала своему брату ранний, жестокий и полезный урок.

Нагруженная едой и витаминами, Поппи села в автобус до Ноттингема. Я предложила купить ей билет на поезд, но она отказалась:

– Мне нравится жить по-студенчески.

Упрямая и настойчивая. «Не считая этого семестра, у меня остался всего один».

Глава 10

Поскольку половина во мне – от моей матери, неудивительно, что у нас были некоторые одинаковые привычки.

Когда жизнь становилась невыносимой, а мысли – слишком мрачными и утомительными, я шагала из комнаты в комнату – точь-в-точь, как Ианта после смерти моего отца. Я шла в кабинет, бесцельно шуршала бумагами на столе, бродила по комнате для гостей, спускалась по ступеням обратно в кухню.

Эти рефлекторные движения я, должно быть, переняла у мамы: может быть, это был способ справиться с большой утратой или хотя бы удостовериться, что тело до сих пор функционирует?

Дни тянулись, переходя в ночи, а ночи – в дни.

Мне позвонил служащий из «Глисон»:

– Это миссис Ллойд? Прислали новый пылесос, который вы заказывали. В среду кто-нибудь будет дома?

– Я не знаю, – ответила я.

– Миссис Ллойд?

– Да-да, будет.

Собственные реакции пугали меня. За одну ночь я потеряла способность решить простейшую проблему. Я часами придумывала, что скажу Натану, – возводила целое архитектурное сооружение из новых начинаний и обещаний – и тратила столько же времени, решая никогда, никогда в жизни его больше не видеть.

Закрывая глаза, я представляла, как осыпаю Минти грязными ругательствами. Когда я прогоняла эти картины, на их место приходили другие, в которых я делала ей больно.

Я перебрала все обычные упреки из серии «Натан, как ты мог так поступить со мной?» Я напоминала ему, что была хорошей женой, любила его, родила ему детей, прилично зарабатывала. Я была ему верна. И получила паршивые проценты по своим эмоциональным инвестициям.

А как насчет моего увольнения? Как такое могло произойти? Где же справедливость?

Вот так я и металась – от работы к браку, от брака к работе. Одно было серьезнее другого, но все при этом взаимосвязано.

Я не могла есть и к концу недели еле держалась на ногах.

Пыталась читать, но книги валялись из рук.

Слушать музыку было невыносимо.

С наступлением темноты я лежала на кровати с горячими, сухими глазами и молила о сне.

Иногда, если везло, я проваливалась в дремоту, и мне всегда снился залитый солнцем сад: войлочные листья оливы, аромат весны, свежий, легкий и сладкий; мне снилось, как я зачерпываю землю и просеиваю ее между пальцев. В моих снах на этом нежном фоне раздавался голос: он твердил, что сад – моя опора, его изменения и едва уловимые различия никогда не бывают вероломны. И все же стоило мне нетерпеливо побороться с задвижкой французских окон и выйти на улицу, как я ничего этого не видела. Духота транспортных выхлопов душила резкий, пряный аромат; почва сбилась комками и окислилась, растения поникли. Сад был мертв для меня, а я для него. И чаще всего я возвращалась в дом.

Я пила виски Натана и, как когда-то моя мать, беспрестанно шагала по дому.

* * *

– Его так расстроила заварушка с Суэцким каналом, – призналась Ианта, когда я достаточно подросла и уже знала, что такое Суэцкий канал. – Это отца и убило.

Думаю, мама была права. Передача Суэцкого канала задела за живое моего отца с его старомодными понятиями о чести, потревожила его больную сердечную мышцу, о чем мы узнали слишком поздно.

– Он был так зол, – рассказывала мама, – и унижен этим позорным делом. Папа говорил, что мы должны стоять впереди всего мира, а превратились в гитлеровское государство. С тех пор он был уже не тот что прежде.

Его сердце замерзло навсегда в январе, в ту неделю, когда праздновали мое одиннадцатилетие. Холод убивал, кладбища были переполнены, и городской совет издал указ, запрещающий людям

умирать в пределах прихода Йелланд. При малейшем подозрении, что кто-то собирается отдать богу душу, его перенаправляли в соседний приход. Мой отец от души посмеялся над этим:

«Нет ничего потешнее городского совета, который считает себя Богом».

Я рада, что он тогда сумел увидеть во всей этой ситуации горькую иронию и потешался над ней.

От холода с кончиков пальцев сходила кожа и трескались губы. В то утро, когда умер отец, я настежь распахнула окно своей спальни и выглянула на улицу. За ночь выпало еще больше снега; небо прояснилось. Вересковая пустошь побелела и засверкала; ветер вычертил орнаменты на красивых заснеженных равнинах. Мое дыхание превращалось в пар, щеки горели. Я прислонилась к оконной створке и представила, что за окном меня ждет гигантский пирог в честь дня рождения, который достанется только мне.

Внизу, на стуле у очага, отец поджаривал хлеб, насаженный на вилку, пил чай и разыгрывал ежедневную пантомиму поиска очков. Потом он застегнул свое твидовое пальто и надел кепи.

– Я возьму лопату, – сказал он матери, – и расчищу дорожку. Он так и не вернулся.

Его нашла Ианта: он все еще сжимал лопату в быстро остывающих руках. Сердечный приступ. Причина его смерти была столь обыкновенна, что это событие не вызвало особого интереса соседей. Он не оставил завещания: это послужило причиной пущей неразберихи и горя. Возможно, мой отец верил, что врачи способны излечить себя сами. Но скорее всего, он попросту игнорировал свою болезнь. Если бы он подозревал, что его сердце так слабо, уверена, он бы попытался оплатить все свои долги, которые появились потому, что в своей деревенской практике он основывался на принципе: долг важнее прибыли.

Помню, как испугало меня мамино лицо: зажатое, бесстрастное, мертвое.

Лишь ночью, меряя шагами коттедж, она давала себе волю. Лежа в кровати, замерзшая и истерзанная горем, я точно знала, какая ступенька сейчас заскрипит, какая дверь отяжелела от сырости и какая доска в полу сдвинется у двери в мою спальню, когда мать остановится, чтобы прислушаться к дыханию спящей дочери.

Весь остаток зимы и жестокою весну бушевал ветер, а снег забивался в самые неподходящие уголки. Лето тоже выдалось промозглым, удручающим; осень – сырой, и как-то раз у коттеджа «Медларз» притормозил фургон.

– Эти милые люди приехали за нашей мебелью, – сообщила Ианта, ставшая похожей на привидение с красными глазами. – Нам она не нужна, Роуз, и у нас появится немного денег на новый дом. У нас будет новый дом. Чудесный сюрприз, не так ли? Не переживай, это будет весело. – Она крепко сжала мою руку, а двое мужчин начали переносить нашу мебель на плечах в фургон.

По лицу матери струились слезы; каждая клеточка ее тела словно кричала в знак протеста. И все же...

– Роуз, – заявила она натренированным голосом, – правда, нам повезло, что у нас будет новый дом? Мы должны быть благодарны судьбе.

Я переводила взгляд с мамы на быстро пустеющую комнату. Я не замечала, что плинтус покривился, краска на стенах облупилась, а пол под окном прогнил насквозь.

Как я могла не замечать этого и того, что Ианта лжет?

«Как поживает моя маленькая цыпочка?» – будто услышала я бормотание отца. Я хотела, чтобы он был рядом, хотела, чтобы «Медларз» остался нашим, пусть даже краска потрескалась, а комнаты стали просторными и пустыми.

– Но нам не за что быть благодарными! – закричала я.

– Тихо. – Ианта притянула меня к себе. Я почувствовала, как ее кости врезаются в мое тело, ощутила запах чистого хлопка и мыла. – Тихо, детка.

Но отцы приходили и уходили, из домов выносили мебель, а матери говорили неправду. Как бы ни старался городской совет, смерти не прикажешь повиноваться, и яркие, отполированные поверхности моего дома скрывали потаенные уголки, где скопились снег и лед.

В первую неделю мне по-прежнему приходили книги: издатели надеялись обойти систему. Я даже не удосуживалась распечатать посылки, ведь я и так могла догадаться, что в них. Тяжелая – биография. Большая – иллюстрированная кулинарная книга. Рукопись.

К началу второй недели новость облетела всех. Посылки приходили все реже, а вскоре почтальон и вовсе прекратил звонить мою дверь.

Минти написала мне письмо.

Здравствуй Роуз!

Ты не поверишь, если я скажу, что не знала о планах Таймона вплоть до недавнего времени. Тем не менее я решила от него не отказываться. Я подумала, что у тебя уже была возможность проявить себя и насладиться славой, и теперь настал черед кого-то еще – мой черед: это справедливо. Я знаю, что ты веришь в справедливость, и надеюсь, что когда-нибудь ты поймешь, что я сделала правильный выбор. Но я пишу, главным образом, ради того, чтобы сказать: Натан ни о чем не знал. Мне очень не хватает наших разговоров.

Минти

Я читала и перечитывала это письмо с его так называемой честностью, лицемерными объяснениями и фантастическими предположениями, за которыми скрывалась неудовлетворенность. Я снова смаковала гнилые фрукты и гнилое мясо: Минти вызывала у меня отвращение, и я упивалась этим чувством.

Не в силах больше откладывать разговор с Иантой, я позвонила ей, села в машину и поехала в Кингстон.

«Дешево и весело, Роуз, как раз то, что нам нужно», – такой вердикт вынесла Ианта дому на Пэнкхерст-Парейд, с типичной бодростью в духе миссис Минивер.^[8] Дом номер четырнадцать находился на одной из нескольких совершенно одинаковых улиц жилого района за городской чертой. Почему именно Кингстон? Причина, по которой Ианта настояла на том, чтобы мы покинули Йелланд и двинулись на юг, тогда была слишком очевидна для нас обеих. Здесь было действительно дешево, но вовсе не весело.

Когда я вышла, мама сидела на стуле, скрестив руки на груди, в рубашке от Вийелла и шерстяной юбке. Воплощенное ожидание. Такой сюжет нередко видишь на картинах: женская фигурка – чаще всего женская – сидит в кресле, или на скамье, или на диване, и ждет – не важно, чего, может быть ждет начала или конца жизни.

Для такой занятой женщины, как Ианта, это был необыкновенный дар: она ждала меня, ждала, пока приготовится обед, ждала Бога в церкви, ждала, пока все наладится само по себе, при условии, что она будет соблюдать правила, хвала терпению, говорила она.

Мама была бледна и не накрашена, волосы не причесаны – все это для нее нехарактерно.

– Рассказывай, что случилось, Роуз.

Я наклонилась и поцеловала ее, затем присела и взяла ее ладони в свои.

– У меня неприятности.

– Я так и подумала. – Пальцы Ианты впились мне в ладонь. – Что-то с детьми?

– Нет. – Чтобы продолжить, мне пришлось сделать над собой усилие. – Дело в Натане. Он решил уйти от меня к другой женщине. Между прочим, к Минти, моей ассистентке. – В горле у меня опять встал комочек. – И я потеряла работу... Минти взяли на мое место.

Ианта покачала головой:

– Объясни, пожалуйста, еще раз.

– Натан хочет быть свободным человеком. Ему кажется, что Минти сумеет дать ему свободу.

Мама попыталась переварить новость и сопоставить услышанное с образом зятя, в котором она души не чаяла.

В нашей семье подшучивали, что Натан и Ианта не подпадают ни под один стереотип зятя и тещи: они обожали друг друга. По праздникам Натан посылал ей огромные открытки, привозил подарки: массивные ювелирные украшения и мед в фарфоровых горшочках с гравировкой в виде пузатых пчел. Он возился с ее пенсией, подсчитывал налоги и настоял на том, чтобы оплатить ее медицинскую страховку. Ианта этого не одобряла. «Не хочу быть обузой, и частные врачи мне не нравятся, – признавалась она мне. – Мне их руки не нравятся. Слишком ухоженные». Мама потеряла завитки волос у шеи.

– Ты всегда была так занята, Роуз. У тебя совсем не оставалось времени – вечно все на бегу.

Признаю, мы всегда рассматриваем события с нашей личной точки зрения, но реакция матери задела.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Это ужасно. – Ианта откинулась на стуле. У нее был уязвленный вид; она вдруг показалась мне измученной ожиданиями, которые столь жестоко не оправдались. – И с этой мерзкой девчонкой.

Я поднялась и встала у окна. Такая реакция меня не удивила. Минти с Иантой виделись всего раз, во время воскресного ланча, и Минти не удалось найти с мамой общий язык. На следующий день в офисе я услышала, как она разговаривает с подругой по телефону: «Не могу общаться со стариками. Я их просто не воспринимаю». А Ианта и вовсе проявила невиданное непонимание: «Такие люди, как она, слишком кичатся своей молодостью, а это очень эгоистично. Все остальные начинают чувствовать себя ненужными».

– Роуз, ты говорила с Натаном, пыталась все уладить?

– Натан не оставил мне выбора.

Ее тон стал более резким:

– Браки просто так не кончаются. Вот увидишь. Мужчины – забавные существа. Они нуждаются в пристальной заботе.

– Тогда Натану не повезло, мама. Минти интересуется лишь ее собственной персоной.

– Может, стоит напомнить Натану, как он тебе дорог? Ему кровь ударила в голову, он сейчас не способен нормально соображать.

– Так уж прямо и в голову, мам.

– Ты знаешь, о чем я.

Я знала. Своим взглядам Ианта научилась от матери, а та – от своей матери. Эти женщины сами мыли полы, пекли хлеб и рожали дома. Ианта тоже склонила голову и сделала подчинение устоям предков делом всей своей жизни.

Позвонили в дверь; я пошла открывать. С поразительной скоростью Ианта вскочила на ноги и бросилась в гардеробную на первом этаже, где хранились запасы помады и пудры. Через полминуты она появилась оттуда с приглаженными волосами и оранжевыми губами.

Чарли Поттер принес расписание игры в бридж. Я наблюдала за тем, как мать легонько с ним флиртует, сообщая, что придет вовремя и приготовит целое блюдо его любимых сэндвичей с яйцом.

Пока они говорили, я поднялась наверх, в мою бывшую комнату, в которой ничего не изменилось, – правда, каждый раз, когда я входила, комната почему-то становилась меньше. Я подумала, что белое

полотняное покрывало и лампа с розовым абажуром скоро уменьшатся до размеров кукольной мебели.

Внизу Чарли Поттер звучно рассмеялся, и мать ответила ему тихим хихиканьем. Мне нравилось это невинное кокетство Ианты.

Мне вспомнилось детство, захотелось прикоснуться к нему. Я открыла буфет, где Ианта хранила мои детские, вещи. Коробки покрылись пылью; чувствовался сухой, несвежий запах заплесневелой лаванды. В глубине стоял коллаж из газетных вырезок, журнальных фотографий и портретов моих любимых писателей; все это было наклеено на картон. Я собирала этот коллаж годами, и он заполонил комнату. Ианта его ненавидела, но таким образом я заявляла о себе и нескончаемо долгом процессе взросления. Я вымаливала, припасала, накапливала и прятала вырезки, фотографии, открытки – и строила королевства из этих картинок. Одной из самых ранних была фотография простой семьи, собравшейся на пикник у моря: мама, папа и две маленькие девочки.

Я изучала эту фотографию в поисках того, чего мне не хватало: улыбки, клетчатая скатерть, сэндвичи с консервированным мясом, отец, обнявший рукой старшую дочь, мать, занятая подготовкой пикника. Как мне хотелось, чтобы это была моя семья! Как хотелось, чтобы отец вернулся, чтобы мать приглаживала волосы, услышав его шаги по вечерам, чтобы папа сидел за нашим столом.

Семья.

Когда я стала подростком, коллаж изменился. Выбираемые мной образы были проникнуты желанием вырваться из клетки. Вот фотография заводи и снимок, сделанный с воздуха, вырванный из «Нэшнэл джиографик»: дикие джунгли Патагонии – розовые, голубые, серо-зеленые. Края картинки завернулись, как яблочная кожура. Здесь были пустыни, горы и странные места, которым я приписывала магические силы, думая, что они могут превращать и околдовывать. Стоило только оказаться там, и девочка в дешевой синей школьной форме стала бы сильной и всезнающей. Чем больше они отличались от Британии, чем более чужими казались, тем сильнее притягивали меня, тем больше я о них мечтала.

– Увидимся вечером, Чарли, – раздался голос Ианты с первого этажа.

Я прикоснулась к открыткам с портретами Джейн Остин и сестер Бронте: часть коллажа из фотографий писателей, расположенных с другой стороны. Края открыток обтрепались, снимки потемнели от старости, в углах торчали булавки, но выразительные, умные лица женщин остались прежними. Они знали тайны мужчин и женщин, их поведения, и я тоже представляла, что проникнусь их знанием и проницательным умом.

Вернувшись из Бразилии, я познакомила Натана с Иантой. Они сразу же понравились друг другу, и это было чудесно. Ианта приготовила рагу из говядины с морковью и картофельным пюре и подала его на кухне. Она аккуратно выложила пюре на тарелку Натана и смущенно произнесла:

– Вы, наверное, посчитаете меня глупой: я не похожа на тех женщин с коллажа Роуз.

Натан серьезно ответил:

– Мне тоже не нравятся умные женщины. Никогда не мог их понять.

Ианта улыбнулась и подложила мне рагу.

Я чихнула и спустилась вниз.

– Какой милый человек... – Ианта смотрела вслед удаляющемуся Чарли Поттеру. – И какая у него ужасная жена.

Мы сидели и пили чай; поднос был выставлен накрахмаленной салфеткой; на белой фарфоровой тарелке веером лежало печенье. Ианта отломила крошечный кусочек.

– Может, ты мало помогала Натану? Может, ему нужна была твоя помощь?

Подходящий вопрос для женщины, которая отказалась от мечты о карьере учительнице, выйдя замуж за моего отца; он тогда одним продуманным экономическим ходом заполучил бесплатную секретаршу, советника и уборщицу для своей практики.

– Мы помогали друг другу. – Я говорила с осторожной настойчивостью. – Мы оба помогали друг другу. Но мне придется найти другую работу. Как только разберусь с выходным пособием.

– А, работа. – Ианта пожала плечами с полным безразличием.

– Мама, мне надо зарабатывать на жизнь. Это будет нелегко – и я не могу не работать.

Ианта задумчиво разглядывала свой чай.

– Об этом я и говорю, – наконец произнесла она, вспомнив, как ей самой пришлось работать.

Чтобы содержать меня, Ианта пятнадцать лет проработала в турагентстве в Кингстоне, выписывая билеты и расписания («И не вздумай смотреть на меня свысока, – не раз говорила мне она. – Меня это вполне устраивает»). Она печально взглянула на меня.

– Я работала, потому что мне пришлось взять на себя роль твоего отца. У тебя нет такой необходимости.

Без кольца мой палец, поддерживающий чашку, казался невесомым, странным, незнакомым.

Ианта разгорячилась перед нападением и набросилась на меня, как всегда:

– Натан любит тебя. Я знаю, что любит. Вы женаты, и это не изменилось. Вам нужно подумать о детях. Они тоже страдают, хоть им уже за двадцать. Посмотри на меня, Роуз. Женщина обязана думать о других. – Сердитым жестом она наполнила чашку и подлила молока – вдова, с тревожащим благородством несущая бич своих убеждений, чувства долга и прожитых десятилетий. – Возвращайся домой, позвони Натану и заставь его прийти в себя.

Как всегда, я проигнорировала приказ Ианты и стала из-за этого мучиться – она умела воздействовать на людей. Я позвонила Мазарин в Париж.

– О, незнакомка, – холодно проговорила она. – А я все ждала, когда же ты подашь признаки жизни. Мы с Ви только недавно обсуждали, что от тебя совсем ничего не слышно.

– Я хотела позвонить, но была занята.

– Так занята, что не нашлось времени позвонить самой старой подруге?

– Да.

– Что ж, пора тебе пересмотреть свою жизнь.

Мы словно кидали мячик через корт. Пятнадцать лет назад, когда Мазарин рисковала потерять Ксавье, за которого потом вышла замуж, я говорила ей примерно то же самое.

– Послушай, Мазарин, Натан меня бросил.

Повисла тишина.

– Я не имела в виду настолько пересмотреть.

– Ты выслушаешь меня?

– Ты же знаешь, что выслушаю.

Я так устала, что говорила по-французски с ошибками – мы всегда общались на французском, – и Мазарин терпеливо поправляла меня, такая уж она скрупулезная.

– Не впадай в истерику, Роуз. Это всего лишь временное явление. Натан вернется.

– Но захочу ли я принять его обратно?

– Что бы ни произошло, ты адаптируешься.

– Что мне делать?

– Делать? Искать работу и ждать, пока Натан поймет, как он опозорился. Роуз, ты сама должна все уладить. Должна быть практичной и мудрой: такова уж наша роль в этом безумном мире. Роман на стороне – это не так уж серьезно, тебе ли не знать; к тому же Натан к тебе привязан. Просто сейчас он думает иначе. Что ты сегодня ела?

– Печенье. По-моему.

– Не поступай так банально. Так делают все брошенные женщины. Веди себя по-другому и поешь нормально.

Мазарин не могла увидеть горькой улыбки, скривившей мои губы. А давно ли эта женщина, потерявшая дар речи от шока, звонила мне по поводу Ксавье, который ел фуа-гра и рухнул замертво от сердечного приступа в ресторане. («Так ему и надо, – сказала Поппи. – Надо же, фуа-гра».) Я тогда села на ближайший поезд до Парижа и кормила ее супом, чуть не насильно впихивая ложечку за ложечкой.

– Я попытаюсь.

– Ты не просто попытаешься, а приедешь ко мне повидаться. Кстати, когда я в последний раз видела Ви, она показалась мне такой неряхой.

– Ви счастлива и утратила чувство стиля. Бывает.

– В таком случае в Англии должно быть очень много счастливых женщин.

Я хохотала до тех пор, пока не начала задыхаться.

Как странно смеяться, когда жизнь разрушена.

Глава 11

Молчание между мной и Натаном тянулось больше месяца, и холод злобы, непонимания и непростения пробрался в трещину и увеличил ее. За это время адвокат посоветовал мне принять выходное пособие, а еще мне позвонил редактор отдела статей из газеты Ви и спросил, не соглашусь ли я, поскольку везде обсуждается самоубийство жены министра, написать на злобу дня коротенькую и трогательную статью о переживаниях брошенной женщины.

За вежливой просьбой скрывалась очевидная уловка: продемонстрировать супружеские несчастья заместителя главного редактора газеты-конкурента. Когда я отказалась, предложив взамен провести исследование о том, как трудно быть женой политика, интерес редактора сразу же угас. «Да-да... – увильнул он. – Такими статьями у нас занимаются штатные журналисты».

Как-то вечером на пороге появился Натан с новым чемоданом в руке. С вежливостью незнакомца он спросил:

– Можно войти?

Во мне всколыхнулась волна надежды и отчаяния.

– Разумеется.

Он вошел в прихожую и опустил чемодан. Я видела, что он пуст.

– Хочу забрать свои вещи.

Мои надежды разбились о реальность, и я холодно произнесла:

– Делай как знаешь.

– Хорошо.

Натан поднялся по ступеням в нашу спальню, а я пошла на кухню, где можно было слышать, как он передвигается по комнате. Он открывал и закрывал ящики, бросал на пол ботинки, скрипел стулом. Спустя какое-то время эти звуки стали невыносимы. Я подхватила Петрушку, отнесла ее в гостиную, села в голубое кресло и крепко прижала кошку к себе.

Я пыталась посмотреть на события глазами Натана, увидеть, что же изменилось, что заставило его пересмотреть свою философию – помимо очевидного сексуального интереса.

На двадцатилетие свадьбы Натан пригласил меня в «Ла-Сенса» («Боже мой, – воскликнула Вив. – Да он небось ваш дом перезаложил?»). Он суетился, выбирая шампанское, которое было таким сухим, что во рту у меня защипало. Он поднял бокал.

– Я хочу поблагодарить тебя, моя дорогая Роуз.

Мне казалось, что все должно быть наоборот.

– Это я должна тебя благодарить. Ты меня спас.

Мне не стоило заговаривать об этом – оговорка вышла неприятная.

Натан тут же нахмурился, и я поспешила исправиться:

– Ты спас меня и показал, что такое настоящая, реальная любовь.

– А, – ответил он с мягким интимным выражением лица, которое припасал лишь для меня и детей, – понимаю, о чем ты.

Меня переполняло облегчение оттого, что мы преодолели непонимание, отравляющее любой брак, и достигли этой ступени.

– Я люблю тебя, Натан. Ты это знаешь.

Он наклонился, взял мою руку и поцеловал ее, чтобы скрепить нашу сделку.

Наконец раздался медленный звук шагов и стук чемодана о ступени, и появился Натан.

– Роуз, скажи, когда тебя не будет дома, и я договорюсь о вывозе остальных моих вещей.

Используя меня в качестве трамплина, Петрушка выскочила в сад. Я потеряла булавоочную головку пореза, который ее когти оставили на моем бедре.

– Значит, Минти все же позволила вторгнуться на ее территорию.

– Как видишь, да.

Я воспользовалась возможностью рассмотреть своего мужа. Кожа свежая, плечи прямые; от него исходило незнакомое мне сияние. Я закрыла глаза и задала вопрос, который мне хотелось задать не раз:

– Неужели я стала настолько нежеланной, Натан?

– Не понимаю, о чем ты.

Я открыла глаза.

– Понимаешь.

– Нет. – В его глазах была доброта, и я испугалась, что он лжет. – Ты все еще... очень милая. – Он натянуто улыбнулся. – И волосы такие же, как прежде. Того же медово-каштанового цвета.

– Тогда почему?

Он засунул руки в карманы.

– Я и сам на себя удивляюсь: никогда бы не подумал, что уйду от тебя.

– Тогда почему, Натан? Обычно твои доводы ясны и продуманны.

Я посмотрела на свои руки, завитки подушечек пальцев – линию сердца, линию жизни. Возможно, я никогда толком не знала Натана. Возможно, он прятал от меня какую-то тайную часть себя. Возможно. Если честно, то и в моей душе были потаенные, темные уголки, о которых ему ничего не было известно.

– Прошу тебя, подумай еще раз. – Натан ничего не ответил, и я сделала еще одну попытку: – Может, это из-за того, что я пошла работать?

В те вечера, когда муж возвращался домой и видел меня в деловой одежде, худую, измученную, похожую на дервиша, кормящую одного ребенка ужином и проверяющую домашнее задание у другого, он был вынужден думать о моих проблемах. Его отрывали от размышлений о прошедшем дне. Может, это скучное, надоедливое, задержанное существо наводило на него панику? Может, он не раз задумывался о том, все ли женщины, все ли матери теряют сексуальную привлекательность и превращаются в безумные, замученные тени? И о том, почему эта трансформация происходит так быстро?

В один из худших дней, когда я плакала оттого, что дети сели мне на голову, и из-за работы, которой Натан продолжал противиться, он обнял меня и погладил по голове. «Тихо, – сказал он. – Это наши общие проблемы».

Теперь я сказала:

– Ианта считает, что я мало тебе помогала. Она права?

Натан пожал плечами:

– Бог знает, Роуз. Было время, когда мне не помешала бы твоя поддержка, но я уверен, ты чувствовала то же самое.

Мы снова словно кружили на коньках по катку, и никто из нас не касался сути проблемы. Я машинально потерла плечо, болевшее от напряжения – постоянное бедствие тех, кто слишком много печатает.

– Плечо болит?

– Да.

– Сильно?

– Да. Наверное, отлежала во сне.

Натан автоматически придвинулся ко мне. Раньше он всегда говорил: «Если помассировать здесь, станет лучше? А здесь?» В последний момент он отвернулся.

– Роуз, я даже не знаю, что сказать по поводу работы.

– Таймон рисковал, увольняя жену заместителя главного редактора и назначая на ее место его любовницу.

– Прежде всего он рисковал, нанимая тебя на работу.

Натан говорил правду.

– Мне хорошо заплатят, если я буду помалкивать и соглашусь в течение шести месяцев не наниматься на аналогичную работу. Все как обычно. Думаю, я приму их условия.

Он кивнул:

– Таймону не терпится увеличить тираж. Было столько обсуждений, совещаний по выработке стратегии.

Тираж, стратегия, прибыли... Раньше мы с Натаном все время говорили на эти темы и он мне доверял. Темы казались прозаичными, но на самом деле это было не так. Численность прибыли и тиража затягивает так же, как поэзия и страстный секс.

Говоря о привычке, люди не церемонятся. Привычку связывают с неряшливостью и ленью, но мне кажется, никто как следует на этот счет не задумывался. Привычка полезна, она утешает, помогает преодолеть тяжелые времена. Привычка – как тропинка, ведущая через холмы и долины и оберегающая путников.

– И какие цифры? – спросила я, избрав хитрый обходной путь.

Натан ответил моментально:

– Данные среды не видел, но судя по... – Предложение осталось незаконченным; Натан справедливо заподозрил, что нас могут затянуть прежние разговоры.

– Натан, Минти знала, что ей, вероятно, предстоит занять мое место, но ничего тебе не сказала.

Его ответ был уже готов; он говорил холодно, как на переговорах:

– Минти защищала меня. Китайская стена...

– И тем не менее ты узнал обо всем от Таймона, а не от Минти.

Обвинение было очевидным, и Натан залился краской.

– Сложилась непростая ситуация, и Таймону пришлось тщательно продумать, как ее разрулить. Минти не могла ничего сказать.

В этом признании я нашла смутное и постыдное утешение. Когда-то мы с Натаном договорились ничего не скрывать друг от друга.

– Что ж, тут есть и свои плюсы, – сказала я и возненавидела себя за эти слова. – По крайней мере тебе не пришлось беспокоиться, чью сторону выбрать – мою или Минти.

Этот странный разговор наконец убедил меня в серьезности Натана. Он так любил Минти, что был честен, честно принимал ее амбициозность и двуличие; так что мне обмануть его просто невозможно.

Я горько рассмеялась:

– А я готовилась к тому, чтобы все простить и забыть. – Я подошла к французским окнам и выглянула на улицу. Вопреки моим усилиям, вьюнок разросся под сиреневым кустом с прежней силой, и я задумалась, почему до сих пор не замечала его вторжения. – Надеюсь, Натан, тебя-то хоть не уволят.

– Все возможно.

– Будь честен. Скажи, что тебя тревожит. – Я скрестила руки на груди, приготовившись к худшему.

Натан заговорил:

– Я никак не могу свыкнуться с мыслью, что Минти – вылитая ты, какая была, когда мы только познакомились. Ты была так молода, так обижена жизнью, но при этом упрямо верила, что все делаешь правильно.

Я воскликнула:

– Минти ничуть, ни капли на меня не похожа! – Изо всех сил я старалась сдержать рыдания. Натан подошел сзади и положил руки мне на плечи.

– Минти напоминает мне тебя, какой ты была раньше... До того, как мы оба изменились. До того, как мы достигли среднего возраста, наверное.

– Но это несправедливо! – горячо воскликнула я. – Разве я могла не измениться? Я стала старше – этого не избежать. Как и тебе. Когда появились дети, перемены тоже были неизбежны. Для нас обоих! – Натан убрал руки с моих плеч. – Что ты ей наговорил? – спросила я. – Что ты выдумал, чтобы убедить ее, что страдал от непонимания? По крайней мере, мне она сказала именно так.

Натан сел в голубое кресло.

– Ты уверена, что хочешь слышать все это?

Я повернулась к нему лицом.

– Почему бы и нет?

– Если хочешь знать, я сказал ей, что жизнь в душном браке еще хуже, чем в несчастливом, и Минти посмотрела на меня своими удивительными спокойными глазами. «Но Роуз тебе верна», – ответила она.

– Что еще она могла ответить? – перебила я. – Я слишком часто с ней делилась. – Я отвернулась. – Как ты мог назвать наш брак «душным»? Не понимаю.

Натан помрачнел.

– Как только между нами возникало непонимание, как только у нас наступал один из тех черных периодов, что бывают в каждом браке, я не мог отделаться от мысли, что ты находишь утешение в своем старом романе, что образ прошлой любви успокаивает тебя. Минти уверена, что ты делаешь это бессознательно.

– Натан, я не могу поверить, что ты придавал этому такое значение. Что ты так этого боялся, не верил мне. После стольких лет я скорее начну фантазировать о подтяжке лица, или о том, чтобы написать хорошую книгу, а не вспоминать старый роман... Неважно, как много он когда-то для меня значил. Теперь мы мыслим совсем по-другому. Это дешевое оправдание, и мне невыносимо его выслушивать.

Натан как будто не слышал:

– Я точно знаю, когда этому мужчине удалось прокрасться обратно в твою душу.

– Ты слишком умен, чтобы предаваться фантазиям, Натан.

У него был упрямый вид.

– Я боролся против фантазий.

– Натан, я навсегда оставила Хэла, когда познакомилась с тобой. Я сделала выбор.

– Я тоже так думал. И только было мои мысли успокоились... Зачем ты рассказала об этом Минти?

– Но ведь это просто женские сплетни. Обычно ты не переживаешь по этому поводу.

– Минти считает, что мне стоит переживать. Говорит, что это полезно для моего эмоциональной разрядки.

– Что еще говорит Минти? Как еще она тобой манипулирует? Ведь именно этим она и занималась все это время.

– Минти сказала, что в прошлом хорошо повеселилась, но это не встанет у нас на пути.

– И ты веришь, что все будет в порядке? И поэтому совесть твоя чиста? Ох, Натан, какой же ты дурак.

– С меня хватит. – Натан поднялся. – Я ухожу.

Я крепко сплела руки на груди.

– Понятно.

Натан взял чемодан. И снова опустил.

– Это отвратительно. Ты неверишь мне, Роуз, но я тебя очень люблю, и мне невыносимо думать, что я заставляю тебя страдать.

Я не слушала его; я искала логику в темноте и мраке отчаяния. Искала путеводную нить.

– И она поможет тебе в карьере? Сделает то, что не удалось мне?

На губах Натана промелькнула смутная улыбка.

– Конечно.

– Знаешь, Минти очень амбициозна. Но думает только о себе.

– Минти сильная, энергичная и свободная. Глядя на нее, я чувствую, что тоже могу стать таким.

– А еще у нее есть хватка – не каждому по зубам украсть у начальницы одновременно и мужа, и работу. Еще она экономна и бережлива.

Натан посмотрел на меня добрым, заботливым взглядом, словно ничего другого и не ожидал. Меня затошнило от унижения.

– Убирайся, – приказала я, – прежде чем я не наговорила чего-нибудь действительно ужасного.

Он повернулся к двери, но замялся и вынул из кармана конверт.

– Чуть не забыл, Роуз. Вот чек на первое время, чтобы ты могла продержаться, пока все уладится.

– Он мне не нужен.

– Я предвидел, что ты заупрямишься. – Он положил чек за вазу на каминной полке, принадлежавшей еще его матери. Отвратительная вещь, ранний Рокингем, по-моему, – вся утыканная фарфоровыми розочками, служившими ловушкой для пыли. Но Натан ее обожал.

– Забери свой чек, – сказала я.

– Нет. – Он вздрогнул, увидев на каминной полке мое обручальное кольцо, затем взял вазу. – Если не возражаешь, я заберу вазу.

У выхода Натан положил руку на задвижку и обернулся.

– Роуз, я знаю, что Хэл был на нашей свадьбе. Я его видел.

Я сглотнула комок, и груз прошлого тяжело осел на моих плечах.

– Он тогда приходил попрощаться, Натан.

Поскольку я понятия не имела, что следует делать после того, как муж окончательно ушел из дому (предусмотрительно оставив чек на покрытие непредвиденных расходов), я задумалась: а Флора Мэддер получила чек, когда Чарлз Мэддер съехал к любовнице с экзотическими наклонностями? Может, сам факт того, что от нее попытались откупиться, и стал последней каплей, которая вынудила ее отыскать веревку и отомстить, оставив за собой долгий след, который многие годы будет тянуться за теми, кто остался в живых?

В спальне было тихо. Заново обретший свободу Натан не потрудился закрыть дверь шкафа и задвинуть ящики нашего общего комода. Комод мы оставили из сентиментальных соображений, как память о тех безденежных днях, когда наличных не хватало и мебели было мало. Нас забавляло, что наше белье лежит вместе; это казалось символичным, и мы сохранили эту привычку.

Ящики были наполовину пустые. Подумав, что лучше начать неизбежный болезненный процесс как можно раньше, я переложила ночную рубашку на освободившуюся половину Натана. Движение потревожило мешочки с лавандой, которые я хранила по углам ящика, и высвободило пряный запах.

Но даже запахи меня задевали – слишком ароматные, навевающие столько воспоминаний, сладкие до тошноты. Так что я все бросила, спустилась вниз и позвонила Мэйв.

– Привет, – сказала я. – Хотела узнать, как у тебя дела.

– О, Роуз, – ответила она, будто пытаясь понять, кто я такая или даже вспомнить меня. – Как ты?

– Не очень. Просто не хотела терять связь. Узнать, как ты. Может, пообедать вместе. Я у тебя в долгу, хочу тебя угостить. Можем встретиться на нейтральной территории.

– Я сейчас очень занята, – торопливо проговорила подруга. – Таймон затягивает петлю. У нас нет ни минутки свободной. Думаю,

тебе интересно узнать, как дела у Минти? – Что ж, мне действительно было интересно. – Еще рано говорить. – Мэйв была начеку. – Послушай, я бы с радостью с тобой пообедала... как-нибудь, но сейчас я так занята, что не могу строить планы. В единственный свободный день в ближайшем будущем я уже записалась к парикмахеру и не могу не пойти – надо закрасить седину. – Она коротко рассмеялась. – Не могу позволить, чтобы все видели мои седые волосы. Но, Роуз, не забывай меня.

Я надела старый серый макинтош, переживший многие годы карабканья по утесам в Корнуэлле, и решила прогуляться. Шел дождь; тонкая, пронизывающая морось забиралась за воротник и стекала по спине струйкой сырости.

Слегка задыхаясь, с урчащим животом, как частенько бывало в последнее время, я прогулялась по парку, то и дело останавливаясь от слабости, и нырнула в дверь церкви Святой Бенедикты.

Нефы были пусты, но недавно здесь закончилось венчанье или крестины: у купели и алтаря стояли вазы с белыми лилиями, и крошечные букетики украшали торец каждого ряда. Горела лишь одна свеча у статуи Мадонны, розовая краска которой блестела, словно грим стареющей актрисы.

Я не понимала, зачем я здесь, не понимала, что надеюсь найти.

Я взяла свечу, зажгла ее и поставила в кованый подсвечник.

Как я сумею это пережить? Может, я обманывалась, считая, что когда трудные времена наступят, я смогу справиться? Теперь, в этой ситуации, у меня не было ни требуемых сил, ни мужества. Как бы я ни пыталась храбриться, у меня ничего не выходило.

Свеча затрепетала, вспыхнула, но продолжала гореть.

Когда она расплавилась наполовину, я поднялась, смахнула капли с плаща и направилась к двери. Как обычно, на столике в беспорядке валялись книги песнопений и памфлеты. Вряд ли кто-то станет возражать, если я сложу их аккуратной стопочкой.

Глава 12

– Тебе это ни к чему, – провозгласила Ианта, когда я сообщила, что собираюсь учиться в Оксфорде. Она выпятила губы, глаза потемнели от недовольства, как часто случалось, когда я росла и становилась более независимой. Мама почуяла, что я рвусь к свободе. Оксфорд представлял собой более серьезную, осуществимую угрозу, чем мечты о путешествиях в джунглях и пустынях Патагонии. – Тебе нечего там делать, – повторила она. – К тому же, это не для девушек, что бы ни говорил тебе мистер Роллинсон. – Она задумалась. – Не стоит ему вбивать всякие мысли тебе в голову. Таких людей, как мы, туда не берут.

– Он специально со мной занимается. Считает, что я способная.

– Как же, так тебя там и ждут!

В ту минуту я ненавидела свою мать, которая, как всегда, мастерски поддела ножом мое неуверенное эго и разнесла его в прах. Но я выстояла.

– Увидишь, – ответила я.

Мне было восемнадцать, уже почти девятнадцать. В первый день семестра, в первый год обучения Ианта проводила меня на такси, и по ошибке мы оказались у церкви Христа, а не у колледжа Святой Хильды. У входа Ианта окинула взглядом анфиладу дворигов и внушающее доверие здание и бросила на землю дешевый чемодан.

– Здесь попрощаемся, – сказала она. – Дальше пойдешь одна. Так будет лучше.

Целуя ее, я ощутила соленый вкус слез и легкий, едва уловимый аромат лавандовой туалетной воды. Ианта порывисто обняла меня. Потом оттолкнула.

– Иди, – проговорила она. – Радуйся своей новой жизни.

Что чувствовала мать, садясь в такси и уезжая на Пэнкхерст-Парейд, к своим билетам и расписаниям в турагентстве? Она оставила на мне груз своих опасений и неодобрения, но я часто вспоминаю эту опрятную, упрямую удаляющуюся фигурку в твидовом пальто. Наверное, ей казалось, что я сбросила ее, как орех – скорлупку. Что ее

женская роль окончена. Или, может быть, Инта думала, что теперь может до конца отдаться своему несчастью и исследовать его глубины.

– Господи Иисусе. Я ее убил.

По словам Мазарин, именно так отреагировал Хэл Торн, когда месяцем позже сбил меня с велосипеда на улице, когда я ехала на велосипеде.

Еще она рассказала, что Хэл вел себя безупречно: бережно уложил меня, вызвал полицию, приказал Мазарин, которая ехала вместе с ним, записать имена всех свидетелей. Его действия были полны героизма, и он это понимал. Последние слова Мазарин произнесла с присущим ей легким оттенком иронии.

Водителем Хэл был паршивым, но все же не таким плохим, чтобы задавить меня насмерть. Я не видела, как его белый фургон подкрался сзади, не слышала скрипа тормозов, но меня до сих пор преследует воспоминание о том, как перед падением я выставила руки, чтобы защититься.

Было еще одно воспоминание... о том, как Хэл сидел рядом с каталкой и скручивал мои чулки в клубок, а низкое осеннее солнце светило сквозь окна и высвечивало нимб вокруг его головы. Память сообщила мне, что он положил чулки рядом с аккуратно сложенными страничками моего эссе по Донну^[9] и велосипедными фарами, которые почти не пострадали.

Прошлое и настоящее беспомощно завертелись в моем сотрясенном мозгу, и мне представилось, будто я снова в Риме, в скверике на виа Элизабетта... Станный светловолосый парень, столь заботливо приводивший мои вещи в порядок, моему обманчивому видению казался столь же идеальным, что и каменный юноша, хранитель фонтана Барберини.

Должно быть, я шевельнулась, и мои ушибленные кости хрустнули. Я застонала, и он вздернул голову:

– Привет. – Парень наклонился и нежно взял мою руку, будто знал, как обращаться с людьми, которые испытывают боль. – Меня надо пристрелить. Это я виноват, и к сожалению, вашему велосипеду уже ничто не поможет. Да и вы чудом уцелели.

Я заметила, что у него американский акцент, и нахмурилась. Это было ошибкой, потому что хмуриться было больно. Я захныкала, и

незнакомец поспешил меня утешить:

– На голове у вас порез, но слава богу, он скрыт под волосами, и полно ушибов. Но рентген показал, что переломов нет. – У него была умная, уверенная и загадочная улыбка. – Я не разрушил вашей красоты: этого я бы в жизни себе не простил.

Все еще находясь в полубессознательном состоянии, я больше беспокоилась о том, что чуть не умерла, чем о разрушении своей возможной красоты.

– Вы ангел? – Я хотела проверить, не обращается ли ко мне ангел, прежде чем отправить меня в преисподнюю.

– Если хотите, стану ангелом. Со временем.

Я следила за движением его губ, наклоном головы. Статуи из фонтана принесли с собой сияние тропического солнца, жалящий полярный холод, шорох травы саванн и безмолвие пустыни, – и одна из фигур сидела рядом и держала меня за руку. Тогда все и началось.

Хэл навещал меня в больнице каждый день, в течение недели. Он был стипендиатом Родса с американского Среднего Запада, изучал археологию и антропологию. В женскую палату госпиталя Энни Брюэр он приносил такие вещи, которые вовсе не вязались с капельницами и утками: одеяло из племени туарег, фотография обнаженной женщины работы Нодета – пухлой, с жемчужной кожей, похожей на откормленного зерном цыпленка, – все это было частью моего странного выздоровления.

В последний день пребывания в больнице он явился в солдатской форме цвета хаки, с повязанным вокруг шеи красным шарфом, и протянул мне кусок колючей проволоки.

– Ранний образец, такую использовали первые американские поселенцы. Коллекционная вещь.

Мое лицо было все еще покрыто синяками, опухоль не спала, и мне было больно разговаривать.

– Неужели кто-то коллекционирует колючую проволоку?

– Есть целый музей. – Хэл вложил проволоку мне в руку, и колючки странной формы впились в ладонь. – Первопроходцы изобрели проволоку, чтобы обозначать границы своих домов и ферм.

Я представила себе кольца колючей проволоки, опутывавшей сухую пыльную равнину. Внутри огороженной территории слышались гогот гусей и кур, собак, шум детей, пахло домашней выпечкой; там

были женщины в выцветших розовых платьях и соломенных шляпках, грубая деревянная мебель и колодец. За пределами проволоки, на дикой территории прятались осторожные краснокожие индейцы, буйволы, рыскали койоты и луговые собаки.

– Может, чтобы защищаться? Это же агрессивная штука. В этом ее предназначение.

– Очень смешно, – сказал Хэл и отобрал проволоку. Потом замялся. – Конечно, владение – это и есть воровство.

Я откинулась на подушки.

– Ты переступил эту границу.

Он наклонился и быстрым движением разгладил упругий завиток моих волос.

– Разумеется. Мы постоянно ворует друг у друга.

Оказалось, что Хэл живет в маленьком домике без отопления, в венгерском гетто, в районе Оксфорда, который назывался Джерихо, вместе с двумя другими студентами, получившими стипендию Родса, и парой иностранных студентов, одной из которых была Мазарин. («Она очень роскошная, истинно *bon chic bon genre*,^[10] – говорил Хэл смешливым тоном, – вот я, напротив, всего лишь неотесанная деревенщина». Меня это удивляло; его знания и уверенность в себе намного превосходили мои).

В доме было полно народу; хозяин совершенно не заботился о его содержании; здесь оказалось неудобно – и волшебное. Когда врачи выпустили меня из больницы, посоветовав держаться подальше от ненормальных водителей, Хэл забрал меня на своем белом фургончике, и перед ужином мы ненадолго заглянули к нему.

– Хочу познакомить тебя с Мазарин: она тебе понравится.

Он был прав на все сто, подметив, что мы с ней одного поля ягоды.

У Хэла в комнате постоянно лежал собранный рюкзак: бутылка с водой, сухой паек на день, спальный мешок для любой погоды, легкие спортивные брюки и таблетки для очистки воды. Он объяснил, что всегда может схватить рюкзак и уехать без предварительных сборов, если вдруг сидеть в заточении станет невыносимо, поэтому ему необходимо иметь при себе наготове рюкзак.

Хэл говорил торопливо и беззаботно, с уверенностью, которую я сама так желала обрести. Может, она передалась ему от матери? «Мой

золотоволосый мальчик, – наверное, говорила она, отчаянно покрывая его поцелуями, – ты никогда не будешь смущаться. Не станешь сомневаться и делать ошибки. Я смогу тебя защитить». А может быть, Хэл сам выработал уверенность в себе, выковыывая ее из невзгод и горестей взросления?

Мазарин слушала, как он рассказывает мне о рюкзаке. Она была в черной юбке и обтягивающем свитере. Эта девушка оказалась образованнее и изящнее всех студенток моего колледжа. С сильным французским акцентом она произнесла:

– Должна заметить, он заставляет девушек стирать носки... Не позволяй ему допоздна тебя задерживать – ты, наверное, еще слишком слаба.

Хэл отвел меня в марокканский ресторан, недавно открывшийся на окраине города и, как и все новое, невероятно популярный.

– Самое меньшее, что я могу сделать в качестве извинения, – сказал он, провожая меня в зал.

Здесь было полно студентов, потягивающих коктейли и сворачивающих самокрутки, но в моих ослепленных глазах Хэл выделялся среди них подобно маяку.

Он сел напротив, положил руки на пластиковую столешницу и принялся меня изучать.

– Могло быть и хуже. Мне нравится твоя блузка – юная, ослепительная красавица против старой одежды. Угадай, кто выйдет победителем в этом состязании? Даже несмотря на синяки. – Он прикоснулся к моей щеке.

Я почувствовала, как к лицу приливает румянец, и стала теребить кружевную манжету. У меня было так туго с деньгами, что я кое-как одевалась в вещи из секонд-хэндов: сейчас на мне красовалась муслиновая блузка с кружевной отделкой. Поношенная и мягкая, она хранила смутное воспоминание о чужих жизнях.

– Если бы на моем месте была старушка, неужели ты бы не угостил ее ужином?

– Вряд ли. Скорее подарил бы большой букет гвоздик.

– Не люблю гвоздики.

– И зря. У них интересная история. Гвоздики пришли в Европу от арабов, те называют их «qaranful». В разных языках существуют разные вариации: греческое «kapybillon», латинское «caryophyllus»,

итальянское «garofolo» и французское «giroflue», но гвоздики – очень английские цветы. Они должны тебе нравиться.

Это было первое из его многочисленных поддразниваний, но я не собиралась уходить от темы. Я до сих пор чувствовала себя так неопределенно, уязвимо, неуверенно до дрожи, но все же собралась с мыслями.

– Я хочу выступить в защиту пожилых дам. Это возрастная дискриминация, а возраст не может быть причиной для отказа.

Переход от поддразнивания к суровой серьезности произошел мгновенно.

– Как раз наоборот. Если исходить от того, что все на этом свете – деньги, удача, твое жизненное пространство – имеет конец, можно предположить, что старушка уже получила свою долю судьбоносных и важных встреч и потому не должна жадничать. У тебя же, в силу твоего возраста, наоборот, их недостаток.

Я была поражена и уставилась на Хэла околдованная его голубыми глазами. Они напомнили мне горечавки на альпийском лугу, насыщенно-голубой наряд итальянского аристократа с картины, чистейшую глубину сапфира.

– Ты серьезно в это веришь?

– А ты как думаешь?

– Я бы пожадничала.

– К счастью, Роуз, тебе до старости еще далеко. И мне тоже. Но мы должны вырабатывать правильную жизненную позицию, чтобы отодвинуть это время. Путешествовать. Все время быть в движении.

– Бедная старушка, – сказала я, и сердце мое стало легким и затанцевало, как перышко. – Бедная старушка, оставшаяся без ужина.

– Вообще-то ее лишили ужина, потому что ты оказалась на ее месте. – И снова его уверенная и нежная рука провела по контуру моей ссадины. – Слава Богу.

Беспомощные, неудержимые эмоции, которые скапливались в моей душе, пока я лежала в больнице, запалились, вспыхнули и взорвались ярким пламенем. Я осторожно подняла руку. Наши пальцы сплелись, и биение моего сердца стало громким, как барабан.

Хэл опустил руку и взял меня.

– Таджин из курицы? – В его устах это звучало невероятно экзотично.

В середине ужина он вдруг опустил нож и вилку.
– Я влюбляюсь в тебя, Роуз. Забавно, правда?
Меня пробрала дрожь.

Хэл часто уезжал на раскопки, и Мазарин, с ее твердым разумным взглядом на жизнь, полностью это одобряла.

Боль – это необходимость, – заявляла она, – иначе как мы познаем, что такое наслаждение?

Я подумала, что она рассуждает так из неведения, поскольку на тот момент своей жизни умная и хорошенькая Мазарин еще не познала боли. Я сказала, что верность аргумента может быть доказана только на личном опыте.

Неужели? – фыркнула она.

Не считая неприятного онемения в одном бедре, я быстро поправилась после аварии. Любовь и прилив адреналина в кровь, курсирующую по венам, особенно способствовали выздоровлению. С одной стороны, онемевшее бедро было даром свыше, поскольку у меня появилась куча времени для учебы в последующие два семестра. «У студентки есть все шансы стать лучшей, – писал мой довольный куратор в конце летнего семестра. – Посмотрим, сумеет ли она ими воспользоваться».

Хэл заботился обо мне: суетился вокруг меня, вызывал такси, следил, чтобы я не замерзала; мне казалось, будто кроме меня, других женщин на земле не существует. «Я тебя вылечу, – говорил он. – Тогда у нас появится время для нас двоих».

Он никогда не задавал вопросов – мое прошлое его не интересовало. И о своем он тоже рассказывать не хотел. Совершенно неважно, кем и чем мы были раньше, объяснял он, важно только настоящее.

Как он был прав! Солнце никогда еще не светило так ярко; небо никогда не было таким голубым. Мое тело стало невесомым, пульсирующим, ненасытным. Меня переполняли безумный восторг и благодарность, благоговение оттого, что это произошло со мной.

Он был незнакомцем, приехавшим из чужих краев; он был той второй половинкой, которую я искала.

В последний день летнего семестра мы гуляли у реки в ботаническом саду; журчание воды заглушало шум транспорта. Небо

заволокла легкая дымка облаков; нос щипал сладкий аромат земли после дождя. Я растерла между пальцами стебелек лаванды с клумбы.

Хэл улыбнулся.

– Название «lavandus», – хитро произнес он, – произошло от латинского глагола «мыться». Римляне использовали лаванду в качестве мыла.

Я взяла его руку, разворошила сиренево-голубые соцветия, и листья выдохнули свой аромат. Я прижала его пальцы к своему лицу и вдохнула.

– Я купаюсь в тебе.

Хэл резко притянул меня к себе и поцеловал.

– Прекрасная Роуз, – пробормотал он. – Что я буду без тебя делать?

На следующий день, когда я собрала вещи и была готова уезжать, я позвонила ему домой.

– Дорогая, – у Мазарин был встревоженный голос, – Хэл уехал сегодня утром и забрал рюкзак.

Я похолодела.

– Он оставил сообщение?

– Нет. Я думала, ты знаешь.

– Вот видишь, – пробурчала Ианта, когда я вернулась домой, несчастная, с заплаканными глазами. – Говорила тебе, до добра это не доведет.

Хэла не было три недели, и все это время я балансировала на грани и снова и снова перебирала в памяти: что же я сделала неправильно? Почему? Я ставила под сомнение все: свой ум, свое тело, сексуальную неопытность, которую Хэл находил столь трогательной. Я пыталась определить, где же дала осечку, чем его не устроила, где допустила ошибку и почему он бросил меня, не сказав ни слова.

Три недели спустя раздался звонок – я открыла дверь и увидела Хэла. Он загорел и постройнел, но ему не помешало бы принять душ, а все пальцы были заклеены пластырем.

– Надевай ботинки, мы едем в Корнуэлл. Едва не потеряв дар речи, я спросила, смеясь:

– Где ты был? Я понятия не...

Он был искренне удивлен:

– Разве я тебе не говорил? На раскопках, на севере. Изучал Древний Рим.

Я почувствовала, как белею от ярости.

– Нет, не говорил. Почему ты не предупредил?

– Теперь я здесь, значит все в порядке, не так ли?

– Уходи.

Хэл просунул в дверь ботинок.

– Я купил тебе рюкзак. Хороший.

Несмотря на его обезоруживающую мольбу о том, что он всего лишь невежественный американец, который хочет как можно лучше изучить остров, и лишь я способна быть его проводником, Ианта возражала: незамужним девушкам не положено таскаться по сельской местности с молодыми мужчинами. Но мне было наплевать, и я оставила ее стоять на пороге с гневным лицом.

Когда я вернулась, на щеках у меня играл румянец, ступни покрылись коркой, бедро зажило, и я привыкла к звукам моря. Я рассказала Ианте о Пензансе, Маразоне, Хелстоне, Сент-Мозе... о том, как мы гуляли по прибрежной тропинке, наблюдая, как горные породы меняются от гранита к сланцу; как по вечерам сидели в пабах, пили пиво и сидр и ели рыбу с жареной картошкой. Естественно, я не рассказывала ей о ночах, бело-фиолетовых ночах, когда я сдираала пластырь с его изувеченных пальцев и одну за другой целовала ранки, нанесенные молотком и резцом. Или о том, как Хэл переворачивал меня, меняя позы до тех пор, пока мне не начинало казаться, что я сейчас умру – не от удовольствия, а от любви.

Это было не просто увлечение. Я не собиралась вести себя как развеселая независимая девчонка. Мне нужны были серьезные отношения. Я не хотела, чтобы эти невероятные чувства промелькнули и улетели прочь, как птицы, покружившись над кукурузным полем. Мне хотелось, чтобы Хэл оставил на мне отпечаток, а я – на нем. Хотелось, чтобы наш роман обрел вес и глубину; хотелось с пониманием перейти от невинности к неизведанной страсти, пронизывающей каждое нервное окончание, пульсирующей в каждом ударе сердца.

В Фоуи мы свернули на Сент-уэй, ведущий в Падстоу: проселочная дорога длиной примерно в тридцать миль. «Путь торговцев бронзового века и миссионеров из Уэльса и Ирландии».

Мы любовались церквями и серыми надгробиями, эпитафиями утопленникам, жертвам чумы, и я подумала: не стоит обманывать себя,

дух кельтов до сих пор властвует здесь – это страна огня и страсти.

В Порт-Айзек дорога свернула на север, и местность стала более холмистой. Хэл то и дело устраивал привал, чтобы помассировать мне спину в тех местах, где лямки рюкзака впивались в кожу, но мы продвигались быстро. Наконец за очередным поворотом мы остановились.

Под нами ревело море, чайки кружились над термальными источниками. Перед нами поднимались монументальные черные утесы; на их вершинах виднелись остатки стен с соляными потеками. Руины замка Тинтагель.

Я сняла рюкзак и села на жесткий и упругий торф. Я устала, губы и кожа пропитались солью. Хэл опустился на корточки позади меня.

– Надеюсь, это не последнее путешествие.

– Я тоже, – ответила я.

Хэл обхватил колени и стал рассказывать о подъемах в горы, о пересечении пустыни и о поисках долины, где выращивают жесткие абрикосы, а потом вымачивают их в родниковой воде.

Море, безразличное и беззаботное, омывало пляж. Мне вдруг стало холодно. Я подумала о рогаликах, которые пекла Ианта, о пламени, потрескивающем в камине; о том, как далеко все это от долины, где растут жесткие абрикосы.

Потом, спрятавшись за утесом на пляже, мы ели сэндвичи и рассказывали истории о замке.

Осторожно ступая по сланцу, перешагивая через затопляемые во время прилива водоемы, беременная королева Югрейна запахла на раздавшемся теле отороченную мехом накидку и с треском захлопнула дверь. Поднявшись наверх и приготовившись родить сына по имени Артур, она поблагодарила Бога за убежище, где могла укрыться от насилия, погубившего ее мужа.

Чайки проносились мимо высоких арочных окон, где когда-то король Марк поручил своей жене Изольде, чья талия была не шире ладони, властвовать утесом и морем. А потом в замке остановился юный рыцарь, чтобы принести присягу королю. Его звали Тристан.

– Несчастливые истории, – заметила я. – Мать, оставшаяся в одиночестве, покинутый муж, любовники, которые умирают.

Хэл обнял меня крепче. Сквозь куртку я ощущала биение его сердца.

Глава 13

Когда я носила Сэма, то глотала витамины и препараты, содержащие железо, литрами пила молоко и отказалась от вина, кофе и карри. Спала днем, регулярно ходила на осмотр к дантисту и каждую неделю заглядывала в учебник: что за это время произошло со скоплением клеток, впоследствии ставших маленьким футболистом? Я твердила малышу, что делаю все возможное, чтобы предоставить ему шанс; что, пусть и с большим трудом, но я поняла, что отказ от любимых лакомств и прочие небольшие изменения в поведении жизненно важны для его будущего.

Время тянулось бесконечно, недели медленно сменяли друг друга; март еле-еле кончился. Апрель и май ползли медленно, очень медленно. Пришел июнь, а моя горестная беременность никак не хотела заканчиваться.

Старые воспоминания намного острее и отчетливее недавнего прошлого. Думая об этом, я поняла, что именно с этим – отчасти – и боролся Натан, когда Минти заставила его критически взглянуть на свою жизнь. Ему показалось, будто те резкие старые воспоминания значили больше, чем размытые, спутанные, лихорадочные моменты нашей семейной жизни. Он боялся, что мое сладкое, живое пробуждение сексуальной страсти и любви к Хэлу запомнилось мне сильнее, чем годы, проведенные с ним.

При помощи Роберта Додда, адвоката, я подбила итог моего выходного пособия и подписала соглашение о том, что в течение полугода не стану наниматься на аналогичную работу. Отступные были разумные, но не щедрые.

– Должно быть, здорово, когда у тебя есть целых шесть свободных месяцев. – Роберт позволил себе всплеск неприкрытой зависти.

– Может, я еще к вам приду, – сказала я, чтобы заняться разводом. Но думаю, что этого не произойдет. Надеюсь, мы с Натаном сможем все уладить.

Роберт улыбнулся с профессиональной отчужденностью, в которой читалось, что его опыт говорит об обратном, и проводил меня к выходу.

Сэм стал приезжать по выходным, в мае привез с собой Элис. Я густо намазала губы красной помадой – пожалуй, даже слишком, приготовила на ужин куриные грудки в соусе из чеснока и фенхеля и весь вечер гоняла свой кусок по тарелке.

Сэм лишь заметил, что мне следует больше есть и меньше пить, и дальше сидел тихо, но Элис говорила за двоих. Хорошенькая, как куколка, в сером костюме и золотых украшениях, она обстоятельно расспросила меня о том, что произошло на работе.

– Надеюсь, они потом будут кусать локти, – наконец проговорила она, теребя браслет. Ногти у нее были покрашены блестящим бесцветным лаком; от этого руки выглядели очень аккуратно. Потом Элис спросила, что меня больше выбило из колеи: само увольнение или потеря заработка, и я поразила ее прагматичности. Вопрос был хороший. – Наверное, тяжело не иметь финансовой базы, – заметила девушка. – Если у тебя нет денег, то нет и власти: во главе переговоров стоят другие.

– Опыт тоже кое-что значит, – возразила я. Она недоверчиво улыбнулась:

– Одного опыта недостаточно.

Мне нравилась честность Элис, однако еще чуть-чуть, и она могла задеть меня за живое. Я сменила тему и спросила, видела ли она последний фильм Спилберга.

– У Элис нет времени на кино. – При желании Сэм умел проявить своеобразную иронию. – Она занята только карьерой.

Продemonстрировав свои безупречные ногти, Элис поднесла к губам бокал с вином.

– Завидуешь, Сэм?

И все же, когда мы прощались, она удивила меня, поцеловав в щеку – коротко по-деловому, но все же.

– Я буду думать о вас, Роуз, – проговорила она. – Обещаю. И мне жаль... что так получилось с Натаном. – Она говорила искренне, и неожиданно я тоже ее поцеловала.

Теперь свободного времени у меня было в достатке, и мистер Сирс, мастер поиграть на моей совести, этим воспользовался.

Помимо воскресного ланча, который я готовила для мистера Сирса, моя благотворительность состояла в следующем: я кидала монетки в шляпы, протягиваемые нищими на улице, и раздраженно отвечала на

телефонные просьбы о пожертвованиях. Однако от мысли о мистере Сирсе, который целый день сидит в своей грязной непроветренной комнате, было не так легко отделаться. Хотя он был сердит и придирчив как никогда, его обделенность жалила меня, словно колючка. В конце концов я сказала, что хочу вывести его погулять.

– Я не против, – ответил он; довольно хладнокровный ответ, если учесть, что он не выходил из дома три года.

Каким-то образом мне удалось запугать бездеятельные социальные службы, и они предоставили коляску и сиделку на несколько часов.

– И это ты называешь автобусом? – произнес мистер Сирс, когда к остановке подъехал одноэтажный автобус.

Мы с сиделкой занесли его в автобус восемьдесят восьмого маршрута, где старик обрел совершенное счастье. Мы втроем сделали два круга – это заняло большую часть дня. Мистер Сирс сидел у окна; он устроил нам обзорную экскурсию по городу: знакомые места, в основном пабы, превратились в бары и гриль-кафе.

– Чем им пабы не понравились? Захотели кофе – так полно кафе и ресторанов.

Нетрудно догадаться, какой вывод сделал мистер Сирс: учитывая предательски быстрые перемены, творящиеся в мире, ему лучше не выходить из комнаты.

Как только закончились выпускные экзамены, на Лейки-стрит материализовалась Поппи, раскидав свои вещи по всему дому. Дочка молниеносно собрала рюкзак, поцеловала меня на прощание и потребовала денег на такси до аэропорта.

– Запрещаю тебе переживать, – заявила она. – Переживания – это для слабаков.

В те выходные я купила газеты и «Дайджест» и пошла в парк. До сих пор я даже не притрагивалась к газете – боялась увидеть самое худшее. Я стала ходить вверх-вниз по дорожке, набираясь храбрости.

Кем бы Минти ни была, прежде всего она была профессионалом. Рубрика изменилась, но не стала хуже: больше знаменитостей, больше фотографий и книг, рассчитанных на более молодых читателей. И все же меня не совсем забыли, ведь Минти строила свое здание на существующем фундаменте; но мои идеи уже не занимали центрального места. Это был своеобразный компромисс, поклон отношениям, которые нас когда-то связывали.

Поразительно, но пока я читала, испытывала не ревность, а растущую отстраненность от всего, что прежде занимало меня. По дорожке пронесся маленький марсианин в блестящем шлеме и наколенниках; вслед за ним – пыхтящий взрослый. Я следила за ними, чувствуя, что могу вздохнуть более свободно: что касается профессионального соперничества, мне дали передышку. Не то чтобы мне было все равно; однако так сильно меня это уже не заботило.

Я просмотрела другие рубрики. «Куда собираются наши сотрудники этим летом?» – гласил заголовок статьи под съезжившейся картой мира. Редактор городских новостей отправлялся во Францию; редактор отдела статей – в Италию (как обычно), а вот и редактор книжной рубрики – эта дама планировала провести две недели на уединенном греческом острове. На странице красовалась фотография Минти в топике с глубоким вырезом и крошечной юбочке. «На острове Кеа по-настоящему жарко и безлюдно, – пояснила она. – Море и песок, и ничего больше».

Я дважды перечитала. Очевидно, Минти поленилась выяснить, как Натан переносит жару, но я-то знаю, что он всегда ненавидел ее и жутко раздражался.

Ветерок оживил страницы в моих руках. По дорожке шла женщина и везла в коляске двойняшек. Встревожено, размашистыми прыжками, мимо пробежала собака: наверное, потеряла хозяина.

Бедный Натан.

Я одернула себя. Брошенным женам приходится соблюдать печальное правило: если не проявить осторожность, то можно погрязнуть в критике ошибок и недостатков соперницы-узурпаторши. *Она вульгарна... отравила гостей... ужасно обращается с детьми.* Я видела, как этим болела Ви, и теперь стала замечать начальные симптомы у себя. Прекрати, сказала я себе, как обычно говорила мне Поппи.

Я выбросила газету в ближайшую урну и продолжила прогулку. Больше не стану из-за этого переживать.

Недавно прошел дождь, превратив траву в болото. Клен над рекой расправил новую листву; под ним цвела клумба поздних тюльпанов. Я наклонилась и пригляделась к ближайшему цветку. Тычинки разбухли и стали липкими; внутри гладкого выпуклого изгиба приютилась тля.

Колокольчики лепестков казались такими неподвижными, застывшими, словно рокингемский фарфор. Словно ваза Натана.

Спокойствие куда-то исчезло. Это всегда происходило так быстро: достаточно было лишь намек, мимолетной ассоциации, и я снова возвращалась туда, где меня оставил Натан.

Мне нужно было отдохнуть от самой себя, и я повернула домой. Ветерок пролетел, я сняла свитер. И тут услышала щелчок. Щелчок. На секунду или две мои мысли вырвались на волю из сетки, в которую попали, и я увидела перспективу освобождения, будущего, в котором я буду свободна и чиста. Словно холодный свежий ветер ворвался в больничную палату. Словно иссушенный ландшафт проникся предчувствием дождя. Словно брызги хлынули из фонтана. Это длилось всего миг, и я и зашагала дальше, ступая грязными ботинками по мокрой траве.

Когда в понедельник утром я очнулась, Петрушки не было в кровати. Я отправилась на поиски и обнаружила ее растянувшейся в голубом кресле.

– Петрушка? – Кошка не ответила. От нее странно пахло, бока дергались. Я поняла, что ей больно, и у меня упало сердце. – Петрушка...

В последний визит к ветеринару Кит предупредил меня: «В ее возрасте на чудо надеяться не стоит». Но я надеялась. Надеялась.

Я погладила ее лапку. Я хорошо знала Петрушку и понимала, что она не хочет, чтобы я вмешивалась, что она предпочла бы пережить угасание и смерть по-своему, по-кошачьи. Я также знала, что бесполезно воображать, будто она испытывает те же глубокие эмоции, что и я. Я попыталась снова:

– Петрушка...

Мой голос проник в ее туманное небытие. С очевидным усилием кошка подняла голову и посмотрела на меня, на ту, которая так любила ее.

Когда Кит увидел меня в приемной с корзинкой в руках, его брови поднялись к самой линии роста волос; по утверждению его семьи, она была точь-в-точь как на портрете у Пятого Генриха. Такой лоб бывает у людей, которые всю юность вели себя отвратительно, но потом смирились с тем, что излишества стали слишком утомительны. У Кита была очень подходящая внешность для ветеринара: многолетнее

общение с животными и их хозяевами, испытывавшими порой совершенно безумные эмоции к своим питомцам, наложило на него неизгладимый отпечаток.

Я достала Петрушку из корзинки. Кит положил мне на плечо костлявую руку.

– Ты знаешь, что я скажу, Роуз. Я могу под завязку накачать ее витаминами и антибиотиками, и она продержится еще день-два. Но больше в ее возрасте выторговать не удастся.

Он сжал мое плечо, и я отвернулась. Что бы сказали мои родные?

«Сделай это немедленно», – заявил бы Сэм.

«Нет, еще рано. У нас нет права вмешиваться в естественный процесс», – возразила бы Поппи.

Натан бы спросил:

«Сколько именно времени Кит поможет ей продержаться?»

– Ладно, – сказала я сдавленно Киту. – Только быстрее: ей здесь страшно.

Как можно осторожнее мы завернули Петрушку в полотенце. Кошка немного посопротивлялась, и Кит выбрил участок на передней лапе, наклонил свой королевский лоб и поцеловал ее.

– Готова?

Мне трудно было быть готовой к такому, но когда игла скользнула под кожу моей любимой кошки, я держала ее в руках. Я так многим была ей обязана. Я должна была сделать для нее намного больше, но теперь оказалась бессильна выплатить долг. Петрушка была рядом, пока я училась быть мамой, терпела гвалт и растила детей: она была моим молчаливым, по-женски участливым компаньоном, свидетельницей бурлящего, материального домашнего мира.

Почти сразу же ее голова откинулась мне на плечо. Зеленые глаза расширились, впустили свет, потом потускнели, закрылись, и для Петрушки наступила ночь.

Кит сделал шаг назад; я баюкала ее, пока ручеек пульса не иссяк и не наступила тишина.

Вернувшись домой, я отнесла Петрушку в сад и положила ее под куст сирени, рядом с черной чемерицей и вильчатыми анемонами. Поднялась вверх, в комнату Поппи, и стала искать в ящике белую шерстяную шаль, в которую заворачивала своих кричащих детей и ходила с ними взад-вперед, чтобы успокоить.

Я достала лопату и вилы и принялась копать комковатую, заросшую вьюнком землю. Зубцы вил рвали белые волокнистые корни и выгоняли насекомых из подземных нор.

Хорошее и тихое местечко, Петрушка.

Щелчок в моей голове был забыт, как и спокойное предвкушение будущего. С меня хватит. Я хочу, чтобы мое горе умерло, желания кончились, тело было укрыто от чужих взглядов.

Я продолжила копать.

Я хоронила прошлое, брак, карьеру; тот забавный, изнурительный, отчаянный отрезок моей жизни, когда Петрушка кралась рядом, а ее коготки цокали о каменные и деревянные полы; она составляла мне компанию ночью, когда дети плакали, а Натан спал.

Вырыв достаточно большую яму, я опустила в нее Петрушку и стала возиться с краями шали, заворачивая кошку до тех пор, пока не осталась довольна. Шерсть была мягкой, как застиранная детская одежда, и все еще хранила слабый и очень характерный молочно-дрожжевой запах младенцев.

Я кинула в яму полную лопату земли; потом еще одну.

Могила Петрушки заполнилась быстро.

Я внушала себе, что мне необходимо что-то съесть, но утратила привычку питаться регулярно. Пальцы мои задеревенели и превратились в ледышки. Я плеснула себе щедрую порцию виски, прикончив бутылку, и потащилась вверх, в кровать.

Ночью меня ужасно тошнило. Тяжело дыша, покрывшись потом, я села на корточки. Я горела, просто сгорала изнутри. В спешке я проковыляла из спальни в ванную, не включив свет, и неоновый отблеск с улицы окрасил фарфор бледным, некрасивым оранжевым цветом. Я приложила ладони к лицу.

На рассвете меня опять вытошнило, и в животе поселилась постоянная боль. К утру поднялась температура, и день я провела, свернувшись калачиком в кровати. На второй день температура повысилась; меня кидало из лихорадки в жар и тяжелый, прерывистый сон. Я чувствовала, как сердце грохочет и колотится в груди. Может, я умираю от горя? Или умираю оттого, что никому не нужна? Время от времени мне казалось, что звонит телефон, но это был всего лишь церковный колокол, зовущий на похороны моего отца.

В моем бреде материализовался Натан – высокий и неумолимо амбициозный. «Я ухожу от тебя, Роуз», – произнес он. Я удивленно сказала, что он уже ушел. «Но все не так просто, Роуз», – загадочно сказал он.

Во время этого разговора у меня выросла пара крыльев, и я воспарила над Натаном, который уменьшился до размеров точки.

Теперь меня дергала и тянула Минти. У нее был расстроенный вид. «Что ты думаешь обо мне, Роуз? Какого ты мнения о своей бывшей подруге?»

«Если хочешь знать, я считаю тебя невеждой, – ответила я и подоброму добавила: – Но ты только себе сделала хуже. Вот постареешь и поймешь».

По ее лицу покатались крупные слезы: «Я отказываюсь стареть! Я всегда буду носить крошечные топики и короткие юбки!» Я покачала головой, и она завывала, как ребенок: «Это так несправедливо!»

Мощно хлопнув своими замечательными крыльями, я взмыла в небеса, которые появились на месте потолка моей спальни. Далеко внизу мокрое, перекошенное лицо Минти казалось плоским и невыразительным, как болото.

– Роуз...

Надо мной склонился Натан; я заморгала. Язык стал как войлок, губы так потрескались, что я ощущала вкус крови; похоже, был вечер.

– Натан, что ты здесь делаешь?

– Ты выглядишь ужасно. – Он заметил термометр у кровати. – Вот, поставь градусник.

Я попыталась поднять голову.

– Я не могу.

Он сделал шаг назад. Натан принадлежал к числу мужчин, которые ненавидят, когда кто-то болеет (кроме них самих), и в подобных ситуациях никогда не оказываются на высоте. Если я осмеливалась сказать, что чувствую себя неважно, он протестовал: «Не так уж тебе и плохо» – и принимал страдальческий вид. В течение одного-двух дней он все время вздыхал и бросал на меня взгляды, означавшие только одно: «Мне приходится тащить семью на своем горбу». Довольно скоро у него появлялись похожие симптомы, только хуже, «намного хуже, чем у тебя, Розы». В результате я редко когда соблюдала постельный режим: матерям болеть некогда.

– Мы шли на ужин к Таймону, и я решил проверить, как ты: звоню, звоню, и никто не отвечает.

– Я не могла взять трубку.

– Подожди, – сказал он. – Я позову кого-нибудь на помощь. – Натан исчез и через несколько минут появился вместе с Минти.

Я еще витала в бреду, и чтобы думать о ее присутствии слишком ослабла, чтобы испытать злость. Они переговаривались в дверях: температура... кошмар... врач. Минти переминалась с ноги на ногу и бросала на меня многозначительные взгляды своих раскосых глаз.

Я сделала огромное усилие.

– Натан, ты не мог бы принести мне воды? Самый умный ход – дать Натану задание.

Его это всегда успокаивало.

Пока его не было, Минти соблюдала дистанцию.

– Я не хотела заходить, – призналась она. – Натан меня заставил. Но я бы не...

Я закрыла глаза.

– Мне все равно, что ты делаешь.

Она замолкла; я открыла глаза. Минти осматривала комнату: оставшуюся одежду Натана – сквозь чуть приоткрытую дверь шкафа; фотографию Сэма и Поппи в тот редкий момент, когда им нравилась компания друг друга; стопка книг на половине кровати Натана. У нее был жадный, впитывающий взгляд, и я поняла, что она выискивает подсказки, которые помогли бы ей понять его.

Лишь тогда я поняла, как сильно она зациклилась на Натане, как горячо стремилась к тому, чтобы у них что-то выгорело, и как втайне страшилась, что ей так мало известно.

Я не могла обвинять ее в том, что она хочет Натана. Как я могла? Ведь я тоже его хотела.

Но разве не Минти заявляла: «Привязанность? Не смей меня».

Она как будто прочитала мои мысли:

– Люди меняются, Роуз, особенно если дело касается такого человека, как Натан. – Она потерела свой свитер из голубого мохера с глубоким вырезом – он едва доходил ей до талии. Стоило ей двинуться, как оголялся участок кожи. Можете смотреть на меня, как бы говорила она, вот я какая – красивая и спелая, – завидуйте и вожделейте.

– Мне двадцать девять, – проговорила она удивленным голосом.

С огромным усилием я повернулась набок, чтобы ее не видеть.

– Ты очень худая. – Она наклонилась и по-хозяйски разгладила мокрые простыни. – Тебе надо лучше следить за собой.

Я чуть не задохнулась от жара и ненависти.

– Если в тебе есть хоть капля сочувствия, уходи.

Минти зацокала каблучками по коридору, оставив меня в усталых размышлениях о тех семейных ценностях, которые когда-то якобы презирала. Годы замужества – это периодические войны, компромиссы и безмятежный, безопасный мир. Натан женился на девчонке в джинсах, которая стала мамой, превратилась в карьеристку, носившую брючные костюмы, таскавшую сумку с книгами и читавшую деловые письма. Иногда эта женщина поздравляла себя с тем, что ей удавалось сочетать эти различные состояния и сохранять рассудок и оптимизм.

Вскоре после свадьбы Натан сменил пиджак в стиле сафари на двубортные офисные костюмы; пуговицы на брюках приходилось все чаще перешивать. Бывали дни, когда муж приходил домой, насвистывая себе под нос: верный знак, что он чувствовал себя счастливым и был уверен в своих решениях. Но в другие дни я заставляла его в кабинете: он смотрел в окно и раздумывал о проблемах. Когда было трудно с деньгами, мы составляли списки – на чем можно сэкономить. Несколько таких списков, пожелтевших от времени, до сих пор висели на холодильнике на магнитах. Летом Натан сидел в кресле в саду и наблюдал, как я работаю. Зимой умолял, чтобы я приготовила пастушью запеканку и шоколадный пудинг – «Чтобы придать мне сил, Розы». (Снова придется переставлять пуговицы.) Мы ели за кухонным столом, говорили о детях, о наших амбициях. Дети росли, и у нас появлялось больше энергии; мы меньше обсуждали домашние дела и чаще говорили о политике, газетах и неспокойном положении в мире, регулярно проверяли духовную географию друг друга, которая казалась нам правильной, естественной, счастливой.

– Ну вот. Я приготовил тост и принес тебе аспирин. – Натан поставил чашку на прикроватный столик. – Покормить Петрушку?

При упоминании ее имени на глаза моментально навернулись слезы. Натан встал на колени у кровати.

– Розы, что с тобой? Тебе больно? Я все ему рассказала.

– Бедная Петрушка. – Он погладил меня по щеке.

– Сделаешь для меня кое-что?

– Если смогу.

– Причеши мне волосы. Я ужасно себя чувствую.

Натан взял щетку, приподнял меня и прислонил к плечу. Зубья впились в свалившиеся, как пакля, волосы.

– Ее время пришло, Роза. Я вытерла лицо простыней.

– От этого только хуже. Я думала, что она будет жить вечно.

– Помнишь, как Петрушка пропала, и я нашел ее в том странном доме, где все окна были переплетены ползучими растениями?

– Это я ее нашла, – пробормотала я. – Ты был на работе.

– Нет я. – Натан запнулся. – Ты крадешь мои воспоминания.

Я подняла голову и взглянула на него.

– Ну и что. А ты крадешь мои.

Он наклонился и прижался щекой к моей щеке.

– Ну и что.

– Натан? – позвала Минти с первого этажа. Натан прекратил расчесывать мои волосы, но я позволила себе облокотиться о его плечо. – Натан... – Минти возникла в дверях, и ее глаза злобно сузились. Может, она разглядела луч в конце тоннеля, освещающий то прошлое, с которым она должна была соревноваться? – Натан, мы опоздаем к Таймону. – Она развернулась, чтобы уйти, и голубой свитер задрался на животе.

Натан немедленно отстранился от меня и поднялся – мой энергичный, амбициозный муж, который знал, чего хочет, и до сих пор вел себя разумно и предсказуемо. Я отвернулась, не в силах видеть произошедшую в нем перемену.

– Уже иду, – произнес он.

Глава 14

Мне понадобилось время, чтобы встать на ноги. Я не просто ослабла: без привычной рутины работа – дом дни казались вялыми, как недоваренные яйца. Я привыкла видеть их другими, аккуратно разложенными по полочкам.

Глядя на сад, я поняла, что пришло лето: он стал похож на сонный гарем, пропитанный головокружительными ароматами и увитый кипенно-белым кружевом. Когда мне наконец захотелось туда войти, я распахнула французские окна и вышла на улицу. Я так хорошо его знала – каждый кирпичик в стене; прорытая белкой нора на лужайке; участок, где прогнул забор. Когда дети были маленькие, они требовали, чтобы я посадила траву и сделала лужайку и французский крикет, но, когда они выросли, я, словно голландец, претендующий на защищенную дамбой землю, отвоевала клумбы обратно.

Олива в горшочке накренилась назад и покрылась серо-зеленой листвой. Олива была символом мира, символом дома. Из ее плодов делали зеленое масло с ароматом тимьяна и майорана, в которое так хорошо макать корочку хлеба. Олива была символом всего хорошего.

Хэл подарил мне оливковую ветвь по окончании нашей второй совместной экспедиции – пешего похода по полуострову Мани. Худые, грязные, пыльные, счастливые, мы направлялись домой. В Киеросе мы присели в рощице оливковых деревьев и стали ждать автобуса, который отвезет нас обратно в Афины. Мы ели хлеб и сыр фета. Солнце жарило; в горячем воздухе плыла сухая травяная пыль. Нагруженные ослики карабкались по склону; по краям полей и у дороги цвели маки. Я облокотилась о рюкзак и подумала, что в жизни не видела такой пронзительной красоты: серо-зеленые оливы, каменистая местность, алые маки и голубое небо. Хэл выбрал этот прекрасный, волшебный, жгучий момент, чтобы сказать, что планирует пока остаться в Англии. «Почему?» – спросила я. Он достал перочинный нож и встал. «Ты знаешь почему», – ответил он, повернувшись ко мне спиной.

Хэл срезал ветку с клинышком ствола на конце и подарил ее мне. Завернутая во влажную салфетку, она пряталась в моем рюкзаке, пока

мы не добрались до дома. Я смешала землю с компостом в одном из горшков Ианты – не слишком густо, ведь это дерево любило жару и пыль – и посадила ветвь. В нашем климате оливковые деревья не растут, разве я не знала? Ианта была подозрительно безучастна. Но я оказалась настойчива, и в один прекрасный день сквозь землю пробились два ростка.

И вот теперь я сжимала между пальцев листок. Поднялся ветер, и, ослабленная болезнью, я задрожала.

Пока я бродила по саду, меня холодным туманом окутала депрессия. Без моей заботы роза Айсберг исхудала и ослабла. Паслен почти похоронил под собой мускусную розу, и я не пришла ей на помощь. Мои розы не привыкли к пренебрежительному отношению, и волнообразная оболочка тли разлилась по стеблям, поедая зародыши бутонов. Я остановилась, схватила ветку Испакан и, не обращая внимания на шипы, провела по ней пальцами, уничтожая тлю.

На пальцах горело желто-зеленое пятно – я вытерла их о траву. Потом вошла в дом и заперла стеклянные двери на задвижку.

Мне не хотелось возвращаться в сад. Не могу объяснить, но мне казалось, что он меня подвел.

Позвонила Ианта: она всегда звонила раз в неделю:

– Ты поговорила с Натаном? Поговорила?

Позвонил Роберт Додд (его звонки обходились мне в двадцать фунтов). Натан попросил его обсудить со мной детали развода, который грозил серьезно подорвать наши финансы.

Поппи позвонила бог знает откуда и сообщила, что она жива.

Позвонила Мазарин из Парижа.

– Ты должна приехать.

– Не могу, – ответила я. – Я не хочу никуда ехать. – Я выглянула в окно на улицу, которая казалась невообразимо широкой, и ощутила дрожь в коленях. Чем больше времени проходило, тем меньше я была способна предстать перед внешним миром. – Мне даже из дома тяжело выйти.

– Послушай. Ты сможешь. Это поможет тебе забыть твоим ужасном Натане и никчемной работенке.

– Это была не никчемная работенка.

– Как скажешь, *chere*.^[11]

Куратор независимой арт-галереи, Мазарин до сих пор не хотела опускать планку, и постоянное столкновение ее высокоинтеллектуальных взглядов и моих популистских наклонностей доставило нам немало приятных минут. Если верить флаеру, который она прислала, темой новой выставки была «деконструкция мифологии нижнего белья».

Я сделала немалое усилие и взяла себя в руки.

– Как поживает твое белье?

– Прекрати, – зашипела она в трубку. – Жду тебя в следующий четверг.

Натану Мазарин не нравилась. По крайней мере в те дни, когда я еще не вышла на работу и мы с ней часто общались и были близки. «Она не в моем вкусе», – говорил он – и врал. Натан обожал таких женщин, как Мазарин: умных, привлекательных и с независимыми взглядами. Он недолюбливал ее потому, что Мазарин была связана с Оксфордом и Хэлом, то есть той частью моей жизни, к которой он не имел никакого отношения.

Неприязнь Натана не помешала нам регулярно навещать Мазарин в Париже и гостить у нее. (Когда Натана повысили, мы предпочитали останавливаться в отелях, которые постепенно становились все более и более шикарными.) В дни нашей с Мазарин дружбы мы сажали детей на заднее сиденье машины, и все путешествие они то и дело кричали: «Мы уже приехали?» Когда вопросы перерастали в вопли (так было всегда), я проделывала опасный маневр и перебиралась на заднее сиденье, садилась между ними в гору игрушек и печенья, прижимала их к себе и, перекрикивая гвалт детей и шум мотора, общалась с Натаном.

Как-то раз мы оставили детей с Иантой. Сэму тогда было тринадцать, Поппи – одиннадцать. Машина неслась к югу по автотрассе из Кале, и я заговорила о том, чтобы вернуться на работу.

Натанотреагировал мгновенно: нахмурился, сгорбился над рулем и проделал свой фокус с исчезновением – погрузился в себя.

– Зачем? Ты что, несчастлива? – Он злобно смотрел перед собой. – Ты так хотела иметь детей. Вот и заботься о них. Денег нам хватает.

– Ты тоже хотел детей.

Я почувствовала его внутреннюю борьбу – против чего, я не знала.

– Мама обо мне всегда заботилась, – наконец проговорил он.

Моя свекровь была той темой, которую мне никогда, никогда не хотелось развивать.

– Моя тоже, но она совмещала мое воспитание с работой.

Натан переключил внимание на грузовик, нагруженный домашним скотом.

– Ты могла бы работать дома. Ты думала об этом?

Я была в недоумении.

– Как странно, Натан. Я понятия не имела, что ты будешь настолько против. Я думала, ты меня поддержишь.

Малейший намек на его закомплексованность вывел его из себя:

– Я знаю, что многие матери работают. Я не против, наоборот, но нужно ли это тебе? Мы говорим о нас с тобой. Чем взрослее становятся дети, тем больше ты им нужна.

– Хватит, ради бога, – огрызнулась я. – Можно же найти компромисс. Если забота о детях так для тебя важна, сам за ними и ухаживай. – Он не ответил. – Ага. Не горишь желанием, не так ли?

– Проблема не в том, что ты выйдешь на работу, – вовсе нет. Я думаю о детях.

– А как же я? – Слова Натана меня потрясли. Я рационально, со всех сторон обдумала вопрос выхода на работу, и меня уязвило его предположение, будто я забыла о детях.

– Почему тебе нужна работа? Тебе чего-то не хватает?

Мимо промелькнула ровная гладь Па-де-Кале.

– Тебе не кажется, что это очень странный вопрос? А ты можешь представить себя без твоей работы? Натан, я тоже становлюсь старше, дело не только в детях, и если я упущу момент, будет уже слишком поздно. Неужели это настолько эгоистично?

– Нет, – ответил он, по-прежнему замкнутый в себе. – Конечно, нет. Просто мне казалось, что мы счастливы.

– Конечно счастливы! – закричала я. – Это ничего не меняет.

Натан спросил меня, чем я хочу заниматься, и я призналась, что хотела бы стать редактором книжной рубрики в газете – если удастся добраться до таких вершин.

– Черт возьми, – рявкнул он, – это не работа. Нет, я не то хотел сказать... сам не знаю, что я хотел сказать.

Я тоже крикнула «черт возьми» и приказала ему остановить машину на следующей же стоянке. Я вышла. На скамейках, которые у французов повсюду, сидела семья, устроившая полуденный пикничок. Вокруг площадки вился ручей, обрамленный зеленым газоном. Я подошла к нему и встала на краю, глядя на воду. Кто-то бросил в ручей одноразовый детский подгузник, и белый пластик одиноко плыл по течению.

Натан подошел ко мне.

– Я не имел в виду, что это не работа. Это не так.

– Не надо смотреть на меня свысока.

– Я и не смотрю, – он пришел в искреннее недоумение, – но ты должна подумать о том, кто будет присматривать за детьми, и стоят ли того перемены.

Я оледенела от злобы.

– Я так зла на тебя... не помню, когда в последний раз так злилась. Можем ехать домой. Немедленно, – добавила я.

Натан пробежал руками по волосам и почесал затылок.

– Это просто неожиданно, вот и все. Я не люблю неожиданности.

– Не так уж это и неожиданно.

– Просто мне казалось, что у нас уже все устроилось, что все получается. – Руками он обрисовал коробочку. – Мы все так притерлись друг к другу.

Я отошла к тополям, которые взмывали в небо, и яростно крикнула ему:

– Я хочу что-то изменить в себе. Все меняются. Даже ты.

Натан откинул голову и закатился смехом. Семья французов прекратила есть, чтобы понаблюдать за скандалом у дороги.

– Ты выглядишь так смешно.

– Неужели? А как, по-твоему, выглядишь ты?

Он улыбнулся, и, как обычно, улыбка преобразила его лицо и сгладила напряжение.

– Так же глупо. – Муж подошел и взял меня за руку. – Только не меняйся слишком сильно, хорошо?

Все еще злая, я вырвала ладонь.

– Посмотрим.

Мы сели в машину и весь следующий час ехали почти молча. На подъезде к Парижу движение усилилось, и Натан был вынужден

сосредоточиться. Лишь когда мы проехали поворот на Сенли, муж вернулся к разговору.

– Я, конечно, поспрашиваю в газете, – сказал он. – Так я хотя бы смогу за тобой присматривать.

И тут я поняла, в чем проблема. Натан волновался, что я распахну дверцу и выпорхну из клетки. Он боялся, что я расправлю крылья и унесусь прочь.

Но мне ничего подобного не хотелось.

В облегающем алом жакете с короткими рукавами, юбке и черных туфлях на остром каблуке Мазарин ждала меня у Северного вокзала, где пахло французским табаком и горячими круассанами. Настроение чуть-чуть поднялось. Снова оказаться в Париже...

– Выглядишь отвратительно, – вынесла свой вердикт Мазарин и чмокнула меня, она редко демонстрировала привязанность открыто. – И что это такое? – Она указала на мой льняной брючный костюм.

– Это очень милый костюм, но признаю, в нем жарковато. Я и забыла, как жарко может быть в Париже.

– Ужасный покррой, – бросила Мазарин. – Подчеркивает недостатки фигуры. – Как бы демократична ни была моя подруга, но поздний бездетный брак с бизнесменом утвердил Мазарин в роли шикарной парижанки, предпочитающей шелковые шарфы, сумочки с монограммами, узкие юбки и высокие каблуки.

Она усадила меня в такси и довезла до входа в «Мими», ресторан с полосатым золотисто-голубым навесом.

– Я сейчас не могу много есть, – призналась я.

– Я вижу, но здесь главное не есть, здесь главное быть. Наслаждайся, хороший ресторан – лучший психотерапевт.

Я рассмеялась. Умница Мазарин.

Я знала, что она не станет спрашивать об интимных деталях ухода Натана. Ей достаточно общих представлений и изящных теорий, которые придавали подруге силу. Никаких «если», «но» и путаных воспоминаний, по крайней мере о Ксавье, ее покойном муже, который был на несколько лет старше нее.

– Итак... ты собираешься его убить? – Мазарин разложила салфетку на коленях.

Я сосредоточилась на цикории, его тонком, горьковатом вкусе.

– Нет. Куда больше ущерба я причиню, убив себя.

– Если ты серьезно, то, пожалуй, я не возьму тебя с собой по магазинам – зря потратишь деньги.

Я рассказала Мазарин о жене министра. Подруга вздохнула:

– А чего она ожидала? Что жизнь – сплошные удовольствия и ни капли боли?

– На ее долю выпало слишком много боли и ни капли удовольствия.

Мазарин задумалась.

– Как думаешь, есть хоть какой-то признак того, что Натан опомнится?

– Он уже давно уехал. Его нет с февраля – целую вечность. И поэтому наладить отношения будет намного сложнее, даже если он надумает. Ему хотелось перемен. Хотелось прикоснуться к фантазии, пока не поздно... Он больше не верил в меня. И, как ни странно, думаю, Хэл тоже приложил к этому руку.

– Та старая история? Вот это да.

– Впрочем... – Я вспомнила, как Натан вскочил на ноги, когда Минти его позвала; вспомнила ее мягкий, гладкий румянец. – Натан без ума от Минти.

Мазарин резко оборвала меня: – Молодые и симпатичные умеют быть злыми, и Минти сходит это с рук – пока.

Яркая обстановка ресторана потускнела.

– То же самое чувствуешь после смерти... тебе ли не знать. Только нет тела, которое нужно оплакивать.

Мазарин поправила серьгу, и меня поразил ее вид: на редкость смущенный.

– Надеюсь, ты устраивала ему бурные бесконечные сцены.

– Да нет. Хотя сейчас, конечно, жалею об этом.

– Разумеется. Англичане унылы не только в радости, но и в горе. – Я пропустила это замечание мимо ушей. Мазарин поковыряла моллюсков у себя на тарелке, и ее накрашенный рот скривился в горькой усмешке. – Никогда не знаешь, чем наши так называемые любимые нас удивят, не так ли? – Пауза была слишком долгой. – Когда Ксавье умер, мне пришлось перебрать бумаги. Как же иначе. И я нашла кое-что, чего никогда, никогда бы не ожидала увидеть. – Еще

одна пауза. – Когда просматриваешь документы покойного, у тебя появляется преимущество, которое тебе вовсе не нужно...

Официант принес тарелки, на которых был и красиво разложены палтус и зеленая фасоль. Мазарин не удостоила блюдо критично-проницательного взгляда, как обычно.

– Когда Ксавье умер два года назад, у него осталось много всего: пекарня, собственность и прочее. И оказалось, что у него есть дом. Прекрасный дом в шестнадцатом округе. ^[12]

Я была озадачена. Прекрасный дом в шестнадцатом округе – разве это не приятный сюрприз? Я накрыла ладонью ее руку – она дрожала.

– Мазарин?

– Оказалось, что в этом доме находился элитный бордель. Очень дорогой и эксклюзивный. Теперь понимаешь?

Палтус остыл. Вокруг нас по-прежнему раздавался стук дорогих столовых приборов, сервируемых к дорогому ланчу. Жара, крахмальные скатерти, небрежно-шикарные наряды других гостей ресторана, солнце, заливающее золотисто-голубой навес, – все это напоминало артхаусные фильмы, на которые мы с Мазарин бегали в Оксфорде и сюжет которых чаще всего был нам непонятен. Она повторила:

– Это прекрасный дом, в нем полно прекрасных вещей, и мне говорили, что Ксавье тщательно продумывал обстановку и хорошенько все устроил. Все женщины красавицы. Судя по всему, многие потом удачно выходят замуж и делают карьеру. Становятся специалистами по раковым заболеваниям и телеведущими. – Она посмотрела на меня безжизненным взглядом. – Старый дурень. Мог бы сказать мне... Клянусь, я бы не стала устраивать сцен, это стало бы нашим общим секретом.

– Ты собираешься там жить?

– Жить в этом месте? Нет, я продам дом и выручу хорошие деньги.

Я собралась с духом:

– Ксавье не собирался умирать, Мазарин. Он бы не скрывал этого долго. Рано или поздно он бы тебе сказал.

Мазарин смотрела куда угодно, только не на меня. Официант принес крошечные кофейные чашечки и оставил посреди стола кофейник. Я разлила кофе и протянула ей чашку. Все это было слишком сложно и болезненно.

Мазарин прикрыла глаза.

– Какая же я дура. Почти такая же, как ты.

Я вяло улыбнулась:

– Да уж. Давай посмотрим, что мы получили за верность. За то, что ты была хорошей и красивой женой, тебя отблагодарили борделем, что, должна заметить, намного интереснее, чем быть брошенной ради молоденькой женщины.

После обеда Мазарин повела меня по магазинам.

– Цель этой поездки – привести тебя в порядок, – заявила она. – Думаю, ты должна посмотреть правде в лицо и уделить внимание своей внешности.

– Неужели я на самом деле выгляжу так плохо?

– Да.

– И поход по магазинам мне поможет?

Она пожала плечами:

– Через это надо пройти.

Первой остановкой был бутик «Ля Бель Дам Сан-Мерси», специализирующийся на нижнем белье. В витрине висел постер – реклама выставки Мазарин.

– Да, да, Роуз. – В магазине, она передала меня заботам поразительно красивого юноши. – Женщины его не интересуют, – прошептала она.

Я оглядела себя в зеркало.

– Мне повезло.

Пока продавец обмерял и ощупывал меня, я смущенно таращилась на узелки кремовой атласной ленточки, поддерживающей занавески. Мазарин и юноша совещались и толкали меня туда-сюда, будто я была невесомой.

Зеркало в полный рост подтвердило мою худобу, но я не была ей рада, как раньше. Что это за женщина в зеркале, с отсутствующим взглядом, сгорбившаяся?

– Ну-ка, Роуз. Примерь вот это. – Мазарин протянула мне первую из многочисленных вещей.

Я подчинилась и почувствовала, как моя плоть скользнула в каркас из кружева и проволоки.

– Вот так-то, – проговорила она, словно волшебница, довольная своей работой. – Хорошо.

Если вам интересно, коэффициент удовольствия от того, что ты без труда влезаешь в черное кружевное боди, вышитое крошечными бабочками, очень высок.

– Как у тебя с финансами? – поинтересовалась Мазарин, когда мы вышли из бутика, нагруженные дорогими пакетами.

– Мне выплатили зарплату за полгода вперед. По крайней мере час назад она у меня еще была.

У Мазарин был самодовольный вид.

– Это инвестиции в твое будущее.

– Я не ищу нового мужа.

– Кто говорил о новом муже? Следующей остановкой стал бутик «Зу-Зу», владелица которого, стройная, роскошная женщина, похоже, была в прекрасных отношениях с Мазарин. Они быстро и эмоционально переговаривались, частенько указывая в моем направлении, и у меня создалось впечатление, будто они считают, что в моем гардеробе нет ни одной приличной тряпки. Запихнули потом меня в кабинку и практически сорвали с меня одежду.

Вокруг меня мелькали руки, слышалась болтовня; кто-то что-то подкалывал мне булавками.

Я обнаружила, что на мне надето льняное платье без рукавов, скроенное в о-очень французской манере. Но боже мой, похоже, пуговицы никак не могли договориться с моим бюстом. Признаюсь, меня это порадовало. В жизни мы так много теряем или тратим понапрасну – упаковку в супермаркете, эмоции, годы, потраченные, чтобы построить семью, – но в этой области ничего нельзя упускать из виду. Пуговицы, выгодно выделяющие линию груди, помогают залечить раны, нанесенные временем и любовью, разверзшиеся и начавшие кровоточить после всего лишь одной фразы: «Я нашел другую».

Глава 15

Благодаря вмешательству Мазарин Роуз в зеркале претерпела метаморфозу. Грудь, талию, ноги обволакивали кружево, проволока, лен и шелк. Я перестала быть незначительной, непримечательной тенью, в которую, как мне казалось, превратилась: тенью, которая скользила по улицам бок о бок с сотнями других незаметных, непримечательных женщин, чьи сердца, как мое, бьются от злобы и обиды. Более того, я переступила через страх и привычку и прогнала их. Поэтому я и выглядела иначе.

– Ну здравствуй, Роуз, – тихо проговорила я.

Фигура в зеркале шевельнулась, и нежные дорогие ткани подчеркнули ее изгибы, внезапно обретенную женственность. Нет, привидением меня не назовешь. И вовсе я не хрупкая. Мазарин похлопала меня по плечу, и меня переполнила благодарность к подруге, которая противопоставляла любым жизненным неприятностям изящные теории и шопинг.

– Поторопись, – приказала она. – Опоздаем в салон красоты.

Два часа спустя, мучаясь от жгучей боли после жесточайшей эпиляции, которую мне когда-либо приходилось терпеть, и сияя после грязевой маски из доисторического источника, я села в шелковое кресло и подставила свои руки и ноги для завершающего штриха.

Передо мной на табуретку опустилась девушка, и ее тоненькие белые ручки стали колдовать над моими. Тело ее тоже было худеньким, и работала маникюрша отстраненно, будто ее тело присутствовало здесь, но мысли витали где-то далеко. Наконец она заговорила:

– Мадам не заботится о своих ногтях. С этим я спорить не стала.

Она осмотрела мою правую руку.

– Если будете делать маникюр постоянно, ногти отрастут.

Словно песчинка в устричной раковине, я сидела в роскошной комнате, пока мои руки покрывали слоем крема, пудры и лака, чтобы превратить меня в жемчужину. Девушка продолжала бороться с моими заусенцами.

– Я буду делать маникюр, – заявила я. – Обещаю.

Так как мне было любопытно, Мазарин отвела меня посмотреть на дом в шестнадцатом округе. Даже в районе, где красивые дома росли как грибы, этот дом выделялся. Построенный из ослепительно белого камня, с множеством окон, он лучился величию, поражал завершенностью и хранил память о былых временах.

– Примерно тысяча семьсот тридцатый год, – прошептала Мазарин, когда мы, словно дети, заглянули во дворик сквозь кованые ворота.

– Почему ты шепчешь?

– Не знаю. – Мазарин заговорила нормальным голосом. – Одно время дом принадлежал герцогу де Салли. Внутрь заходить не будем, но там все в безупречном состоянии. Белый муслин, полированное дерево и прочее. Огромные кровати. Домработница – фанатка своего дела; прочитала мне лекцию о том, как избавиться от чесуицы.

Несколько окон были открыты; в них порхали белые муслиновые занавески.

– Значит, он не твой, – сказала я. Этот дом не станет прибежищем для плачущего ребенка, уставшего подростка и даже для обиженного взрослого. Это всего лишь место, где искусственно поддерживается вожделение.

– Пойдем. Ненавижу это место.

Когда мы уходили, из ворот, цокая высокими веретенообразными каблучками, вышла девушка. Она была стройной, смуглой и выглядела ухоженно. Замешкавшись, чтобы поправить золотую цепочку, поддерживающую сумку на плече, она поймала мой взгляд и улыбнулась в ответ коротко и жестко.

У входа в метро стояла цветочница с ведрами подвядших лилий и роз. Лепестки лилий сжались, как клешни; у роз был побитый вид. Рядом возвышалось еще одно ведро, наполненное вульгарными оранжевыми герберами – уродливыми, но живыми. Повинуясь импульсу, я купила букет.

В квартире Мазарин поставила герберы в вазу. В уголках ее губ залегли горестные морщинки.

– Ксавье должен был мне сказать.

Теплым воскресным днем я вернулась на Лейки-стрит. На полу валялась куча писем. Я подняла почту и рассортировала ее по

стопочкам. Счета, реклама, открытка от Поппи и еще одна – от Сэма. Оба сообщали, что у них все хорошо и мне не о чем беспокоиться.

Согретая заботой детей, я прошлась по дому, открывая окна и впуская свежий воздух; позвонила Ианте, которая должна была приехать на ужин. Потом проверила, как там мистер Сирс.

– Я и не заметил, что вы уезжали, – сказал он, когда я положил ему на колени коробку шоколадных конфет, привезенную специально для него.

– Рада, что вы по мне не скучали.

– Я тут размышлял о том, как мне повезло. Целый день на это уходит.

Я рассмеялась:

– Вообще-то я занималась тем же. Дома я приготовила макароны с сыром и накрыла стол в кухне. Моя мать всегда любила плотную, жирную и простую еду.

Ианта приехала точно вовремя и выглядела как обычно: опрятная, в мягком голубом кардигане и хлопчатобумажном платье в цветочек с широкой юбкой, только немного бледновата.

– Может, поужинаем в саду? Жалко сидеть дома в такую погоду.

Я даже не попыталась объяснить, почему сад так запущен. Просто достала поднос и свалила на него столовые приборы и фарфор.

Ианта наблюдала за мной.

– Есть новости?

– Насколько я знаю, нет.

Она вздохнула: сдавленный, раздраженный вздох родителя, которого швырнули о кирпичную стену:

– Не знаю, что бы подумал твой отец.

– Отец был очень практичным человеком, мама. Уверена, он бы понял. Мне кажется... все зашло слишком далеко и мы уже не сможем помириться. Мне придется признать, что Натан решил уйти окончательно. Этого мне не изменить. Я знаю, он никогда не принял бы столь безоговорочное решение, если бы не был настроен серьезно. Это гораздо сложнее, чем простить и забыть.

– Да, сложнее, если ты так решила.

– Mam, поверь мне... – Уязвленное выражение на лице Ианты заставило меня сменить тактику. – Раз уж мы об этом заговорили, ты так толком и не объяснила, почему снова не вышла замуж.

– Не нашла подходящего человека.

Настала моя очередь вздохнуть.

– Неправда. Был же Джимми Биствик. Он годами вокруг тебя крутился. Или милашка Нил... так почему же? Тебе было бы намного легче. Меньше мучилась бы одиночеством, и так далее. – Ианта отвела взгляд. – Давай же, расскажи мне.

Вытянуть признание было непросто.

– Твой отец был для меня всем. Я не была уверена, что у меня получится во второй раз. Что мне так повезет.

– Значит, все не так просто. Здесь замешана магия, колдовство; нужно верно подгадать время.

Ианта взяла поднос.

– Роуз, иногда мне кажется, что ты нарочно ведешь себя как дура. Главное – иметь здравый смысл и быть альтруисткой. Но я сомневаюсь, что в наше время кто-то разделяет мое мнение.

– Ты сама себе противоречишь, мама. Признай.

Потерпев поражение, она пожала плечами:

– Не могу объяснить.

В этом году я не доставала стулья из сарая в саду, так что пришлось взять пару из кухни. Ианта тяжело опустилась на стул.

Макароны с сыром навевают умиротворение; мы ужинали в тишине. Потом Ианта задумчиво проговорила:

– Жить с твоим отцом было чудесно: я и все, кто его окружал, чувствовали себя в безопасности. Поэтому я так и не оправилась после того случая с завещанием. Это было так на него не похоже.

К моему ужасу, ее глаза наполнились слезами.

– О мама, прошу тебя, не надо. Не плачь.

Ианта достала из рукава кардигана аккуратно выглаженный платочек и прижала его к глазам.

– Ничего... Все в порядке... Вообще-то меня кое-что беспокоит. Мне приходится сдавать анализы, и я плохо сплю. – Ее молчание встревожило меня сильнее, чем все, что она сказала до этого. – Ничего серьезного, знаешь...

Я придвинула стул ближе.

– Нет, не знаю, мама. Расскажи мне.

Ианта рассмеялась противным смешком: она смеялась так, когда была на публике и не знала, что сказать.

– Всего лишь опухоль. Доктор говорит, что скорее всего, обычная киста. – Она похлопала себя по груди.

Мои мысли отчаянно заметались.

– Когда и где ты сдаешь анализы?

– В том-то и дело. Там большая очередь.

Я вздрогнула.

– Я позвоню Натану. Ты вписана в его страховку.

Номер Минти до сих пор хранился в памяти телефона в гостинной; стоило нажать кнопку, и я уже говорила с Натаном.

– Натан, Ианте нужно срочно сдать анализы. Хотела спросить, можно ли пойти в больницу и воспользоваться твоей страховкой.

Натан кашлянул. Это всегда был плохой знак.

– Я как раз хотел поговорить с тобой об этом. Мне пришлось вычеркнуть из полиса вас обеих.

– Понятно. – Я помолчала. – Точнее, ничего не понятно. – Но тут до меня дошло: – Потому что вместо нас ты вписал Минти?

– Именно.

– Ты мне не мог сказать?

– Собирался, но вылетело из головы. Когда-нибудь я объясню, почему так поступил, но это было необходимо. Не волнуйся, больше никаких изменений я не делал.

– Давай-ка уточним. Значит, Ианта не может воспользоваться страховкой, чтобы провести срочные анализы, зато мы можем вызвать газовщика, чтобы починить колонку? Можем спокойно умирать в теплом доме. – Я пыталась держать себя в руках. В конце концов, чего еще можно было ожидать? Я сказала – скорее самой себе, чем ему: – И что же мне делать с Иантой?

– Ну... – Я слышала, как Минти что-то говорит на заднем плане, и Натан прикрыл трубку рукой. Последовало невнятное и, судя по тону Минти, довольно горячее обсуждение. – Роуз, – Натан вернулся на линию, – если тебе нужна помощь...

– Все в порядке, Натан, даже не думай.

Я бросила трубку и уставилась в пол. Ианта всегда говорила, что не будет жить вечно, но мне в это не верилось. В комнате похолодало; меня слегка трясло – не знаю, от злобы или от страха. И все же в одном я была уверена: я была одна.

Я соврала Ианте, что все устроено и ей нужно лишь послать счет на Лейки-стрит, чтобы я проверила его и переслала Натану.

Она вроде успокоилась и тихо, но настойчиво заявила, что хочет взглянуть на сад. Мама пошла по дорожке, часто останавливаясь, чтобы осмотреть растения. Я неохотно следовала за ней.

– Ты запустила сад, – укорила она меня. – Очень жаль.

– Я редко сюда выхожу.

– Но ты должна. – Мама наклонилась к клематису; платье с цветочным рисунком опустилось изящным водопадом. – Он завял, Роуз. Если сейчас же подрежешь цветы, сможешь его спасти. – Она посмотрела на меня пронизывающим, вопрошающим взглядом. – Ты распустилась. Что бы ни произошло, ты не должна сдаваться. Другие люди зависят от тебя, и ты должна подавать пример детям и мне. Мы все от тебя зависим. – Дочитав лекцию, мама растерла меж пальцев оливковый листок. – Я никогда не верила, что ты вырастешь, – сказала она olive.

Хотя меня разрывала боль, я все же рассмеялась.

– А я никогда не думала, что увижу, как ты разговариваешь с этим деревом. Пройдет еще пара лет, и ты вовсе его не узнаешь.

Ианта отвернулась. Я почти ощутила вкус ее страха и тревоги и прикусила язык. «Может, через пару лет меня и не будет», – ее невысказанные слова повисли между нами.

– Мама... – я лихорадочно соображала. – Мама, я хотела попросить, чтобы ты помогла мне с фонтаном. Одной мне не справиться.

Ее лицо сразу же прояснилось.

– Разумеется.

Я достала тележку, садовый совок и ведро и начала вычищать накопившийся мусор. Даже в воде листья гниют медленно, и те, что я доставала, сохранили форму. Мы работали вместе, почти не разговаривая. Ианта отодвинула проволоку, закрывавшую мотор, и придержала ее, а я просунула руку в механизм, вытащиладохлого головастика и комки грязи.

– Давай, мам, – сказала я, и она вернула проволоку на место. Я включила механизм, и в очистившийся бассейн хлынула вода. Я навела порядок среди крупных камней, которые мы с Поппи и Сэмом собрали

много лет назад в Хастингсе, и отошла назад, чтобы полюбоваться нашей работой.

Ианта отряхнула подол платья.

– Я рада, что мы это сделали.

Когда умерла мать Натана, он сказал, что ему хочется помнить ее такой, какой она была когда-то, до того, как болезнь взяла свое, и мне стоит сделать то же самое. Натан всегда мыслит рационально. Тогда, в тот самый момент, я решила, что таким и буду вспоминать его, когда мне вздумается ворошить прошлое. Пусть он останется человеком, который заботился о своей теще и тратил время, помогая ей с налогами и пенсией. Пусть теперь в свободное время он занимается другими вещами, но когда-то он это делал. Пусть Натан останется человеком, который когда-то по секрету сказал мне, что некоторые люди понятия не имеют, как устроен мир; и при этом делал все возможное, чтобы помочь.

Вечером следующего дня неожиданно раздался звонок в дверь. Это была Ви: раскрасневшаяся, запыхавшаяся.

– Транспорта у вас не дожدهшься, – бросила она.

– Так всегда было, – ответила я.

Я поцеловала подругу и отвела в гостиную.

– Приехала проверить, не собираешься ли ты покончить с собой. – Ви плюхнулась в голубое кресло, и я поняла, что она разговаривала с Мазарин. Поняла, что они присматривают за мной, и мне стало легче.

– С детьми все в порядке?

– Сэм часто приезжает, а Поппи присылает открытки с просьбой не беспокоиться.

Ви улыбнулась:

– Они у тебя молодцы.

Мне всегда нравилось, когда хвалили моих детей. Ви откинулась в кресле и закрыла глаза.

– Я совершенно измучена. Абсолютно выбилась из сил, до последней капли. Зачем я это сделала?

Я протянула ей бокал белого вина. Мне не нужно было спрашивать, что она имеет в виду.

– Выпей.

– Я мечтаю лишь об одном: как бы остаться одной, совершенно одной. И поспать. – Пока Ви говорила, ее лицо расслабилось, кожа побледнела, и она заснула – вот так, взяла и заснула. Потягивая вино, я сидела и мирно смотрела в окно: Прошло минут десять, и подруга проснулась. – О господи, Роуз. Зачем ты мне это позволила? Кошмар. Со мной такое случается постоянно. До смерти боюсь заснуть на совещании.

– Если ты будешь помалкивать, никто и не заметит.

– Злыдня.

Мы тихо рассмеялись. Ви заглянула в сумку – у нее тоже была сумка с книгами.

– Я хотела видеть тебя не просто ради удовольствия: ты мне нужна. Один из моих рецензентов стал часто выходить из себя, и я его вчера уволила. Теперь получается, что некому писать обзор путеводителей на лето. – Ви широко раскрыла глаза. – Вот я и подумала о тебе. Тебя еще не тошнит от серьезной литературы? Работа на неполный день. Заплачу как за полный... Проблема в том, что у тебя всего два дня... – она запнулась. – И одна из книг...

Я договорила за нее:

– Книга Хэла.

– Угу.

По моим щекам вдруг покатились слезы; это был выход эмоций, и я почувствовала себя беспомощной. Ви подскочила и стала промокать мне лицо платочком.

– Дурочка.

Долговременные привычки вошли в мою плоть и кровь, и чтобы переломить их, мне пришлось копнуть глубоко. «Тысяча оливковых деревьев» пролежала на кухонном столе час или два, прежде чем я во второй раз взяла книгу.

В романе описывалось пешее путешествие по Италии. «Путешествие, – писал автор в предисловии, – отмеченное множеством болезненных мозолей: распространенная напасть, которая сыграла в истории и войнах гораздо большую роль, чем можно было бы предположить».

Хэл начал путь в Венеции и двигался на юг, по старинному торговому пути. «Те, кто ступает на эту древнюю дорогу, обычно

руководствуются мирскими стимулами: пользой физических нагрузок, обаянием незнакомого ландшафта, ощущением достигнутой цели, – но часто испытывают удивление, проникнувшись чувством, которое можно назвать религиозным».

Язык Хэла был мне не знаком, как и новый язык Натана. Если я не ошибаюсь, раньше он не изъяснялся столь цветисто, и это вызвало у меня улыбку. Но я легко представила себе его походку: нетерпеливый быстрый марш, от которого я когда-то задыхалась. Я тоже взваливала на спину рюкзак и ступала по его следам, скользя по каменистому щебню, карабкаясь по извилистой тропинке, ведущей в горы, сквозь заросли дикорастущих трав, помятых нашими ботинками и наполняющих горячий воздух ароматом.

Мозоли вынудили Хэла остановиться в деревне Санта-Мария, приютившейся на изгибе холма среди оливковых рощ Умбрии. Там он обнаружил выставленную на продажу оливковую ферму. Вторая половина книги была посвящена тому, как он купил ферму и стал учиться культивации олив.

Я написала рецензию, уделив «Тысяче оливковых деревьев» не больше и не меньше внимания, чем остальным книгам обзора. Я назвала ее книгой для мечтателей.

Глава 16

Я послала рецензию по электронной почте и откинулась в кресле, сцепив руки за головой.

Хорошо, что я занялась какой-то работой. Это шаг вперед – мне полезно устроить тренировку для мозгов. В спокойствии и тишине моего кабинета одиночество уже не пугало. Я даже начала подозревать, что у него есть несколько плюсов. Разве мы – Ви, Мазарин и я – когда-либо признавались друг другу, насколько изматывающим может быть брак? Главное в управлении браком – опережать супруга не на шаг, а на два. И именно Натан научил меня тому, что ключ к комфорту и успеху супружества – в правильном компетентном управлении. Пусть этому принципу не хватает романтики, зато он справедлив.

Я задумалась: чувствовал ли Натан, что ему нужно управлять не только мной, но и самим собой? Нам не удалось справиться лишь с фамилльярностью. Теперь я это понимаю. Все-таки Марк Твен оказался прав: фамилльярность легко перерастает в скуку.

Лестничную площадку заливало солнце, и я чувствовала, как вокруг меня все входит в привычную колею: это мой дом – теплый, дружеский, знакомый. Он нуждается во мне. Ковер под окном покрылся пятнами сырости – окно с подъемной рамой, наверное, стоит заменить. Я добавила это к списку дел и включила электронную почту. Мне пришло одно письмо – под заголовком «СЮРПРИЗ, СЮРПРИЗ».

Дорогая мама. У меня для тебя большой сюрприз.

Мне сразу пришло в голову, что наше с Натаном ворчание не прошло даром, и Поппи хорошо сдала выпускные экзамены.

* * *

Мы на Ко-Самуи. Здесь просто супер. Никогда не видела более чудесного места. Такое неиспорченное. Тебе бы понравилось. Я влюбилась в Восток. Здесь так здорово, здесь все по-другому. А

теперь приготовься. Мы с Ричардом поженились. На пляже, это было прекрасно – настоящее безумие, и я очень счастлива. Пожалуйста, скажи папе. Я тебе позвоню. Люблю тебя. Поппи.

P. S. На экзаменах я получила две двойки.

Я схватила сумку и побежала к машине.

В детстве Поппи считала, что отец любит ее больше Сэма. Я не раз объясняла ей, что это не так, что мы оба любим ее и Сэма одинаково. Но Поппи, которая никогда не хотела признавать равных возможностей, лишь дерзко хихикала и протягивала ручки, чтобы ее приласкали. Умница Поппи инстинктивно понимала, что заговор с целью представить жизнь справедливой и равной для всех – не более чем заговор.

Я позвонила в их квартиру. Дверь открылась, и на пороге появилась Минти – с полупокрашенным лицом, в атласной комбинации под белым махровым халатом.

– Какого?... – Она нахмурилась. – Роуз, ты что, спятила?

– Я хочу поговорить с Натаном.

Она замялась:

– Сейчас посмотрю, не занят ли он.

– Зови его, быстро. Хотя... – Я оттолкнула Минти и вошла в крошечную прихожую, которая казалась еще меньше из-за двух огромных чемоданов – чемоданов Натана – которые стояли у стены. – Натан!

Из душа доносился звук льющейся воды; он прекратился, и из ванной комнаты вышел Натан, – тоже в белоснежном махровом халате. Он был таким незнакомым, что я осеклась.

– Роуз, что произошло? – У него был встревоженный вид. – Что-то с Иантой?

– Нет, это не дело жизни и смерти, но все же я в шоке. Натан, Поппи только что прислала электронное письмо и сообщила, что они с Ричардом поженились. – Я замолчала. – Вроде она счастлива.

– Ты шутишь, – тихо проговорил Натан.

– О господи, – ахнула Минти.

Он провел меня в лилипутскую гостиную, заваленную газетами, книгами и грязными чашками из-под кофе. Слишком большой диван и

один стул делали комнату еще более тесной. Натан рухнул на диван и уронил голову в ладони. Его трясло.

– Не знаю, что сказать. Я его убью.

Я села рядом.

– Поппи еще ребенок, что бы она ни думала.

– Ты тоже была ребенком, – заметила Минти.

– Но тогда все было по-другому, – Натан обращался ко мне, а не к Минти.

– Ничего подобного. – Минти презрительно смотрела на нас. – Ради бога, Поппи уже двадцать два.

Мы проигнорировали ее слова. Натан нашел мою руку.

– Ты догадывалась? Может, мы за ней недосмотрели?

– Откуда нам было знать? Поппи даже не намекнула.

Натан ухватился за соломинку:

– Погоди-ка. Может, это одна из тех декоративных церемоний, которые не имеют законного действия?

Минти крепко завязала пояс халата вокруг своей тоненькой талии и с видом превосходства произнесла:

– Натан, Поппи уже взрослая и может сама делать выбор. Печально, что она не посоветовалась с тобой, но это же не конец света. – Ей удалось привлечь его внимание. – Тебе не приходило в голову, что Поппи сбежала именно потому, что не хотела, чтобы вы вмешивались?

– Спорим, это тот парень ее заставил. – Натан прикрыл глаза рукой.

Минти закатила глаза.

– Брось эти викторианские замашки. Поппи никто не заставлял, она сама сделала выбор. Нельзя впадать в гнев, обижаться и строить теории заговора лишь потому, что тебе не по душе то, что она сделала.

В каком-то смысле Минти была права. Но с другой стороны она говорила чушь и ничего не понимала – да и как она могла понять?

– У тебя нет детей, – сказала я.

В душной комнате повисла тишина.

Натан и Минти переглянулись. Минти сложила в стопку несколько книг, валявшихся на низком стеклянном кофейном столике.

– Если у тебя есть дети, Роуз, это вовсе не делает тебя самой умной. Я-то ближе к Поппи по возрасту. – Она швырнула в стопку еще одну книгу. – Если у тебя есть дети, это вовсе не значит, что ты лучше

остальных людей! Не тебе одной позволено быть опытной и рассуждать. Нам, простым смертным, тоже есть что сказать по этому вопросу.

– Минти, – предупреждая проговорил Натан, – мне кажется...

– Все в порядке, Натан. – Минти напомнила мне о том, чего я лишилась, – о долгих, захватывающих, наполненных любовью годах, которые никто и ничто не сможет отнять.

Минти потерла ногой ковер.

– Извини.

Натан высморкался.

– Я даже не знаю фамилии Ричарда.

– Знаешь. Локхед, – сказала я.

Натан поднялся и подошел к узкому окну с видом на унылую красную кирпичную террасу дома напротив. Он казался слишком огромным для убогих размеров комнатухи.

– Что будем делать?

Минти нетерпеливо проговорила:

– Для начала я бы хотела закончить одеваться – и тебе тоже не помешает, Натан. Иначе опоздаем.

Она треснула дверь спальни, и Натан повернулся ко мне.

– Не уходи пока.

Когда Минти появилась из спальни в кожаной юбке и фиолетовом топики, сквозь который просвечивали соски, мы все еще были увлечены разговором. Натан предлагал лететь в Таиланд и притащить Поппи домой. Он сокрушенно произнес:

– Как она могла так с нами поступить?

Положив руку на бедро, Минти слушала.

– Поверить не могу, что ты несешь такой бред. Позволь напомнить тебе, что Поппи теперь замужняя женщина. Ты выставишь себя идиотом, если попрешься туда!

Я украдкой покосилась на Натана. Он отреагировал более сдержанно, чем я ожидала, и это меня встревожило. Ему было больно, он был горько обижен тем, что Поппи забыла о нас в столь важный момент.

Минти рубила дальше. Она не знала о том, что в секретере в кабинете Натана хранилась значительная сумма на свадьбу, которую он планировал отдать Поппи.

– Разве вы не должны чувствовать облегчение оттого, что Поппи в безопасности, что ей хорошо, что она счастлива? У нее же не проказа или что-то вроде того. – Минти выпятила губки. – Сам подумай, Натан, ты же повел себя неожиданно – так почему бы Поппи не сделать тоже самое? Может, ей кажется, что она платит тебе той же монетой.

Это разозлило Натана настолько, что он вышел из печального ступора. Ледяным голосом он произнес:

– Хватит. Я тебя понял. Я вскочила и взяла сумку.

– Я уйду. Если захочешь поговорить о Поппи, ты знаешь, где меня найти.

– Роуз, давай обсудим это завтра, когда я все обдумаю. – Натан снова переключил внимание на меня. Как ни странно, он гораздо лучше контролировал себя, когда злился, чем когда расстраивался; думаю, именно поэтому он позволял себе злиться довольно часто, и те, кто его плохо знали, считали его не таким уж милым человеком. Это было необычное, интересное качество, и я к нему привыкла. А Минти – нет. Она развернулась и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Я сидела в машине пять или десять минут, пытаюсь собраться с мыслями. Как это похоже на Поппи: отплатить нам с Натаном той же монетой. А может, наш разрыв настолько потряс ее, что она стала искать стабильности в другом месте? Боже мой, она даже не понимала, что делает.

Я вставила ключ в зажигание, и тут открылась дверь квартиры Минти. Натан с Минти быстро пошли к машине, горячо переговариваясь. Минти запахивала коротенький красный жакет и хмурилась. Натан, в темном костюме и голубом шелковом галстуке, был чернее тучи. Он сел в машину, захлопнул дверцу и, даже не дождавшись, пока сядет Минти, завел мотор.

В Таиланд и из Таиланда посыпались отчаянные письма. «Из-за чего сыр-бор? – писала Поппи. – Почему вы не можете порадоваться за меня? Что за игру затеял папа? Мы едем в глубь страны на медовый месяц и в середине июля возвращаемся в Англию. До тех пор связаться со мной будет нельзя».

Пришлось смириться.

Пока Ианта лежала в больнице, ей пришлось отстаивать очередь почти в каждое отделение, но, будучи в этом деле большим мастером, она справилась с обычной стойкостью. Когда я поехала ее забирать, она приютилась на стуле в глубине палаты и наблюдала за рыбками в аквариуме, которых, видимо, подбирали по их унылому виду. На столике лежали древние растерзанные журналы. Резиновые подошвы туфель медсестер скрипели о линолеум; где-то беспрерывно звонил телефон.

– Вот ты и пришла, Роуз.

Я села рядом, и мы обсудили ее самочувствие. Потом я выпалила:

– Мама, лучше уж я тебе скажу. У Поппи новости.

– Моя милая девочка. Как у нее дела?

– Эта милая девочка сбежала и вышла замуж на пляже в Таиланде. За Ричарда Локхеда.

– О. – Ианта потеряла жемчужную пуговку на манжете. – Как печально. И никого из нас не позвала. – Мама по-прежнему теребила пуговицу. – Значит ли это... она беременна?

– Насколько мне известно, нет. Нет, не думаю, что женщины из поколения Поппи выходят замуж, поскольку беременны. Я слегка в шоке, – горячо проговорила я, – но намерена делать вид, будто обрадована. Устроим для них вечеринку, когда приедут домой. – Я подняла ее чемодан. – Когда доктор назначил прием?

– Через пару недель, когда будут готовы окончательные результаты анализов. Давай не будем об этом думать.

Она проявила такое нежелание обсуждать эту тему, что я не стала допытываться. На Пэнк-херст-Парейд мы возвращались по улицам, где машин летом становилось меньше и меньше. Время от времени я смотрела на маму. У нее был хороший цвет лица, губы как всегда ярко накрашены, и я могла испытывать лишь гордость за свою храбрую мать, которая научилась справляться с одиночеством и нехваткой денег.

Новости от Поппи разворошили старые воспоминания.

– Когда твой отец сделал мне предложение, он повел меня вдоль ручья к пруду с форелью. Цвели нарциссы, на деревьях висели сережки, вокруг было так красиво и спокойно, но я думала лишь о том, что волосы у меня от сырости начнут виться. Моросил легкий дождик. У меня не было времени переодеться, и я боялась, что от меня

пахнет... ну... потом, потому что мне пришлось бежать за автобусом. – Мама улыбнулась. – Он казался таким милым и серьезным в твидовом пиджаке, а я была в отчаянии, потому что выглядела не лучшим образом. Мне хотелось, чтобы все было идеально.

– Ты выглядела идеально на свадьбе, – напомнила я. – На фотографиях ты вышла прелестно.

– Тогда тоже шел дождь, можешь себе представить?

– Жаль, что папа так рано умер, – заплакала я. – Жаль, что тебе пришлось так много страдать.

– В страданиях нет ничего особенного, Роуз. Это так же естественно, как рост волос. Надо просто научиться справляться и жить дальше.

В доме номер четырнадцать было как в бане; я открыла все окна, а Ианта приготовила чай.

– Представь, одна медсестра называла чай «Мистер Утешитель».

Я помогла ей распаковать вещи. Я давно не заходила в спальню Ианты. На прикроватном столике, на самом видном месте, стояла фотография: мы втроем у коттеджа «Медларз», мне восемь лет. На туалетном столике – баночка крема для лица, тюбик бесцветного лака для ногтей, щетка с серебряной ручкой, такая старая, что половина щетины повылезла. В шкафу аккуратно стояли шесть пар туфель, на вешалках висело зимнее пальто из ломаной саржи и платья. Ианта наблюдала, как я осматриваю ее вещи.

– С возрастом, Роуз, одежды надо все меньше и меньше.

– Как печально.

Я открыла ящик, чтобы убрать чистую ночную рубашку, и чуть не задохнулась от знакомого запаха.

– Лаванда. Какой сильный запах.

– Пока не забыла... – Ианта что-то искала на полке в шкафу. – Купила тебе пару мешочков на церковной ярмарке.

Я молча держала их в руках, атакованная сильной, незабвенной ностальгией.

У Ви были на меня еще планы. С почтой пришло приглашение на гала-ужин в честь выхода лучших книг этого лета. Многие годы у меня был свой столик на этом мероприятии. На обратной стороне

приглашения Ви нацарапала: «Теперь у меня свой столик. Ты будешь гостем».

Я положила приглашение на стол в кабинете. Для меня такая ситуация была в новинку, и я ощутила прилив волнения и нервный укол в глубине живота; пожалуй, даже любопытно посмотреть, что произойдет и как я отреагирую. Признаю, в последние несколько недель я не очень-то задумывалась о своей карьере; этот мир от меня отдалился. Словно по сигналу зазвонил телефон.

– Никаких отговорок, – отрезала Ви. – Понимаю, я предупредила в последнюю минуту, но ты обязана прийти. И еще, Роуз: сходи к парикмахеру.

Готовясь к вечеру, я гордилась собой. Ни минуты не колеблясь достала из шкафа черное платье без рукавов и выбрала невероятно стильные туфли, купленные в Париже. Нанесла крем-пудру, серые тени, обвела губы алым контуром и закрасила его помадой.

– Вот так, – обратилась я к своему творению в зеркале, – неплохо. – Я положила руку на живот: он оказался приятно плоским. Губы сияли, платье обволакивало бедра, стопы изогнулись на высоких каблуках. В довершение образа я вытряхнула на кровать содержимое сумки, выбросила скомканные бумажные платки, очистила щетку для волос и положила ее, помаду и ключи в оригинальную сумочку в форме цветочного горшка.

Когда я приехала в отель, толпа мужчин и женщин, одетых преимущественно в черное, двинулась к комнате, где подавали напитки. Какая-то странная девушка ощупала мою сумку. «Все в порядке», – сказала она.

Кто-то произнес: «Привет, Роуз. Давно не виделись... давай не теряться...» – и прошел мимо.

Из толпы появилась Ви в больших броских серьгах и помахала мне рукой.

– Выглядишь потрясающе. Ни капли не похожа на брошенную жену. Внимание, – она повысила голос. – Это Роуз.

Меня представили уважаемому театральному критику, автору книги «Будущее театра», которая пользовалась большим вниманием; мужчине, с ног до головы затянутому в кожу, и писательнице сердитого вида, на которой была пышная юбка, широкий пояс и водопад ожерелий. Театральный критик переключился на Кожаного

Человека, и мне пришлось общаться с романисткой, которая писала под псевдонимом Анжелика Браун.

– Я слышала, у вас только что вышел новый роман?

Она рассердилась еще сильнее.

– Он хорошо продается, и я очень им горжусь, разве что... Я получила плохие рецензии. Критики, знаете ли.

– Я все знаю о критиках.

Нервная, как и все писатели, она продолжала:

– Мой роман – об ошибках природы. У юных девушек полно эстрогена и окситоцина – гормонов, которые нужны для деторождения. У молодых людей через край тестостерона, который толкает их на подвиги. В среднем возрасте, когда уровень тестостерона у мужчин начинает падать, женский организм прекращает вырабатывать эстроген и начинает производить тестостерон – тут-то женщины и пускаются во все тяжкие, а мужчины довольствуются игрой в гольф и соревнованиями лучшую лужайку. Говоря языком литературы, самый подходящий сюжет для трагедии.

– Пожалуй, вы правы. Неужели мужчина и женщина никогда не достигают баланса?

Она нетерпеливо пожала плечами:

– В том-то и дело.

– Анжелика, – Ви проводила ее в просторный обеденный зал с вращающимися стеклянными шарами на потолке, – вопросы пола устарели. Вышли из моды. Мы больше об этом не задумываемся.

Меня посадили между театральным критиком, которого звали Лоуренс, и Кожаным Человеком, типографом из Эссекса, который наклонился и развернул мою салфетку.

– Надо налечь на вино, – с воодушевлением произнес он.

Я прекрасно ладила с Лоуренсом, который оказался приятным, остроумным собеседником, пока не сделала ошибку и не посмотрела на соседний столик. Там спиной ко мне сидел Натан. Через стул от него, в профиль ко мне, восседала Минти. За их столиком сидели одни начальники из «Вистемакс Груп» с женами, в том числе и Таймон, и Идеальная Жена Кэролин Шейкер, и несколько известных писателей со спутницами. На их фоне Минти выглядела белой вороной. Она надела тускло-зеленое платье с глубоким вырезом, которое ей не шло. Ее участие в беседе было минимальным.

Ви корчила мне отчаянные рожи через стол – извини, извини, шептала она.

Как ни странно, больше всего меня расстроило то, что Натан не догадывался о моем присутствии. Вернулся страх, будто я растворяюсь и становлюсь невидимкой, сливаюсь со стенами и ковром. Снова прозвучал вопрос: кто такая Роуз?

Я с усилием вспомнила парижанку из зеркала – интересную, изысканно одетую, которой было что сказать, которая справилась и с материнством, и с карьерой, и с ведением домашнего очага, которая любила мужа, детей, еду, вино, море... свой сад. Постепенно паника исчезла, и мне стало легче дышать. Я опустила глаза и обнаружила, что расщепила булочку на шарики и разложила их орнаментом: маленькие в середине, а большие – в кружок по краю тарелки.

Притворившись, будто слушаю обличительную речь Лоуренса против современного театра – слишком дорогой, никакой изобретательности, посредственный, – я стала следить за Натаном. Он казался каким-то другим. Держался более свободно и не так зажато. Он уже не соответствовал шаблону, который создал вокруг себя, когда его повысили до заместителя редактора. Мимо столика прошел его коллега, поздоровался, и Натан ответил непринужденно и обаятельно. Он улыбался легко и удовлетворенно.

Мое дыхание участилось: он стал таким после того, как ушел от меня.

Минти порыскала в сумочке и подкрасила губы; ее рот был похож на кровавую рану под раскосыми глазами. Кэролин поднесла к губам бокал и кивнула мне в знак солидарности. Принесли говядину: она оказалась слишком жесткой и жилистой. Я почти не притронулась к ней.

– Вы не голодны? – поинтересовался Кожаный Человек. Я с облегчением обернулась и заговорила с ним.

Выступления я почти не слушала. Погас свет, вспыхнули стеклянные шары. Наконец зрители захлопали в последний раз, и вечер подошел к концу. Кто-то дотронулся до моего плеча.

– Привет, Роуз, я тебя искал. – Это был Монти Чэвет. – Ты похожа на прекрасный цветок. Можно поставить тебя в мою вазу?

Он провел меня через толпу и похлопал по спине какого-то мужчину. Тот обернулся.

– Привет, Монти, – это был Таймон; само дружелюбие, пока он не увидел меня.

– Послушай, Таймон, – Монти повысил голос, а он у него и так был громовой. – Ты сделал ошибку, вышвырнув эту девочку. Она была лучшей в городе. Может, передумаешь? – Меня тронуло его рыцарство.

Таймон не растерялся:

– Роуз прекрасно поработала, не так ли? Я рад, что ты ценишь ее так же, как мы. – Он обнял Монти за плечи. – Маленькая птичка начирикала, что осенью у тебя выходит книга. Мы обязательно должны на нее взглянуть. Пришли мне экземпляр.

Монти был трогателен в своем искреннем желании заступиться за меня, но все же он был обречен.

– Конечно. – Он пожал плечами, и я улыбнулась: без обид.

Таймон увел Монти.

– Хочу тебя кое с кем познакомить.

Кто-то вежливо дотронулся до моего локтя.

– Здравствуйте, – проговорил Нил Скиннер, тот самый замминистра. – Я надеялся увидеть вас здесь. – Вид у него был чуть менее подавленный, чем в феврале, во время нашей прошлой встречи. – Ходят слухи, что в ходе следующей перестановки меня переведут в министерство культуры, так что я обманом заполучил приглашение на этот вечер. – Он смерил меня одобрительным взглядом, и меня это сильно позабавило.

– После самоубийства Флоры Мэддер я много думала о нашем разговоре, – призналась я.

Нил нахмурился:

– Да, просто чудовищно. Разумеется, ни для кого не было секретом, что она страдала маниакально-депрессивным психозом и давно грозила покончить с собой. Чарлз пытался поддерживать видимость нормального брака и мучился от страха, что она убьет себя... это был всего лишь вопрос времени.

– Как жаль. – Я задумалась. Какая же я дурочка, как я могла забыть, что пресса освещает лишь внешнюю сторону событий. – И все же газеты должны понести ответственность.

Он снова коснулся моей руки.

– До сих пор занимаетесь этим грязным бизнесом?

– Меня уволили, но я буду искать работу.

– Не теряйтесь, ладно? – Я с удовольствием пообещала держать связь.

По дороге в гардероб я заметила Минти. Она пыталась не свалиться с лестницы в обтягивающем платье и на неудобных каблуках и одновременно поддерживать разговор с Питером Шейкером. Она двигалась как робот.

Наверху лестницы она обернулась. Ее глаза округлились, и меня охватила... не знаю... вспышка паники и злобы. Что бы Минти ни надеялась увидеть, ее ожидания не оправдались.

Прошла минута, и я опять узнала прежнюю Минти. Она наклонилась к Питеру, коснулась его руки, и он стал слушать ее с удвоенным вниманием. Во мне всколыхнулась горечь, резкая, едкая, и я попыталась ее унять. Дело не в том, что жизнь оказалась несправедливой – все было не так просто. Жизнь всегда была несправедливой, всегда была зыбучим песком. Просто я еще не смирилась с уходом Натана, я еще не до конца обрела контроль над собой.

– Роуз... – Голос был одновременно знакомым и незнакомым. Я обернулась. – Роуз, ведь это ты?

Глава 17

– Хэл!

– Значит, Роуз. Я не был уверен.

Его волосы были длиннее, чем на фотографии в книге, и аккуратнее причесаны, но так же выбелены солнцем. К тому же за три года знакомства я ни разу не видела Хэла в воротничке-стойке и фраке. Он был похож на процветающего кинопродюсера.

Толпа уходящих гостей омывала нас, как Красное море. Я стояла лицом к лицу с человеком, которого когда-то любила больше всего на земле, и время перевернулось. Я перенеслась в жаркую, душную спальню отеля в Кецеле, где лежала на кровати и желая его всем сердцем, я сказала, что выбрала для себя другую жизнь.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я. Идиотский вопрос. Ошеломленный не меньше моего, Хэл ответил:

– Я писатель.

Ко мне вернулась способность мыслить.

– Конечно, твои книги пользуются большим успехом.

Повисла неловкая тишина; мы ломали голову, что сказать дальше.

Как обычно, Хэл взял все в свои руки.

– У тебя есть минутка? Пойдем выпьем. – Не дожидаясь ответа, он взял меня под локоть, и мы вернулись в обеденный зал. Хэл выпросил два бокала бренди у насупившегося официанта, которому хотелось пойти домой.

Его прежняя уверенность никуда не исчезла, как и торопливые, решительные жесты – нетерпеливость и обаяние. Он протянул мне бокал.

– Читал твою рецензию на «Тысячу оливковых деревьев». Спасибо тебе.

Мы сели за пустой столик. Официанты устало сновали от одного столика к другому, разбирая нагромождение бокалов, скомканных салфеток, недоеденных булочек и ведер для льда.

Хэл улыбнулся:

– Хотел бы возобновить наше знакомство... если можно так сказать.

– Лучше скажи «начать».

– Да, начать, – согласился Хэл. – Мы так давно не виделись. – Он пристально посмотрел на меня. – Внешне ты почти не изменилась.

– Ты тоже. – Отчасти я врала: вблизи он казался старше, на подбородке появился незнакомый мне шрам. Я сказала как можно спокойнее: – Я знаю, что дела у тебя идут хорошо. Ты стал одним из самых знаменитых писателей-путешественников своего поколения.

– Все так говорят.

Он выглядел хорошо: стройный, подтянутый, и казался довольным. Испортился ли его характер? Этого я понять пока не могла, но мои мысли меня удивили: характер интересовал меня куда больше, чем то, способна ли его красота по-прежнему вскружить мне голову. Когда мы только познакомились, моральные качества Хэла не были для меня на первом месте. Двадцать пять лет могут пролететь мгновенно, как щелчок пальцев, но за это время человек сильно меняется, и мне хотелось узнать, каким он стал.

Хэл повел плечами:

– У меня было предчувствие, что мы встретимся. – Тягучий акцент стал менее отчетливым, чем раньше. – Хотя нет, это неправда. Я спросил своего агента, будешь ли ты здесь.

– У тебя рекламный тур?

Хэл долго смотрел на меня.

– Я поселился в Британии, – ответил он. – После женитьбы. Аманда терпела меня как могла, потом все же выгнала, но я все равно остался здесь. Привык жить на острове. – Он постучал по кончику носа. – Честно говоря, лучше уж быть большой рыбой в маленьком пруду, чем наоборот. Я добился того, чего хотел: жил той жизнью, которая меня устраивала. А ты?

Руки у меня стали холодными. Я выбрала столь же бесстрастный и, как мне казалось, нейтральный тон.

– Я сейчас ищу работу.

– И?

Изворачиваться не было смысла.

– К сожалению, мы с мужем недавно разошлись. Он решил уйти к другой. Сейчас я привыкаю к новой ситуации, а там будет видно.

Хэл изучал содержимое бокала.

– Но ты не жалеешь?

Это был опасный вопрос, но лучше ответить на него и покончить с этой темой.

– Нет, что ты, я ни о чем не жалею.

– Ну и прекрасно, – произнес Хэл.

Я направила разговор в более безопасное русло:

– Где ты в последнее время побывал?

– Я следил за тем, как копают колодцы в Намибии. Там острая нехватка воды и нет финансирования. – Он потрогал пальцем бокал. – В ближайшее время планирую вернуться на территорию племени яномами. Помнишь?

Я похолодела.

– Еще бы.

Он наклонился, и наши лица почти соприкоснулись.

– Одна мысль не давала мне покоя. Скажи, Роуз, у тебя есть дети?

– Двое. Сын и дочка. А у тебя?

– Нет, и я так и не понял, рад я этому или нет.

Последовала задумчивая тишина, и я перебрала множество возможных ответов. И снова остановилась на наиболее нейтральном.

– У тебя были другие дела, Хэл. – Этот разговор меня больше не смущал, и мне стало очень любопытно. – Расскажи об оливковой ферме в Италии.

Он откинулся в кресле.

– Дом пока похож на помойку, но территория замечательная. За деревьями нужно ухаживать, и я собираюсь этим заняться. – Хэл сделал глоток бренди. – Второй вопрос: та оливковая веточка прижилась?

– Да. Она растет в моем саду.

Наши взгляды пересеклись, и между нами возникли призраки юного Хэла и юной Роуз, настойчиво требуя воссоединения. Мимо прошел официант со стопкой скатертей под мышкой, и я перевела внимание на него.

– Как-то странно вести с тобой светские беседы, – наконец проговорила я.

– Ладно. Давай поговорим серьезно. Я часто думал...

– Не надо. – Мой взгляд упал на левую руку и палец без кольца.

Хэл уловил цепочку моих мыслей.

– Ты не должна переживать. – Его тон был милым, обезоруживающим, так хорошо знакомым. – Я вот не переживал. Это не очень хорошее занятие.

Это было так похоже на Хэла, что я рассмеялась:

– Я знала, что ты не станешь переживать. Знала, что ты будешь рад; так и случилось. Ты был свободный человек, ты мог поступать как хочешь.

– И да и нет. – Он положил руку на мое обнаженное плечо; кожа под его пальцами покрылась мурашками. – Я вовсе не говорю, что не переживал, Роуз. Но ты показала мне, что тебе необходимо двигаться дальше. Наступает момент, когда понимаешь, что перерастаешь события. Какие-то ситуации перестают тебя устраивать. Такое бывает. Разумеется, мне неизвестны обстоятельства, но ты не должна наказывать себя. – Он изучил остаток бренди на дне бокала. – Если сможешь, воспринимай это как новый шанс.

У Хэла всегда все было так легко, и я почувствовала себя до нелепости беззаботной.

– Ты ни капли не изменился. Мой муж ушел от меня к молоденькой девчонке, какой уж тут новый шанс? – Я поставила стакан на стол и заметила, что он почти пуст. – Так можно говорить через много лет, когда все уже в прошлом, все уже умерло. Но Мазарин – помнишь ее? – Мазарин бы с тобой согласилась.

– Значит, по-твоему, слишком расчетливо рассматривать ситуацию с такой точки зрения?

– Пожалуй.

– Но уходя от меня, ты тоже руководствовалась холодным расчетом. – Он говорил ровно, без злобы.

– Нет, Хэл. – Я подняла глаза. – Тогда мне казалось, что я действую из лучших побуждений.

Он погладил ножку бокала.

– Мне жаль, что тебе пришлось нелегко. – Хэл ласково улыбнулся. – Если бы твой муж ушел к твоей ровеснице, а не к молоденькой, тебе было бы легче?

– Не знаю. Возможно. Полезно, когда есть кто-то, кого можно ненавидеть, а если бы она была милой бедной вдовушкой, я, пожалуй, испытывала бы другие чувства. – Я разгладила подол платья на коленях. – Сейчас, когда первоначальный шок прошел, я все время

думаю обо всякой ерунде: как мы будем делить фарфор, – кому достанутся резиновые сапоги. У нас их целая куча. – Я прекрасно понимала, что уклоняюсь от темы разговора. – Между прочим, та женщина, Минти, была моей ассистенткой и подругой, и заодно она украла и мою работу.

Он поднял бровь.

– Продолжай. Интересная у нас получается светская беседа.

Я сделала последний живительный глоток бренди.

– Сначала я потеряла Натана, что само по себе плохо. Потом будто кто-то взмахнул волшебной палочкой, и я превратилась в невидимку. Я была замужней женщиной, у меня была устроенная жизнь и все прочее, и вдруг я словно стала расплывчатой фигурой на заднем плане картины или фотографии. Знаешь, одним из тех безымянных существ, которым остается убирать навоз по прошествии кавалькады Наполеона. Тем, кого просят подождать и последним сажают в спасательную шлюпку. Я не против того, чтобы быть безымянной – наверное, для души это очень полезно, – но это стало для меня потрясением. – Вызванный бренди поток слов иссяк, и я взглянула на Хэла. – Хэл, я понятно объясняю? Нет, наверное; не обращай на меня внимания.

Дверь в обеденный зал приоткрылась.

– Хэл, – раздался голос, – вот ты где. Я тебя потеряла. В дверях показалась голова сотрудницы рекламного агентства: я смутно ее помнила. – Джейсон Вери из Карлтона хочет тебя видеть. Можешь подойти?

В комнате стало прохладно; лишенная блеска, она выглядела унылой. Я сжала свою сумочку. Девушка неуверенно переводила взгляд с Хэла на меня.

– Роуз, не так ли? – Она наморщила лоб. – Кажется, мы знакомы.

– Точно, – ответила я. – В прошлом году вы были на рождественском ужине, который я устраивала в редакции.

– Правда? – Ее лицо прояснилось. – О, конечно.

Хэл поднялся и поцеловал меня в щеку.

– Увидимся, – произнес он и вышел из зала вслед за девушкой.

Если бы меня попросили описать мою мать, я бы назвала Ианту человеком, в памяти которого хранились живые воспоминания, не

теряющие с годами резкость. Юная невеста, счастливая жена и мать; вдова, чье беспрестанное горе сделало ее мудрой и гордой. «Твой отец был для меня всем. Не хочу пятнать его память, мне никто больше не нужен, Роуз», – говорила она.

Сперва я соглашалась с ее точкой зрения: пожалуй, никто не мог бы занять место отца, и мне нравилось слышать, что он незаменим и уникален. Лишь потом, когда я научилась прозорливости, я стала думать иначе и так и не поняла, что мешало Ианте. С ее врожденным умением сопереживать и мастерским обращением с мужчинами, гениальными способностями домохозяйки и постоянной боязнью нехватки денег, Ианта намеренно растрачивала себя. И почему она отправила нас в ссылку на южную окраину?

– Мне казалось, жить рядом с большим городом будет легче, – говорила мне мама. Имелось в виду легче для меня: как самка пеликана, она выщипывала перья из своей груди, чтобы согреть детеныша. Помню, как она стояла в кухне дома на Пэнкхерст-Парейд и месила тесто для рогаликов. – В любом случае наш дом там, где мы его создаем. – Мама бросила рогалики на сковороду. Кухню сразу же наполнил чудесный аромат. Когда рогалики были готовы, она разрежала их пополам, намазала маслом и подвинула мне бело-голубую тарелку.

Но дом Ианты находился не на юге. Ее дом был там, где стены из сухого камня, похожие на рыбий скелет, разворачивались веером в сторону долины, а деревья росли так близко к ручью, что ветви наклонялись и в воде рябило. Когда шел дождь, стволы становились черными.

Ианта могла с закрытыми глазами приготовить рогалики или мясной пирог с почками. Делать домашние дела для нее были столь же естественно, как дышать. В коттедже «Медларз» она выращивала овощи и зелень в садике рядом с кухней. Картофель и морковь были покрыты пятнами и наростами; горошек был крошечный, сладкий и землистый на вкус. На кухне она носила передник поверх твидовой юбки и пастельного джемпера; сзади он завязывался на бантик. Вечером, при звуке папиных шагов, мама снимала его и проводила рукой по волосам. Тогда у нее была короткая стрижка и завивка, от которой волосы напоминали нимб.

После смерти отца вязанка дров уменьшилась, в желоба забились листья, сад умер, и я обморозила себе руки. Когда я расставляла пальцы, кожа лопалась. Я не раз видела, как Ианта рыдает над грядкой картофеля, который заразили паразиты, или из-за плохого куска баранины, которую ей продал Джо из мясного магазина, думая, что с вдовой можно не церемонится. Когда она была замужней женщиной, он так не поступал. И все же Ианта мирилась с быстро растущим числом ограничений и подражала тем образцам, которые сложились в ее сознании. Вдовство означает боль. Вдовство – это самопожертвование и утрата.

Постепенно завивка отросла; волосы обвисли и стали некрасивыми от горя и истощения. Поселившись на Пэнкхерст-Парейд, где лишних денег на парикмахера не было, мама прекратила стричься и убирала волосы наверх, что шло ей больше.

Она знала, что к чему, и защищала свое право жить согласно собственному кодексу правил. «Этой женщине нужно устроить хорошую порку», – мрачно заявила она, прослушав по радио пьесу Ибсена «Кукольный дом». «Он никогда не остепенится, – говорила она о Хэле, поджав губы. – Такие мужчины, как он, никогда не успокоятся». – Как же меня это бесило.

Из-за него мы довольно сильно поссорились. Ианта уперлась, пришла в ярость и ужасно разозлилась. Но все было бесполезно. Я была влюблена по уши, обезумела от страсти и была взволнована путешествием в новый мир, мир Хэла.

На третий год учебы в Оксфорде меня переполняла жгучая энергия, и я доработалась до отупения. Весной, перед выпускными экзаменами, я искала работу и ходила на собеседования. Одной из вакансий было место младшего сотрудника в издательской ассоциации, где мне предложили обсудить изменчивую природу новостей. Я возразила, что серьезные новости освещают радио и телевидение, поэтому газеты должны заняться другими сферами интересов. «Наступает век тематических статей», – завершила я, и, похоже, мое выступление понравилось, так как мне предложили работу. Хотя, возможно, это произошло потому, что не нашлось ни одного идиота, который согласился бы на такую мизерную зарплату.

Естественно, Ианта не одобрила мой выбор. Ей хотелось, чтобы я избрала более стабильную профессию, например преподавание. Она

не верила в мир масс-медиа и не понимала его. В тот период мама была словно острый шип, вонзившийся в мою кожу, но я не обращала внимания.

Я получила диплом.

– Так, – заявил Хэл после праздничной вечеринки, которая длилась всю ночь. – Мы отправляемся в Большое Путешествие. В настоящую экспедицию. – Он кормил меня лекарством от похмелья – ложечка за ложечкой. Хотя у меня болела голова, ныл живот, а барабан в висках бил сигнал к отступлению, я следила за каждым его движением с любовью, причиняющей боль. Над моей головой заревом горели свечи и порхали ангелы, помахивая пушистыми крылышками.

Меж моих губ скользнула ложка, и я вцепилась в нее зубами.

– Куда именно?

Хэл выдернул ложку и поцеловал меня.

– Подожди и увидишь. – Он облизал мой подбородок, поцеловал меня снова, и мы разделили лекарство от похмелья очень эффективным способом.

Позвонил Натан и попросил меня о встрече.

Стоял жаркий, душный день. Я прошла через парк, зашла в церковь Святой Бенедикты и остановилась у статуи Мадонны. «Что же ты за мной не присматривала? – молча спросила я. – Знаю, ты была занята, но я эгоистка и хотела бы, чтобы ты нашла время и для меня».

Я зажгла свечу, как обычно, и задумалась об этом. «Но все в порядке, – заверила я большие нарисованные глаза. – Я все поняла. По сравнению с ужасами, с которыми тебе приходится иметь дело, мучения какой-то немолодой женщины не так уж важны. Я справлюсь».

Я доехала на автобусе до Мэйфера и встретила с Натаном в баре неподалеку от Беркли-сквер. Магазины в этом районе предлагали либо дорогие портфели и футляры для кредитных карт, либо газеты на иностранных языках – и ничего больше.

Натан опоздал, и когда пришел, на его лице застыло начальственное выражение. Он поставил портфель под табурет.

– Извини. У нас было совещание насчет бюджета.

– Как дела?

– Скорее сносно, чем хорошо. Тиражи воскресной газеты до сих пор падают.

– Ты размещаешь рекламу?

– Ну, видишь ли... – Он внимательно взглянул на меня. – Мы здесь не для того, чтобы обсуждать газету.

– Понимаю.

– Видел тебя на ужине.

– Неужели? Я думала, ты меня не заметил. – И добавила с едва заметной дрожью в голосе. Кажется, ты прекрасно проводил время.

– Правда? – ответил он. – Действовал на автопилоте. – Повисло молчание. Натан подул на пенку в кофе. Он расплескался по барной стойке. – Что это за мужчина, с которым ты разговаривала?

Я вытерла стойку бумажной салфеткой.

– Лоуренс Тербер, театральный критик. – Я обдумала следующую фразу. – Или ты имеешь в виду Хэла Торна, с которым я столкнулась после ужина?

Натан неотрывно смотрел на грузовик,двигающийся по дороге задним ходом.

– Хэл Торн. – Он вздохнул. – Что ж, как ты говорила, все это было очень давно. – Натан по-прежнему не сводил глаз с грузовика. – Я тут подумал... – Еще одна надрывная пауза. – Теперь, когда у меня появилась возможность все обдумать, я понимаю, что слишком бурно реагировал на... него.

Это было произнесено настолько фальшиво, что я начала дрожать. Так много времени было уделено этому вопросу. И все зря.

– О Натан. Теперь ты понимаешь, что делал? Придумал огромного черного фантома. – Я вонзила ноготь в подушечку большого пальца. – Теперь ты веришь, что тогда, в самом начале, Хэл все же исчез? Он ушел, потому что я была счастлива. – Я сверлила собеседника взглядом. – С тобой, Натан.

Натан поморщился.

– Я никак не мог отделаться от подозрения, что ты думаешь о нем, а не обо мне. – Он помешал кофе и отставил чашку. – Это неправда. Сначала все было в порядке, но когда ты вышла на работу, мне казалось, что таким образом ты пытаешься сообщить мне, что несчастлива.

– Натан, мне просто хотелось работать головой. Я не собиралась что-то менять в наших с тобой отношениях.

– Наверное, это было естественно. – Он вздохнул. – Тогда я начал задумываться о своей жизни, и потом...

– Что потом?

– Я встретил Минти.

– И у нее не было прошлого?

Он пожал плечами:

– Но зачем ты о нем заговорила?

– Ничего подобного.

– Ты рассказала о Хэле Минти. А она рассказала мне. Это меня подстрекнуло, и все началось заново.

Я в ярости проговорила:

– А тебе не приходило в голову, что Минти нарочно тебе рассказала? Что она хотела, чтобы ты все понял превратно?

– Ни к чему выходить из себя.

Автомат зашипел и выдал струйку кофе. Посетители заходили и выходили. Я уронила голову в ладони. Видимо, из мимолетного упоминания, незначительного признания выросло нечто большее.

– Натан, прошлое есть у всех.

Я подняла голову. Натан пристально смотрел на меня. Он медленно протянул руку и коснулся моего плеча; его ладонь скользнула по груди. – Старый жест, который я так любила. – Он так к тебе прикасался?

Я отвернулась.

– Роуз. – Натан вернулся к своей формальной офисной манере. – Я очень жалею об этой проблеме с Хэлом. Наверное, все произошло потому, что я плохо умею говорить о таких вещах, а его было так удобно и легко использовать... Я использовал воспоминание о нем.

Я закрыла глаза.

– Как ты мог?

– Все мы совершаем глупости. Даже ты, Роуз. – Натан взял портфель и извлек из него стопку бумаг. – Я составил списки... наших вещей и указал, как их следует поделить. Возьми и посмотри, со всем ли ты согласна. Я готов пойти на переговоры. Также придется поговорить о доме. – Он пододвинул мне бумаги. Я опустила глаза.

Мне следовало бы сказать: «Пожалуйста, давай подумаем еще раз. Давай попробуем начать все заново». Принимая эти списки, я смирялась с концом наших с Натаном отношений.

– Пожалуйста, посмотри бумаги, – холодно произнес он.

Хрупкое равновесие исчезло. Что-то между нами прекратило существовать, и я не могла вернуть его обратно. Очевидно, я сделала глупость. Я не заметила, что мы с Натаном расходимся в разные стороны. Мы достигли той стадии, когда люди принимают друг друга как должное, но вместе с тем не были достаточно сильны, чтобы этого не опасаться. Наши острые углы притупились, и я прекратила пытаться установить равновесие... точнее, я не позволяла Натану меняться, таким образом загнав его в ловушку и перекрыв кислород.

Я протянула руку и взяла списки. Стулья и диван отходят к нему. Зеркала и голубое кресло остаются мне.

– Я не уверена, – проговорила я. – Мне нужно посмотреть. – Я взглянула на Натана. – Я еще не готова.

Он заерзал на табурете.

– Конечно, не торопись.

– Спасибо. – Его маленькая уступка меня утешила, она была как соломинка, за которую можно ухватиться, и я подумала, что в будущем, возможно, мы сможем видеться и говорить мирно.

И тут я все испортила. Меня озадачило состояние рубашки Натана: она была плохо выглажена. Я потрогала жеваный воротник.

– Разве у вас с Минти нет утюга?

Натан раздраженно отодвинулся.

– Минти не очень-то умеет гладить. Сегодня ее очередь... и я пытался научить ее... ну, знаешь, как гладить рубашки.

– Неужели? И что сказала Минти?

Кажется, Натан пришел в замешательство.

– Когда я объяснил, что главная хитрость – вести утюг от кокетки наружу, она швырнула в меня рубашкой.

– Что поделать – свободный дух.

Он щелкнул замком портфеля.

– Сначала женщины говорят одно, потом требуют прямо противоположное. Они хотят, чтобы их замечали, требуют почитания. Когда же получают его, то обвиняют нас в изнасиловании или

страшном посягательстве на их права. Они говорят, что хотят видеть нас свободными и хотят свободы для себя, и мы, слабаки, им верим.

– О боже, – ахнула я. – Ненадолго же ее хватило.

Страшно злые друг на друга, мы соскользнули с неустойчивых барных табуретов и разошлись в разные стороны.

Глава 18

Я знала, что Натан будет все отрицать. Знала, что он будет бороться с чувством, которое считает неправильным и унижительным, но оглядываясь назад, понимаю, что мой выход на работу стал для нашего брака раздражающим фактором. Я неправильно рассчитала время: чуть позже Натан был бы не против.

Думаю, ему казалось, что наши отношения утратили чистоту, и иллюзия была разрушена.

Через шесть месяцев после того как я начала работать ассистентом в книжной рубрике, заболел Сэм. Все началось с высокой температуры. «Обычный вирус», – заверила я Нэнси, девушку из Новой Зеландии, которая выручала меня после обеда. Пришлось доплатить ей, чтобы она осталась на весь день. Я схватила сумку с книгами и выбежала из офиса.

На третий день у Сэма началась рвота, температура по-прежнему была тревожно высокой. В восемь часов позвонила Нэнси, извинилась и сказала, что не может больше пропускать колледж. Я нашла Натана в кабинете и попросила взять выходной. Поскольку я была новичком на работе, мне не хотелось рисковать. Натан бросил пачку конвертов в корзину с пометкой «счета» и задумался.

– Нет, – ответил он, и мне показалось, будто он давно ждал этого момента. – Я не могу взять выходной без предупреждения.

Я изготавилась к бою:

– Пожалуйста. – Если он произнесет: «А я что тебе говорил», у меня случится истерика.

– А я что тебе говорил, – бросил Натан, но таким тоном, что мой гнев утих, не успев родиться. Это был серьезный спор.

Повисла ледяная тишина.

– Не могу поверить, что ты это сказал. Ему хватило такта изобразить неловкость.

– Прости. Но ты знаешь, как я отношусь к твоей работе. Именно такую ситуацию я и предсказывал. Я просил, чтобы ты подождала, пока дети подрастут. – Он повернулся ко мне спиной и принялся

скреплять документы. – Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, Роуз, ведь тебе необязательно работать!

– Натан, это моральный шантаж. Что случилось с нашей договоренностью? «Я помогаю тебе, ты помогаешь мне». Куда она подевалась?

– Я не знаю, – ответил он. Меня обожгли его слова.

– Ты же сам помог мне найти работу.

– Для тебя это превратилось в навязчивую идею.

– Ради бога, – огрызнулась я. – Я тебе припомню в следующий раз, когда тебе понадобится поддержка.

Я позвонила Ианте и взмолилась о помощи. Она была только рада помочь и привезла с собой старую головоломку с изображением Марафонской битвы, в которую я играла в детстве, и «Маленький домик в прерии». Я сомневалась, что Сэму придется по вкусу описание жизни первопроходцев американского Запада с точки зрения девочки, но когда вечером я вернулась, Поппи сидела на его кровати и играла в медсестру, кормя брата с ложечки свежавыжатым соком, а он тоненьким голоском читал «Маленький домик» вслух. Я вошла в комнату, и сын поднял голову.

– Мам, какая классная книжка.

Какое утешительное зрелище – словно картинка из книги.

Ианта подшивала юбку.

– По-моему, ему уже немного лучше. – Она откусила зубами нитку, и я вздохнула с облегчением. Нитка ныряла и выныривала из цветастой ткани. – Ужин готов, – сказала Ианта, – и я все постирала. – Она потянулась за ножницами, и из корзинки выпала шпилька; белая хлопковая нить размоталась. – Все под контролем.

В тот вечер Сэму стало хуже – Ианта оказалась чересчур оптимистичной. Я стояла на страже в комнате, пахнущей рвотой и дезинфицирующим средством. Натан ходил туда-сюда на цыпочках и игнорировал меня.

– Бедняга, – сказал он Сэму, который пытался храбриться.

В час ночи Натан отправился спать, и пропасть между нами стала еще шире.

Сэм бредил и ворочался. Каждый час я измеряла ему температуру; спустилась на кухню, подогрела воду и отнесла ее наверх в темноте и тишине. Я осторожно вымыла Сэма, его тоненькие белые ножки, руки,

пальцы, бледное, измученное лицо. «Пожалуйста, поправляйся, – молилась я про себя. – Пожалуйста, пожалуйста, пусть все будет в порядке».

Под утро мне удалось напоить его двумя ложками кипяченой воды, и он задремал. Я погрузилась в сон.

Меня разбудили жалкие, отчаянные звуки рвоты и плач Сэма. Я запаниковала.

– Натан, – позвала я, – Натан. – Он сонно ввалился в комнату. – Надо отвезти его в больницу.

Не колеблясь ни секунды, он начал действовать. Вместе мы завернули Сэма в старый зеленый халат Натана, чтобы ему было теплее, посадили в машину и на максимальной скорости поехали в отделение скорой помощи больницы Святого Томаса. В приемном покое нам пришлось ждать целый час. Мы по очереди держали нашего падающего от изнеможения сына.

Натан что-то шептал ему в утешение и целовал спутанные волосы у него на макушке. Со мной он разговаривал лишь в случае необходимости.

Так мы и сидели среди крови, шума, затхлого воздуха и боролись со своими отчаянием. Сэм приник к моему плечу. Я так устала, что у меня горели глаза; я прижала его к себе.

– Натан, – прошептала я. – Прощу тебя. Он взглянул на меня – на ту развалину, что от меня осталась.

– Ох, Роза, – проговорил он. – Я принесу тебе кофе. – Он вернулся с кофе и вложил полистироловую чашку в мою свободную руку. – Давай же, выпей. – Он погладил меня по щеке: таким образом он извинялся. Я благодарно улыбнулась ему, и он улыбнулся мне. – Давай же, – настаивал он. – Пей.

Сэма положили в больницу на обследование, и он быстро пошел на поправку. Педиатр так и не смог сказать, что именно с ним произошло, но был уверен, что ничего серьезного. «Возможно, он испытал шок, или прошла аллергическая реакция, и его организм взбунтовался. Ему нужен отдых, тишина и никаких переживаний».

Я позвонила на работу и сказала, что дня два меня не будет. Я пообещала Сэму остаться с ним в больнице. Бледный, испуганный, он все еще храбрился и прошептал:

– Я рад, что ты со мной, мама.

Я обняла его за плечи. Я уже чуть не забыла, как это чудесно и страшно – быть матерью.

– Обычный вирус, – сказала я Хэлу, когда меня вырвало в аэропорту Бразилии, а потом и в жарком, шумном отеле вблизи аэропорта. Я лежала на кровати, приложив к глазам платок, смоченный в холодной воде.

Солнце пробивалось сквозь полузакрытые веки; его свет и жар еще никогда не казались такими навязчивыми. Мы были на континенте суровых джунглей, высокой влажности, изнуряющего зноя и великой реки.

Это и было путешествие-сюрприз, которое готовил Хэл, – его секретная экспедиция. Я надеялась, что мы отправимся в Марокко и в пустыню, но Хэла захватила страсть к экологии – новая наука, шаг вперед и так далее. Кто-то должен этим заниматься, говорил он; но мне казалось, что его притягивала романтичность этой темы. Добро против зла. Маленький человек сражается с большими людьми. Последние шесть месяцев он работал, чтобы обеспечить финансовую поддержку экспедиции, целью которой было доказать пагубность вырубки леса на территории племени яномами, простиравшейся от лесов Ориноко в Венесуэле до самой северной границы бассейна Амазонки в Бразилии.

Еще в Англии, когда он раскрыл свой секретный маршрут, я сказала:

– Неудивительно, что ты мне ничего не говорил. – Я собирала вещи, покидая Оксфорд навсегда. – Я не хочу туда ехать. Надо было меня спросить.

Он отнял у меня стопку одежды, которую я держала в руках, бросил ее на кровать и обнял меня.

– У тебя же были выпускные экзамены. Послушай, жизнь этих людей находится под угрозой. Их численность упала уже до десяти-пятнадцати тысяч, и эта цифра быстро уменьшается. Вырубка лесов разрушает их дом, и крупным корпорациям на это наплевать. – Мы должны увидеть, что там происходит, и предупредить агентства, которые смогут что-то сделать.

Отъезд из Оксфорда был для меня мучительным; я сама себя не узнавала, стала плаксивой и раздражительной. Я оттолкнула Хэла и запихнула в чемодан пару носков.

– Нельзя же потребовать, чтобы я все бросила.

– Как хочешь, – беззаботно произнес Хэл тоном, который означал «хочешь соглашайся, хочешь нет». – Я найду кого-нибудь еще. – Я резко обернулась. Он безразлично пожал плечами. – Не переживай, Роуз. Я думал, тебе мой сюрприз понравится. Но могу взять на борт кого-нибудь другого. Нет ничего проще.

Это была угроза, и я запаниковала.

– Нет, Хэл! – закричала я. – Все в порядке. Конечно, я поеду, забудь, что я сказала.

Хэл умел побеждать; в отличие от меня, он никогда не злорадствовал.

– Думаю, ты ни о чем не пожалеешь. – Она наклонился и подарил мне поцелуй, от которого каждая клеточка затрепетала. – В следующий раз поедem в пустыню, договорились? – Я, как всегда, уступила.

Я позволила ему распоряжаться мной; Хэл был моей поэзией и страстью. Он был юношей-мечтателем, шепотом очарованных стран, волшебником, преобразившим мою жизнь.

– Что-то не так? – спросил он меня через пару дней.

– Нет-нет, ничего.

– Уверена?

– Вполне.

Исследование должно было занять четыре месяца, и мы договорились, что я пробуду с ним первые три недели, а затем вернусь в Англию, чтобы приступить к работе. Мы долетели до Бразилии и сели на местный рейс до маленького городка Кецель, где нас ждал проводник. Целую неделю мы мучились незнанием языка, обсуждали детали, расписание и поставки продовольствия, после чего загрузили самолет на шесть мест и отправились в тропические леса.

Миля за милей из окна самолета разворачивался мир невообразимых размеров. Растительность оказалась столь густой, что было невозможно разглядеть землю; время от времени внизу поблескивала река, илистая и мрачная. Кое-где над деревьями висел густой туман.

Самолет дрожал в тонком воздухе; пилот то и дело прикладывался к термосу. Хэл скорчил гримасу, и я попыталась отшутиться:

– У китайцев есть проклятие: пусть сбудутся все твои мечты.

Самолет накренился, и внезапно желудок свело от приступа тошноты. Слова застряли на языке; я наклонилась, чтобы завязать шнурок на ботинке, и поняла, что солгала Хэлу. Кое-что действительно было не так, и я так и не разобралась с этой проблемой.

Одному Богу известно, как нам удалось приземлиться на примитивной взлетной полосе, но мы все же сделали это. Лес взмыл вверх, чтобы поглотить нас, самолет отрикошетил от неровной поверхности, и мы сели.

На следующее утро мы отправились в базовый лагерь, расположенный в брошенном поселении племени яномама. Хэл и проводник шли впереди, прорубая заросли в джунглях и освещая препятствия на пути. Носильщики были так тяжело нагружены, что мне стало стыдно; но они привычно выполняли свою работу и не роптали.

Лес был похож на клетку, построенную из перекрещивающихся зеленых пластин, некоторые из которых не подходили по размеру.

Через несколько часов изнурительной ходьбы я соскучилась по небу, как по доброму другу. Земля была сырая; ноги вязли в жидкой грязи; я то и дело спотыкалась о корни, жара изнуряла, среди детрита цвели странные яркие бутоны в форме звезд – это была чуждая среда обитания.

Хэл время от времени оборачивался и ободряюще махал мне рукой. Один раз он подошел ко мне и перевязал бандану на шее, чтобы она впитывала пот.

– Молодчина, Роуз.

– Ты счастлив? – спросила я.

– Очень.

Обернутые в москитные сетки, мы провели первую ночь в натянутых между деревьями гамаках, слушая непонятные звуки ночного тропического леса. Время от времени один из носильщиков поднимался, чтобы проверить, горит ли костер, и патрулировал лагерь. Мой живот временно успокоился; на меня повлиял этот странный лес и его звуки.

– Тарзан любит Джейн, – тихо проговорил Хэл.

Я не ответила. В этом большом причудливом мире слова были неуместны.

На исходе второго дня изнурительной ходьбы мы прибыли в поселение яномами, покинутое туземцами после того, как компания-лесозаготовщик начала вырубку в миле отсюда. Хижины в форме пончиков, крытые пальмовыми листьями, остались на месте. В некоторых из них могло поселиться до двухсот человек; но у каждой семьи был свой очаг. Центральная зона была отведена под общие занятия, например танцы и пение.

Я выбрала очаг и бросила рюкзак на глинобитный пол его цвет был разным – от кроваво-алого до темно-бордового; кругом кишели насекомые. В любую минуту могла спуститься тропическая ночь – это происходило так быстро, что у меня захватывало дыхание.

Появился Хэл и принес остальные наши пожитки.

– Темнеет.

– Давай разберем вещи.

– Держи. – Он протянул мне хлопчатобумажный спальный мешок. Не обращая внимания, я зажала рукой рот, выбежала на улицу, и меня вырвало в подлесок.

Я почувствовала, что Хэл стоит позади меня. Выпрямилась и обхватила руками живот.

– Скажи мне правду, – проговорил он. – Есть ли вероятность, что ты беременна?

– Не уверена. Возможно, – прошептала я. – Я не знаю.

– Задержка есть?

– Больше трех недель.

Он грубо схватил меня за плечо.

– Что ты собираешься делать?

– То есть, что мы собираемся делать? – Я закрыла глаза. – Кстати, еще ничего не ясно.

Это может быть что угодно. Бывает, что организм выходит из строя, потом приспосабливается.

– Надеюсь, – ответил Хэл. – Боже, как я на это надеюсь.

Первая из двух запланированных экспедиций из базового лагеря проходила на лодке и вела в Цацтелал, где находилось представительство лесозаготовительной компании; говорили, что там видели яномами.

Я сидела на корме лодки, замороженная желто-зеленым зеркалом, воды которого мы рассекали. Хэл был на носу, делал заметки и

фотографировал. После каждого снимка он записывал местоположение, сверяясь с картой. Он и меня тоже снял: точнее, шляпу, которая скрывала мое лицо от солнца.

Жадным от любви взглядом я впитывала каждую деталь его облика – волосы, уже выгоревшие на солнце; длинные напрягшиеся ноги, взволнованное лицо. С не меньшей жадностью я пожирала глазами колибри, чьи перья отливали столь радужным синим, что на них было больно смотреть; странные цветы, свисающие с деревьев, и очертания рыб в воде. Жара обволакивала нас, как вторая кожа. Время от времени лодка задевала пузыри метана, скопившиеся в воде, и вонь ударяла в ноздри, а лодка скользила дальше.

В Цацтелале жители деревни вышли нам навстречу. За совместным обедом они рассказывали нам истории о яномами, которые по их словам, отличались агрессивностью. Нам также поведали о богатствах лесозаготовительной компании, которые посыпались на туземцев, и о странной болезни, приведшей к смерти множества детей. И о потрясении, которое испытали жители, когда конкистадоры двинулись дальше, опустошив лес.

Хэл сделал пометку в записной книжке: «Корь?»

На следующее утро мы провели предварительную разведку на участке вырубki, диаметр которого составлял около десяти миль. Поврежденные стволы деревьев сочились слезами, подлесок превратился в порошок, почва была загрязнена бензином и химикатами – и хорошо было видно небо. Проводник пояснил, что лес самообновляется, но недостаточно быстро. Если бы яномами жили здесь, они бы выращивали местные культуры: подорожник и маниоку; в лесу бы водились обезьяны, олени и броненосцы.

Мы вернулись другим маршрутом, сделав петлю на север; по пути нам встретилось северное ответвление речной заводи. Судя по всему, здесь обитали выдры, и как замороженная, я задержалась у воды, пока Хэл вприпрыжку перебирался на другую сторону по веревочному мосту.

– Иди же! – крикнул он.

Миновав половину пути, я замерла: я всегда боялась высоты. Обливаясь потом, я вцепилась в веревку.

– Вернись, Хэл, – позвала я.

Он пошел мне навстречу, мост качнулся, и от качки меня вырвало. Я взглянула на воду – горячая, склизкая, грязная... чужая. Если бы из реки выпрыгнула рыба, я бы ее не узнала. Как только я подумала о рыбе, меня снова затошнило.

Хэл подождал, пока приступ не прошел, потом разгладил мои волосы, убрав их с мокрого лица.

– Роуз, Роуз, – вот и все, что он произнес; ему не терпелось двинуться дальше.

Я взяла его за руку, посмотрела вниз – и закричала.

Забитая мусором, образующая запруды у берега, вода в этом месте замедляла течение и кружилась водоворотом. На поверхности одной из таких запруд плавала человеческая рука с одеревеневшими, распухшими пальцами.

Я показала на нее. Хэл перевел меня через мост и вместе с проводником спустился к воде. Проводник взял палку и с силой ткнул ее в воду. Раздалось шипение, взрыв пузырьков и газа, и труп всплыл на поверхность.

Лицо разложилось, оно было полусъедено и выглядело ужасно.

Вместе они привязали веревку к ноге трупа и укрепили ее на каком-то корне.

– Мы вернемся в лагерь и позовем на помощь, – сказал Хэл и пометил наше местоположение на карте. «Труп обнаружен здесь, – написал он. – Время: 14.15».

На следующий день мы вернулись в базовый лагерь, и Хэл послал радиogramму в полицейский участок Кецея.

Находка ни для кого не была загадкой. Шесть недель назад пропал один из смотрителей лесозаготовительной компании, европеец. Видимо, он не выплатил зарплату кое-кому из местных. Они отомстили привычным для них способом.

После того случая у меня начались кошмары – мне снилось лицо мертвеца, его озлобленные глаза; снилось, что на меня охотятся в странном, опасном лесу... Я снова и снова видела сон, в котором мы с Иантой наблюдаем за людьми, выносящими мебель из коттеджа «Медларз».

У меня слипались глаза, я впала в апатию и страшилась наступления ночи, а потом ворочалась и металась в гамаке, слушая шуршание насекомых на пальмовой крыше.

Пока Сэм выздоравливал, мы с ним собрали головоломку с Марафонской битвой (из тысячи кусочков) и обнаружили, что последних двух деталей не хватает.

– Мам, я не поправлюсь, пока мы их не отыщем. – Сэм слабо улыбнулся.

Я поверила ему и обыскала дом сверху донизу: Ианта клялась, что когда она принесла головоломку, та была полной.

И я нашла пропавшие детали. Если бы я сразу собралась с мыслями, то поняла бы, где прежде всего нужно было искать – нагрудные доспехи юноши, который собирался бежать с поля боя, чтобы войти в легенду, лежали под подушкой Сэма. Там же я нашла кусочек с оливковым деревом, которое росло на заднем плане.

Держа поднос на коленях, Сэм сел на кровати и торжественно положил две последние детали на место.

– Жаль, что ты не можешь остаться дома, – сказал он.

Глава 19

«Я не хочу, чтобы все так вышло».

Так я говорила и верила, с непоколебимой убежденностью и невежеством, хотя мне был уже двадцать один год. Но все было зря; я столкнулась с чем-то более сильным, чем мое желание. Меня победила биология.

В дебрях тропического леса я наконец решилась. Доведенная гормонами, страхом и любовью почти до сумасшествия, после ужина у костра я приперла Хэла к стенке.

– Я беременна.

Он закрыл глаза.

– Так я и знал. Что ты собираешься делать?

– Оставить ребенка. Это не обсуждается. Это наш ребенок. – Я ощутила трепет волнения и нежности. – Наш ребенок, Хэл.

– Нет, – бесстрастно проговорил он. – В мои планы это не входит. Я не хочу детей.

Было темно, и я не могла разглядеть его лица. Но я знала, что его голубые глаза загорелись знакомым упрямым безжалостным огнем, в то время как в моих, наверное, отразились растерянность и гнев... да, гнев.

– Но мы не можем это игнорировать. Это не перерасход на счету и не головная боль.

– Я не просил ребенка.

– Ты ведешь себя возмутительно.

– Разумеется. Если честность тебя возмущает, то да.

– Но это случилось! – Я протянула к Хэлу руку, но он отпрянул. Рука упала.

– Мы планировали работать и путешествовать.

– Знаю. И я тоже хотела этого, но иногда планы меняются. Мы должны построить другие планы.

Он долго и пристально смотрел на меня сквозь сумерки, и мне казалось, что его взгляд говорит: прошло столько времени, а мы до сих пор совершенно друг друга не понимаем.

– Но я не хочу менять свои планы, Роуз.

Я чувствовала, как Хэл меня отвергает; вкус отторжения был у меня на языке. В голове проносились обрывки прошлых разговоров: беспечное упоминание «натуры вечного странника» и его утверждение, что «лучшая жизнь, единственно возможная жизнь, лишена оков». Эти слова всегда убеждали меня в том, какое у Хэла интригующее восприятие жизни; как он не похож на других.

Постепенно я стала осознавать, какие меня жду сложности.

– Хэл, я предвидела, что ты будешь в ужасе, что рассердишься, но думала, что в конце концов ты скажешь: «Это не то, чего я хотел, но мы справимся».

Это его уязвило; он сел на корточки рядом со мной.

– Я когда-нибудь тебе лгал? Я тебе что-нибудь обещал? – Он покачал головой. – Я не могу... я точно знаю, что не могу. Я из другого теста... мне нужно... Нет, я хочу продолжать работать, как и планировал. Жизнь коротка, и я хочу быть свободным, чтобы уделять ей все силы. Но мне очень жаль, Роуз, что так получилось.

Я посмотрела на него в упор.

– Мы несем ответственность за ребенка. У него никого больше нет.

– Только если я соглашусь взять эту ответственность на себя.

Перспектива остаться в одиночестве с ребенком на руках заставила меня запаниковать, и я услышала лепет невежественной, отчаявшейся незнакомки. Я спорила, что ребенок не изменит нашу жизнь; слова лились из меня потоком. Нам не надо ничего менять. Детей подвязывают на грудь и таскают с собой; оставляют в камерах хранения; оставляют на попечение другим людям. При желании рождение ребенка пройдет почти незаметно и никак не помешает нашей жизни.

Он молча слушал. И наконец пошевелился.

– Даже я лучше разбираюсь в воспитании детей.

Я опустила голову.

– Хорошо, больше мы об этом разговаривать не будем. Я сама обо всем позабочусь.

Очевидно, этому разговору предстояло продолжиться, но пока я больше не могла говорить. К тому же мне надо было подумать.

Хэл поднялся: ему нужно было проверить костер и что-то обсудить с проводником. Я осталась на месте. Вечер стоял душный, но внутри у меня было холодно.

Мы молча разошлись по гамакам. В ту ночь я слышала, как Хэл переворачивается и что-то бормочет во сне – тогда и во все следующие ночи, когда я лежала без сна и раздумывала о проблеме, с которой столкнулась лицом к лицу.

Мы держались вежливо и обходительно, почти как незнакомые люди. Мне стало лучше, меньше тошнило, и я сопровождала Хэла в запланированных поездках. Физически мы никогда не были ближе, но это была близость двух людей, которые предпочли находиться по разные стороны изгороди.

В понедельник, на третьей неделе, я очнулась от беспокойного сна и ощутила сильный спазм в пояснице. Я приняла аспирин и побрела к гамаку. В ту ночь, в отчаянии, я выпросила стакан бренди из бутылки, которая хранилась в аптечке в медицинских целях. Хэл пристально посмотрел на меня, но ни о чем расспрашивать не стал. Он лишь произнес:

– Завтра важный день. Надеюсь, тебе хватит сил. – Нам снова предстояло путешествие вверх по реке.

Я накинулась на него:

– Ты ведешь себя жестоко.

– Угу, – кивнул он, – так оно и есть.

– Хэл, мы совершили ошибку.

– Я понял. И это я веду себя плохо. Но мы приехали сюда заниматься другим делом. Так давай же делать то, что планировали. А потом подумаем. – Он немного смягчился. – Дай мне привыкнуть, Роуз.

Когда настало время уезжать, стало ясно, что я не в состоянии вылезти из гамака, не то что переправляться по реке.

Хэл наклонился надо мной – я лежала, с перекошенным от боли и неудобства лицом. Его акцент стал более отчетливым:

– Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Я попыталась сесть, но безуспешно.

– Хэл, как думаешь, здесь можно где-нибудь нормально прилечь? Мне нужно чувствовать под собой твердую землю.

Он погладил меня по лицу, и всего на минуту-две снова стал прежним.

– Посмотрим, что можно сделать. А потом надо будет увезти тебя отсюда.

– Вдруг я потеряю ребенка? – пролепетала я. – Но я не хочу, Хэл. У него есть право жить.

Он промолчал.

Вдвоем с проводником они соорудили примитивное ложе и перенесли меня туда. Хэл попытался послать радиogramму в Кецель, но в результате тропического шторма, бушующего поблизости, прием был невозможен, и к тому времени, когда ему удалось наладить связь, все свободные самолеты уже были откомандированы. Ему удалось проконсультироваться с доктором, который сказал, что если я отдохну, возможный выкидыш удастся остановить. Он снабдил Хэла основными инструкциями и посоветовал ему как можно скорее доставить меня в Кецель. Что беременная женщина вообще делает в тропическом лесу, спросил он Хэла. Хуже всего, что он запретил мне принимать аспирин.

Хэл наклонился над моей кроватью. Я поежилась и почувствовала струйку пота, стекающую по ногам на кроваво-алый глиняный пол.

– Тебе лучше?

– Хуже.

– Бедняжка Роуз.

У меня возникло странное ощущение, как будто мое тело гниет.

– От меня пахнет?

– Нет. – Его губы коснулись моей мокрой щеки. – Ты прекрасна.

– Здесь плохое освещение, – проговорила я.

Хэл отложил долговременную поездку вверх по реке, но я убедила его пойти в альтернативный дневной поход и проверить достоверность сообщений о следах индейцев. Надо отдать Хэлу должное, он согласился с неохотой, но я заставила его уйти.

– Я пока не могу двигаться, но я в безопасности, так что уходи.

Он взял мою руку.

– Прости меня, – сказал он. Сердиться и быть холодной казалось глупым.

– Ты моя радость, Хэл. – Я слышала, как у него перехватило дыхание. – С тобой я испытываю самую глубокую радость, острейшие, нежнейшие эмоции и иногда... мне кажется, что мы неотделимы друг от друга. Хочу, чтобы ты это знал.

Он долго смотрел на меня сверху вниз. Потом, поставив рядом со мной еду и воду, он проинструктировал носильщика, который остался

дежурить. Через брешь в хижине я наблюдала, как он грузит вещи и трогается.

Тянулся день. Я сосредоточила взгляд на дереве, что вырисовывалось в дверном проеме. У него были перепончатые блестящие листья, а ствол изрыт дырочками, обнажавшими древесину цвета сырого мяса. Дерево напомнило мне мертвеца из реки.

Я изучила карту. Был почти полдень, и Хэл должен был прибыть на место, где река изгибалась и поворачивала обратно; в два часа он должен повернуть назад. Но в тропическом лесу никогда нельзя быть уверенным в том, что все пройдет гладко. Карта упала на пол.

Носильщик заглянул в хижину и ушел. Как будто по расписанию на опушку обрушился тропический ливень, и так же быстро кончился. Листья задымились от влаги, и из пара на опушку вышли фигуры поющих, танцующих яномами: их ступни сбивали лесную землю в кроваво-алую глину. Я очнулась. Это был сон. Я перевернулась на другой бок.

Через несколько часов боль возобновилась с удушающей силой, а потом все было кончено.

В наступающей темноте я боролась со своим телом, которое не поддавалось моему контролю. Здесь не было ни ангелов, ни горящих свечей.

Должно быть, я закричала, потому что в хижину украдкой заглянул носильщик. Он посмотрел на меня и вернулся с питьем. У напитка был отвратительный вкус, но мне уже было безразлично.

Становилось все темнее, и я то засыпала, то просыпалась. Я взмокла от пота и пропиталась кровью. Моим скользким рукам было не за что, не за кого ухватиться: вокруг не было ничего, кроме моей утраты. Ничего, кроме темного, пульсирующего сердца джунглей.

Хэл был моей сокровенной радостью, но этого оказалось недостаточно. В жизни есть и другие важные вещи. Мне хотелось ответственности, которая Хэлу была не нужна. И больше, всего мне хотелось иметь право оставить ребенка. В этом была моя свобода – пусть сомнительная, ограниченная, но все же возможная. Мой выбор был так же прост, как и выбор Хэла; только он был другим.

Переделывать Хэла было бессмысленно – сейчас или когда-либо в будущем. Он твердо стоял на своем пути, и я не собиралась всю жизнь любить и ждать, а потом, по прошествии времени, просто ждать. У

моего тела был один недостаток биологического свойства, и я не могла бродить по тропам в джунглях и сплавляться по рекам, зная о нем. Я неверно выбрала время. Вздвогнув, я очнулась; в хижину вошел Хэл и принес миску с водой. Он был очень возбужден.

– Роуз! Мы их видели! Они задержались достаточно долго и вступили с нами в контакт. Я сделал потрясающие фотографии. Это отличная поездка, лучшая поездка. Нужно заклеить мозоли на ногах, но сперва я тебя вымою. Я ничего подобного в жизни не делал, это было... – Он откинул мой спальный мешок. Наши глаза встретились.

Он изо всех сил пытался не подать виду. Но внезапная вспышка в его глазах цвета горечавки поведала мне, как сильно его напугало то, что здесь произошло.

– Можно я помою тебя, Роуз?

Одному Богу известно, как Хэлу удалось нагреть воду. Как же я соскучилась по обычной теплой воде! Осторожно, нежно он обмыл меня губкой, и, будучи в лихорадочном состоянии, я вообразила, будто по полу потекла кровь. Я была беззащитна, мне негде было укрыться, и я позволила ему проделать это со мной, морщаась от уязвимости, от того, что я женщина.

Хэл говорил со мной тихо и ласково:

– Я особенно тщательно мою твои ноги, потому что ноги – это самое главное. Если стопам неудобно, то неудобно всему телу. Это первое правило путешественника. – Он раздвинул мои пальцы, капнул между ними воды и высушил кожу. – Твои ножки довольны?

– Мои ножки очень довольны, благодарю. Хэл заставил меня перевернуться на спину, и произошло чудо: я стала чувствовать себя чистой. Он провел губкой у меня под мышками.

– Если тебе жестко, я разорву рубашку.

Он вымыл меня и поцеловал. Слабая, испуганная и отчаявшаяся от любви, я ответила на поцелуй – поцелуй Иуды.

Через неделю мы вылетели обратно в Кецель на том же небезопасном самолете и остановились в отеле у аэропорта.

Ночью я сказала Хэлу, что ухожу от него, потому что люблю: люблю так сильно, что мне невыносимо видеть, как мы разрушаем друг другу жизнь.

– Мне нужно спокойствие, стабильность, семья, – призналась я. – Рано или поздно эти проблемы все равно возникнут, так не лучше ли

решить их сейчас и покончить с этим?

Хэл лежал на подушке ко мне лицом; при этих словах он отвернулся. Он не сказал ничего, что заставило бы меня передумать. Я знала, что он ничего не скажет. Хэл вздохнул, и я дотронулась до его плеча, чтобы он обернулся. Обомлев, я увидела, что он плачет.

– Я не хочу той жизни, о которой ты говоришь, – ответил он, – но мне от этого только тяжелее.

На следующее утро я проснулась поздно. Горячее солнце проникло в комнату; дешевое постельное белье казалось грязным и шероховатым.

Хэл и его рюкзак исчезли. Я лежала и представляла, как он идет по узким, тесным улицам, останавливается, чтобы выпить кофе, просеивает сквозь пальцы щепотку ярких пряностей на уличном прилавке. Он уже перестраивает настоящее и говорит о будущем, предвкушает возвращение в тропические леса. И ему, и мне было известно, что он только что освободился от многих лет компромиссов, несогласия, от призрака меня – ждущей.

По пути в аэропорт я попросила таксиста остановиться и вышла из машины. Жара вонзилась в меня сверлом; шум и запахи были как пощечина органам чувств. Небо было дурного дымного серого цвета, как металл пистолета. По краям дороги высились горы мусора; в них рылись какие-то люди, разгребая помои голыми руками. Я подошла к ближайшей куче и положила туда свои ботинки. Не прошло и двух секунд, как кто-то подскочил и выхватил их.

Я вернулась в такси. Разрозненные постройки города оставались позади; на их месте появились поля и низкий кустарник. Я не оглянулась.

Когда мы только начали встречаться, Хэл прочел мне лекцию о том, что все люди должны путешествовать: это расширяет кругозор. Влюбленная, я не хотела подвергать это сомнению и согласилась.

Он ошибался, и как бы он удивился, если бы ему это сказали, – путешествия сужают кругозор. По-моему, это слова Бернарда Шоу.

В самолете по пути домой я познакомилась с Натаном.

* * *

Натан был заморожен моей историей.

– Почему, – хотелось ему знать, – почему, если ты так любила этого мерзавца, та его бросила?

Я попыталась объяснить, что мне не хватило бы мужества наткнуться на мертвецов в джунглях: точнее, обнаруживать то, символом чего они являлись. Еще меньше мне хотелось быть той, что ждет его дома. Я не призналась, что на самом деле любила Хэла так сильно, что в конце концов перестала доверять этой любви.

– Но я решил жениться на тебе, и меня ничто не остановит. – Натан засунул руки в карманы. – Даже если бы ты жила на дереве, мне было бы наплевать.

– Наверное, я плохо объяснила, – ответила я. Наверное, лучше бы я вообще не объясняла, ведь эта тема была для меня очень болезненной и непонятной.

Если бы Ви или Мазарин спросили меня, что я почувствовала, снова увидев Хэла, я бы ответила: «Неотвратимость».

В каком-то смысле Натан был прав, хотя он и зря боялся. Когда к человеку привыкаешь, привычка никогда не умирает полностью. Она уходит в подполье. Может, вы никогда не увидите того человека, а может, и увидите; но он всегда с вами, всегда рядом.

Один день сменялся другим, и лето было в самом разгаре. Я до сих пор плохо спала, хотя уже не чувствовала себя несчастной; я просто никак не могла успокоиться, ведь мне пришлось пережить тяжелую борьбу за выживание, которую мне навязали. Как-то раз, душной ночью, я распахнула французские окна и ступила в загадочный мир ночного города.

Воздух был похож на бархат; прохлада почти не ощущалась. Через три-четыре дома вверх по улице таянула лиса и, почуяв меня, замолкла. Оставляя на росе следы босых ног, я зашагала по лужайке. В водянистой темноте кремовые и белые розы светились, как лампочки. В тени едва вырисовывались очертания листьев, кривых, как изогнутые турецкие сабли, и разросшихся растений.

Я обливалась потом, сердце стучало; я вспомнила волнующую, странную атмосферу тропического леса. Добравшись до фонтана, я села на кирпичный выступ. Раздался тихий всплеск. В отсутствие Петрушки здесь поселилась жаба: я видела ее несколько раз. Не знаю, как долго я просидела неподвижно, но жаба снова выползла из воды.

Могла ли я сделать иной выбор в этой маленькой истории? Вряд ли. Розы – очень домашние цветы, всегда говорила Ианта, помни об этом.

Светало. Я встала, потянулась и с удовольствием вдохнула прохладные ночные ароматы.

Самое время понаблюдать за жуками-листоедами. Я обнаружила, что в ночной рубашке это делать лучше всего. Лилии-мадонны росли соцветиями в трех горшках, и я наклонилась, чтобы осмотреть листву. Эти жуки обладают поразительной способностью к размножению, и сейчас они сидели здесь: готовые к нападению террористы с блестящими спинками и стальными челюстями, вознамерившиеся разрушить красоту лилий.

Я взяла одного жука: молодого, лоснящегося и алчного – жуциное воплощение Минти, которое могло лишь воровать и разрушать, потому что больше ничего не умело. Брезгливым людям не стоит становиться садовниками; поскольку меня учили беречь природу, я не пользовалась опылителями – ради блага планеты я применяла более жесткие методы. С легким уколом сожаления я бросила блестящего жука-вора на камень и раздавила его ногой.

И стала искать следующего.

Мазарин была права, говоря, что мы должны испытывать боль, иначе не сможем в полную силу вкусить радость, почувствовать сладость наслаждения и горько-сладкое томление любви – именно это я и хотела получить, когда незнакомая рука любви судорожно схватила меня за горло.

Но я научилась не путать наши с Хэлом отношения с сегодняшней жизнью. В реальной жизни все было по-другому. Реальная жизнь означала дом. Отряхнув пыль фантазии и вожделения, я смогла спокойно радоваться минутам удовольствия, счастья и нежности, совмещенным с рутиной и привычкой. Оглядываясь назад, я понимаю, что в отношениях с Хэлом нарочно искала мучений и горя, и смирилась с ними, чтобы запомнить и сохранить нежность, глубокий восторг и трепет от того, что меня потрясла страсть столь редкой глубины.

Разумеется, некоторые из этих воспоминаний и мой опыт я привнесла в отношения с Натаном. Так уж получилось.

Снова встретив Хэла, я вспомнила об этом.

Глава 20

Ко мне вернулась энергия. Я вычистила дом на Лейки-стрит от пола до потолка. Разобралась в столе на лестничной площадке и выбросила все до последней ненужные бумажки. Забралась на чердак и перебрала чемодан со старой одеждой: выудила слишком короткую юбку, маленькое вязаное платье, которое нужно носить без лифчика, облегающую блузку – одежду, принадлежащую прошлому. Отнесла вещи в машину и отвезла в благотворительный магазин.

Я даже отважилась зайти в сад с намерением что-то сделать, и через пару часов прежняя радость от работы вернулась. Волшебство, словно кролика достали из шляпы. Здесь был мой дом, и правила не изменились. Было уже слишком поздно, чтобы всерьез заботиться о заброшенных цветах, но я испытала воодушевление.

– Здорово чувствовать, что ты кому-то нужна, – призналась я Ви, – даже если это всего лишь сад.

Ви застонала.

– Все хорошо в меру. Когда же я буду никому не нужна?

В течение двадцати пяти лет разгар летнего сезона означал поездку в Корнуэлл, но только не в этом году. И, вероятно, больше никогда, потому что я не могла представить, как вернусь туда без Натана.

Мысль об этом омрачила мое спокойствие, а я была на страже и не допускала мрачных мыслей. И я позвонила Сэму и поехала на выходные в Бат. Элис уехала на какую-то конференцию, а мы отправились на прогулку по сельской местности. Сэм пытался объяснить разочарование и растерянность оттого, как медленно развивается его роман.

Спустя какое-то время до меня дошло, что Сэм до сих пор говорит об Элис с каким-то нездоровым благоговением: мне казалось, что оно должно было уже пройти. Способности Элис, безусловно, внушали восхищение, но все же не были сверхчеловеческими. И тут я осознала, что он страдает от передозировки трагической раболепной любви, которая в его возрасте не такая уж и редкость.

Я осмелилась спросить:

– Тебе не кажется, что пора двигаться дальше?

Он покачал головой – в точности как отец – и на лице появилось упрямое выражение.

– Нет.

Мы пытались перелезть через забор из колючей проволоки. Сэм опустил верхнюю жилу, и я пролезла над ней.

– Знаешь, я не хочу сдаваться. – Его осенило. – Может, тебе не нравится Элис?

– Мне просто кажется, что тебе надоело чувствовать себя несчастным, не пора ли устроить передышку. – Брюки Сэма зацепились за проволоку, и я наклонилась, чтобы освободить его. – Ты говорил с отцом?

– С папой?

– У тебя есть еще какой-то отец?

– Он вроде в порядке. Собирался уехать в Грецию и спрашивал о тебе.

Мы соскользнули вниз по высохшему склону и зашагали по берегу ручья. Над нами раскинула ветви каштановая роща; вода была прохладная, испещренная загадочным узором от солнца. Мимо пронеслась стрекоза, взмахнула волнистыми крылышками капустница; над коровьими лепешками роились тучи мух.

– Мне кажется, что папа разрывается на части от чувства вины и переживает за тебя. – Сэм остановился у каменного моста, разделявшего поля, и облокотился о парапет.

– Переживает за меня? Это я за него переживаю. – Я встала рядом и стала наблюдать за стрекозами, парящими прямо над водой. – Сэм... зачем устраивать такой переворот, а потом мучиться виной?

Сэм бросил на меня пронзительный взгляд.

– Я ездил к нему. – Сын соскреб с камня кусочек мха, и ноготь его почернел. – У меня такое чувство, будто папа пытается в чем-то себя убедить.

– Не думай так.

Он снова поскреб мох.

– Иногда мне кажется, что я ненавижу ее за то, что она имеет надо мной такую власть, – взорвался Сэм. – Разве это не бессмысленно?

Он имел в виду Элис.

– Вовсе нет, – ответила я.

Мы прошли через поле обратно к машине.

– Вообще-то меня беспокоят Ианта и Поппи. Ианта иногда бывает такой упрямой, не хочет рассказывать, что с ней происходит. Говорит только, что врач неотступно за ней следит.

– Яблоко от яблони недалеко падает, – заметил Сэм.

– Поппи... о Ричарде нам ничего толком не известно, как и о том, почему она вдруг решила выйти замуж.

Сэм наклонился, сорвал травинку и пососал мясистый стебель.

– Поппи как кошка – всегда приземляется на лапки. Когда она должна вернуться?

– В том-то и дело: я не знаю. – Я закусила губу. – Как бы я хотела знать, как у нее дела.

Прикосновение Сэма к моему плечу утешило меня.

Перед самым моим отъездом с конференции вернулась Элис.

– Как жаль, что мы не смогли пообщаться, – она поцеловала меня, – но я заставлю Сэма почаще вас приглашать. – Я была удивлена, потому что мне показалось, будто девушка говорит искренне. Немешкая она бросила у двери сумку, отнесла ноутбук в гостиную и расстегнула чехол. – Наверняка вы отлично провели время. Извините, мне нужно кое-что сделать. – Она подняла голову. – Роуз, вы уже нашли работу?

Вернувшись в Лондон, я обнаружила письмо от Нила Скиннера, которого перевели в министерство культуры, как он и предвидел. Он интересовался, свободна ли я и не могу ли провести для него исследование, которое займет пару недель. В постскриптуме говорилось: «Увы, зарплата небольшая». Я связалась с ним, и Нил объяснил, что ему необходимы факты и цифры, а также пробная оценка того, как общественность отреагирует на повышение ставок на право дохода от выдачи книг из библиотеки, которые в данный момент пересматриваются.

Я провела две изнурительные, но приятные недели, прочесывая отчеты и статистические данные и обзванивая людей, которые непременно оказывались в отпуске. Я позвонила Таймону – какого черта? – и, к его чести, он взял трубку.

– А, Роуз, – протянул он. – Птичка напела, что ты очень похорошела. У тебя все в порядке?

Я сообщила Таймону, что, учитывая обстоятельства, я в жизни не чувствовала себя так хорошо, и спросила поддержит ли пресса это начинание и выделит ли он в газете место этому вопросу.

Таймон даже не раздумывал.

– Сомневаюсь, что кому-то, тем более прессе, есть дело до того, что писатели получают прибавку к зарплате в лишние десять пенсов – или не получают. Я бы не потратил на это и одного абзаца.

– Значит, правительство может делать, что хочет?

– Роуз, неужели ты думаешь, что пресса оказывает какое-то влияние на то, что думает правительство? – Он расхохотался и добавил: – Жаль, что тема не связана с сексом, вот тебе мой ответ.

– Это все, что я хотела знать. Спасибо.

– Роуз, раз уж мы с тобой разговариваем, скажи: ты всегда сама решала, какой книге отвести центральное место в еженедельном выпуске?

– Разумеется, – ответила я. – Кому еще это решать?

– Ты следишь за рубрикой?

– Нет, не слежу. А надо? Неужели она не безупречна?

– Не буду отвечать на твой вопрос. Но иногда опыт все же имеет значение.

– Не вынуждай меня высказываться опрометчиво.

– Звучит интригующе. Может, зайдешь на ланч?

Я была ошарашена.

– В офис?

– Не будь идиоткой. В ресторан, на твой выбор.

– Нет, спасибо.

Таймон хихикнул.

– Увидимся в «Капризе».

Нил остался доволен моей работой и пригласил меня на ужин в кафе Палаты Общин. К моему изумлению, мне понравилось слушать политические сплетни. После ужина работодатель отвел меня в бар выпить по рюмочке.

– Я вижу кое-кого, с кем тебе, возможно, хотелось бы познакомиться. Чарлз, познакомься с Роуз Ллойд. Она проводила для меня исследование. Роуз, это Чарлз Мэддер.

«Роуз – моя жена, – говорил, бывало, Натан небрежным собственническим жестом касаясь моей руки. Это было уже после

того, как дети выросли и он решил, что может гордиться моей работой. – Она литературный редактор».

О барную стойку облокотился высокий смуглый мужчина. Он был худой, почти тщедушный; лицо, покрытое морщинами, таило невыразимую печаль. Он не был похож на человека, который, по всеобщему мнению, содержал любовницу с экзотическими вкусами.

– Привет, Нил.

– Мне очень жаль, что ваша жена умерла, – сказала я.

Он изучил содержимое стакана.

– Мне тоже.

– Надеюсь дети... оправились. – Мужчина посмотрел на меня таким взглядом, будто хотел сказать: давайте покончим с сочувственными фразами, потому что лишь правда имеет значение – дети не оправятся еще очень долго. – У меня были причины задумываться о вашей семье, – продолжила я. – Когда произошла трагедия, я работала в «Вистемакс Групп». Многие из нас чувствовали ответственность.

На лице его было презрение и усталость.

– Вы хоть знаете, что Флора сама к ним пришла? Так они и пронюхали об этой истории.

Я оглянула бар: это было мужское заведение: пузатая кожаная мебель, большие пепельницы и миазмы сигаретного дыма.

– Я понятия не имела.

Он пристально посмотрел мне в лицо.

– Для сотрудника «Вистемакс» вы слишком милы.

– Дело не в том, милый ты или нет. Есть множество милых людей с правильными мыслями, которые работают в нашей газете. Да и в любой газете.

– Вот вам свободная пресса.

Мы продолжали разговор, передо мной был человек, которому досталось немало боли как в личной, так и в общественной жизни. Я тихо сказала:

– Прессе нужны личные истории, чтобы оживить печатные страницы. В этом отношении, она всего лишь занимается своей работой.

Нил коснулся моей руки:

– Мне надо поговорить с одним знакомым. Буду через минуту.

Я обратилась к Чарлзу Мэддеру:

– Иногда мне кажется, что на деле свободная пресса добивается прямо противоположных результатов: все так боятся разоблачения, что уже не поступают и не высказываются честно. Честные мысли не выносят рассмотрения прессой – они рискуют стать заложниками судьбы. Или же честность неверно интерпретируется и превращается в ложь.

Чарлз Мэддер зажег сигарету и затянулся с таким видом, как будто в первый раз попробовал курить.

– Самое смешное, что Флора оставила их в дураках. Слышали историю о том, как полицейский застрелил вооруженного подозреваемого, а потом оказалось, что таким усложненным способом жертва совершила самоубийство? Флора сделала то же самое. Она спровоцировала прессу, чтобы та вынудила ее убить себя. – Он сделал еще одну затяжку. – Я уверен, она сделала это специально. – Он посмотрел на клубы дыма, вздымающиеся к потолку. – Она получила почти все, чего добивалась. Умерла обманутой женой, так, что все ее жалели, все сочувствовали. – Он пожал плечами. – Покончила с собой. – Мэддер запнулся, потом продолжил: – В этом смысле Флора была умна; ей удалось скрыть, что на самом деле она была ненормальной. Она заставила журналистов сделать так, чтобы никто никогда об этом не догадался.

Собеседник хотел меня шокировать, и ему это удалось. Я задумалась о той тонкой грани, что проходит между видимостью и правдой, о том, как легко ее не заметить.

– Мне очень жаль.

– Вы замужем?

– Не знаю. Я в подвешенном состоянии. Мой муж ушел от меня к молодой женщине; но по крайней мере об этом не кричали все газеты.

В его темных глазах вспыхнул интерес.

– Ага, теперь понятно, почему Нил...

Я посмотрела в его измученное, усталое лицо, и прониклась сочувствием.

– Нил – министр, он женат и амбициозен. Чарлз Мэддер прекрасно меня понял. Он улыбнулся, и я поняла, что некогда он был привлекательным мужчиной.

– Как и я когда-то. Как и я.

Мне позвонила сотрудница Хэла.

– Не возражаете, если я дам ваш телефон Хэлу Торну? Он очень настаивает, и я решила сначала спросить у вас.

По ее тону было понятно, что только ненормальная упустила бы такую возможность.

– Вполне в духе Хэла. Ее тон изменился:

– А, так вы его знаете.

Я выглянула в окно. Лето близилось к концу. Вечера стали прохладнее, темнее. Сад утратил воздушно-белую невинность и расцвел оранжевым, красным и ярко-синим: цветами осени.

– Да, можете дать Хэлу мой номер, – медленно проговорила я.

Я решила испечь пирог для мистера Сирса. Я давно этим не занималась и мучилась, выстилая форму противопригарной бумагой.

Когда я принесла соседу результат своих трудов, он слушал футбольный матч. Как обычно, я отправилась на кухню разрезать пирог и кипятить чай.

Мистер Сирс осмотрел мою стряпню.

– Вижу, вам уже лучше.

Я протянула ему кусок.

– Выпейте чаю. Завтра приготовлю вам лазанью.

Мистер Сирс жадно жевал торт.

– Не люблю эту иностранную гадость. Я знала, во что он играет.

– Могу вообще ничего не приносить.

– Но мне нравится, как вы готовите.

– Тогда ладно.

Мы выпили чай как друзья. Мистер Сирс отрезал второй кусок пирога.

– Что вы посадите на могиле Петрушки?

Мы долго обсуждали, какие цветы ей понравились бы. Нарциссы слишком официальные, цикламен слишком невзрачен, розы не уродятся. Наконец мы решили посадить еще один куст чемерицы; я сходила домой и принесла книги по садоводству, чтобы показать мистеру Сирсу картинки. Он указал на белый цветок с пурпурными крапинками.

– Вот это Петрушка, – сказал он. Старик вставил палец с желтым ногтем в рот и поковырялся в зубах.

– Еще бы, – пробормотал он, – теперь, когда у вас нет мужа, у вас появится больше времени, чтобы заходить ко мне.

Когда я вернулась, на автоответчике меня ждало сообщение от Хэла. «Жалко, что не застал тебя. Уезжаю в рекламный тур в Штаты. Позвоню, когда вернусь домой. Роуз... я был рад, очень рад тебя увидеть».

В ту ночь мне снились живые, неестественно яркие сны. Я складывала чистую одежду на кухне – маленькие брючки, крошечный розовый джемпер, носочки размером с грибы. Мне так нравилось разглаживать их, нравился чистый запах крахмала. И все же моей одежды там не было. Гора вещей уже нависала надо мной, и мне было очень трудно поднять корзинку. Я почувствовала, как она выскальзывает из рук.

Проснувшись, я была почти уверена, что чувствую мягкое, теплое тельце Петрушки, что спит рядом со мной.

В конце месяца Ви прислала пару книг на рецензию. Поскольку мои финансы были ограничены, я обрадовалась.

Первой из книг была автобиография актера, который перед выходом на сцену получал инструкции от Бога. («Вот счастливчик, – фыркнула Ви. – По крайней мере он знает, что к чему».) Второй – пособие на тему «как развестись по-хорошему». «Крайний срок 31 сентября, – написала Ви. – Ни минутой позже». Я как раз заканчивала обе рецензии, когда услышала, как распахнулась входная дверь и на пол упала сумка.

– Мам? – Поппи взлетела по лестнице. – Мам, я приехала.

Я так быстро вскочила на ноги, что опрокинула стул. Испытывая смесь невыразимой любви, испуга и раздражения, я обняла ее. Птичьи косточки, гладкая кожа, волосы, пахнущие специями и Востоком... это была моя дочь. Я прижала ее так крепко, как только могла.

– Спасибо, что предупредила.

Поппи хихикнула.

– Вот и я, замужняя женщина; у меня даже есть кольцо. – Она вытянула безымянный палец, на котором не было кольца, зато была

татуировка. – Забавнее и долговечнее, чем металл, а по-моему, это важно, как думаешь?

Татуировка в виде жалостливо тонкой линии вокруг пальца была едва видна. Я погладила ее по волосам.

– Где же новобрачный?

– Уехал на север, навестить родителей. Мы хотим побыть отдельно друг от друга.

Я помолчала, не зная, что сказать:

– Неужели? Очень благоразумно.

– Да, и... – Поппи посмотрела на ковер, потом выглянула в окно. – Я хотела побыть с тобой наедине, ни с кем тебя не делить. Понимаешь?

– Разумеется.

Она оживилась и закружилась по комнате, так что ее муслиновая юбка заструилась радугой.

– Я так взволнована. Как думаешь, может, устроить вечеринку и всем рассказать?

Что-то в голосе Поппи подсказывало, что на самом деле она вовсе не так рада.

– Конечно. Пойдем, откроем бутылку вина. Хочу, чтобы ты мне все рассказала.

Но Поппи настояла, чтобы сперва я поведала ей все домашние новости. Я послушно поделилась новостями о Сэме и Элис, Ианте и мистере Сирсе. Про Натана я не сказала ничего и закончила словами:

– Пару раз звонила Джилли. Она вернулась из Новой Зеландии и ищет работу, прекрасно провела время и непременно хотела увидаться, как только ты вернешься. Она не знала про изменения в твоей жизни, и я не стала ничего говорить.

Раньше Джилли всегда была первой, кто узнавал новости о Поппи, обычно задолго до того, как они сообщались нам с Натаном.

– Конечно. Может, я ей и позвоню. Завтра, наверное. – Дочка сняла очки и протерла стекла. – А как ты, мама?

– Отлично.

– Ага, как же. Мой отец бросает мою мать после двадцати пяти лет совместной жизни, а она еще говорит, что у нее все отлично?

– Но это правда. Не то чтобы превосходно, но все в порядке.

– О. – Похоже, Поппи расстроило, мое спокойствие. Может, мне надо было сотрясаться в истерике и плакать, чтобы утешить новобрачную? Но все это я уже делала.

– Дорогая, я прихожу в себя. Теперь прошу, расскажи мне о вас с Ричардом, о свадьбе...

Поппи начала рассказ о своих путешествиях, кульминацией которого была тропическая свадебная церемония с угощением на банановых листьях: гости танцевали на песке и обнаженными ныряли в море. Но о Ричарде она говорила мало.

– Папа не рассчитывал на голых гостей, – заметила я, подумав о планах Натана на свадьбу Поппи. Алый ротик Поппи тут же сжался – тревожный знак, и я сменила тему. – Ты же всегда говорила, что не хочешь связывать себя и доходить до отчаяния. Как я. Дорогая, ты полностью, на сто процентов уверена, что Ричард – именно тот человек, с которым ты хочешь быть рядом до гробовой доски?

– Тебе не кажется, что «до гробовой доски» звучит несколько самонадеянно? После того... после того, что произошло у вас с папой, я не рассуждаю такими категориями.

Я почувствовала, что краснею.

– Но нам почти удалось. – Я взяла ее за руку. – Почти.

Поппи выдернула руку.

– Ты сердишься на меня. Ричард предупреждал, что будет скандал.

Я догадалась, что Ричард ничего подобного не говорил. Это Поппи хотелось скандала.

– Мне все равно, как ты вышла замуж, – мастерски соврала я, – лишь бы ты была счастлива. Шляпку я могу надеть и на другую свадьбу.

Она не поняла, поддразниваю я ее или иронизирую, смеюсь или плачу; да я и сама не знала.

Поппи встала позади меня и обняла меня за шею.

– Это было так просто, мам. Таиланд – это волшебство и лунный свет. Мне казалось правильным делать то, что подсказывают чувства. – Она замолкла. – Я увлеклась.

– Главное, чтобы вы оба были счастливы.

Поппи крепче прижалась ко мне.

– Где Петрушка?

Я рассказала, и дочка разразилась рыданиями, которые, как я подозревала, лишь частично были адресованы Петрушке. Наконец она успокоилась и села на диван; милое юное личико снова стало беззащитным.

– Тебе понравится Ричард, правда, – проговорила она. – Просто ты его пока не знаешь. – Это точно. – Он такой непредсказуемый, просто папа сразу испортил с ним отношения, когда начал задавать все эти вопросы про работу. Ну и Ричард в ответ стал огрызаться.

– Понятно. Значит, мы во всем виноваты?

– Укол в мой адрес. – Поппи улыбнулась, и мне стало лучше.

Глава 21

Услышав новости, Натан сразу же приехал на Лейки-стрит. Я открыла дверь и едва узнала человека в жеваной рубашке и шортах. Видимо, в Греции он жестоко обгорел; кожа на лице и руках до сих пор облезала клочьями.

Натан бросился в прихожую, Поппи сбежала по лестнице и кинулась в папочкины объятия. Он судорожно прижал ее к себе.

– Что же ты натворила, девочка моя?

Она ударила кулаком ему в грудь.

– А что ты натворил?

Я оставила их и вышла в сад.

Из фонтана ласково струилась вода; дельфиниумы раскрыли свои поздние легкомысленные бело-голубые зонтики; бузульник выставил на обозрение кричащие оранжевые цветы.

– Роуз? – В патио вышел Натан. На его щеках были слезы, он вытер их тыльной стороной ладони, а потом пробежал пальцами по волосам. – Не могу поверить, что Поппи вышла за этого парня. Он с тобой разговаривал? Мне он не звонил. – Я никогда не видела его таким осунувшимся. – Что же мы сделали не так? Или все дело в Поппи?

Мне хотелось обнять Натана и сказать: успокойся, ты был хорошим отцом, самым лучшим – ведь именно это ему хотелось услышать..

– Дело не в том, что мы где-то ошиблись. То, что Поппи вышла замуж без нашего участия, вовсе не делает ее плохой. И не делает нас плохими родителями. Мы привыкли думать о них с Сэмом как о детях, а не самостоятельных людях. Поппи напомнила нам об этом, только и всего.

Натан потерял треугольник солнечного ожога на шее.

– На какие средства она жила все эти месяцы, пока скиталась по миру? Мы дали ей не так уж много.

Этот вопрос уже приходил мне в голову.

– Видимо, у них с Ричардом свои ресурсы.

– У Ричарда свои ресурсы! Да он не разглядит возможность заработка, даже если та прыгнет к нему на колени! У этого парня на

лбу написано: я живу на пособие!

– Мы видели Ричарда всего трижды, но Натан гордился своим умением мгновенно определять характер человека. (Надо признать, что его оценки часто были верны.)

Я уставилась на это грубое воплощение отца Викторианской эпохи:

– Ты что, серьезно?

– Конечно! – На тропинке лежала связка бамбуковых шестов. Натан схватил ближайшую палку и с ненавистью воткнул ее в клумбу. – Будь я проклят, если устрою ей вечеринку. Пусть идет в паб, черт возьми.

Я тактично подождала, пока Натан вытащит платок и вытрет лицо и руки, а потом сказала:

– Натан, нам придется смириться с этим браком.

Он приуныл еще больше.

– Ты в своем уме?

– Да.

Натан пнул ногой все еще подрагивающий шест.

– Раз уж я здесь, Роза, надо поговорить насчет дома.

Я напряглась, испугавшись того, что последует за этим, и оттого ответила грубее, чем намеревалась:

– Не смей называть меня Роза.

– Но... – Он обиженно пожал плечами. – Как пожелаешь.

Было нелепо грызться по поводу прозвища, и я как можно спокойнее спросила:

– И о чем ты хотел поговорить?

Натан заговорил офисным голосом – плохой знак:

– Прошу тебя, подумай о том, что я сейчас скажу. Что, если я выкуплю твою долю дома? – И добавил тем же ровным тоном: – После того, как ее оценит специалист.

– Что?

Натан подошел к садовой скамейке, сел и похлопал, чтобы я села рядом с ним. Я проигнорировала его приглашение, и при разговоре ему пришлось смотреть на меня снизу вверх.

– Ты сэкономишь деньги, они тебе пригодятся. Мы можем все решить быстро, с минимумом посредников. – Увидев выражение моего лица, он замаялся: – Мы должны быть практичными.

Я по-детски заявила:

– Мне это ни к чему. По крайней мере теперь.
– Нет, Роза... Роуз. Прощу, не позволяй своему гневу вставать на пути разумных решений.

– Ноги Минти не будет в моем доме.

– Это и мой дом.

– Но ты же из него ушел, – парировала я.

Последовала тяжелая, опасная тишина. Меня как будто отвергали заново, только на этот раз было еще хуже: мне показалось, будто Натан упал духом и его стремление к свободе на самом деле означало совсем другое. Я могла понять его безумное, сумасбродное решение, нехарактерную непредсказуемость, которая, по крайней мере, говорила об отваге, но только не этот вялый ход, направленный на восстановление статус кво, только с другой женщиной.

Я повернулась и пошла в дом.

– Может, все-таки выслушаешь меня? – Натан засеменил следом.

Я плюхнулась в голубое кресло и покачала головой: – Это ни к чему. Я более-менее тебя поняла. Я согласна отдать наш дом тебе и Минти. Это очень легко и чрезвычайно все упрощает для тебя и твоей... Не знаю, как ее назвать. Слишком много чего приходит на ум.

– Я желаю тебе только добра.

Я подумала над этой фразой и решила отдать ему должное. Но все же его слова меня озадачили.

– А мне казалось, что ты хочешь расстаться. Натан поступил мудро и проигнорировал мое замечание.

– Тебе так будет лучше. – Он взглянул на задвижку на французских окнах. – Ненадежный замок. Позвоню-ка я Чарли, пусть придет и починит.

– Как хочешь.

– Поскольку меня здесь нет и некому следить за хозяйством, так будет лучше. – Он вбил последний гвоздь. – Рад, что ты меня поняла.

– Я не поняла. Нет, не совсем верно сказано. Я понимаю, что тебя влечет удобство. Но чего я не могу понять, так это как ты посмел предложить мне столь болезненное соглашение. Ты знаешь, как много значит этот дом... наш дом, Натан. Генри Восьмой хотя бы головы женам отрубал.

– Ты говоришь ерунду. – Теперь Натан смотрел на меня, будто я была его сотрудницей, с которой надо было разобраться. – Знаю, мое

предложение кажется ужасным, но если ты подумаешь... – Он раскрыл руки жестом призывающим к благоразумию и компромиссу, который всегда был у него наготове. – Тебе не хуже моего известно, что первое впечатление – это одно, а если приглядеться, то увидишь совсем другое.

Это было более чем верно по отношению к Флоре Мэддер.

– Неужели ты не понимаешь? Я не хочу уезжать из своего дома, хотя знаю, что мне придется... И я уж точно не хочу, чтобы в нем жила Минти.

Позади нас кто-то судорожно ахнул. Мы оба повернулись. В дверях стояла Поппи: ее губы сжались и побелели.

– Я сошла с ума или ты действительно предлагаешь то, что я думаю, папа?

Натана словно громом ударило, и он промямлил:

– Это наше с мамой личное дело.

– Ничего подобного. – Поппи вбежала в комнату. – Нас с Сэмом тоже касается то, что ты натворил. Мало того, что ты ушел, так ты еще пытаешься превратить маму в нищенку. Думаю, у меня есть право высказать свое мнение на этот счет.

Я не знала. Смеяться мне или плакать.

– Поппи, милая, мы с твоим отцом сами все решим.

– Тогда защищайся, мама! Не позволяй ему топтать себя ногами!

– Он и не топчет, Поппи.

– Не морочь мне голову! Факт: папа сбегает с другой женщиной, и ему мало того, что он выставил себя дураком – хотя, признаю, многие мужчины поступают так же – он к тому же хочет вышвырнуть тебя из нашего дома и установить здесь свою трофейную куклу без всякого для себя беспокойства! Ему даже не придется вещи собирать! – Она развернулась к Натану. – Пять баллов за экономию усилий, папа. – Натан побелел от ее бешеной атаки. – Это правда, да, пап? Правда?

Теперь Натан посерел. Когда он недавно заключил Минти в объятия, ему ни на минуту не пришло в голову, что вскоре придется столкнуться с бичом осуждения дочери.

– Извинись, – процедил он сквозь сжатые зубы.

– И не подумаю. Я вырвалась из клетки. И теперь самостоятельная женщина.

– Что ж, хорошо. – Натан был взбешен. – Я прекращаю выплачивать тебе содержание. И если ты возомнила, что я устрою вечеринку, чтобы отпраздновать твое воссоединение с этим дебилом, ты очень ошибаешься.

Я сделала шаг вперед и коснулась его руки.

– Натан, хватит.

Поппи сорвала очки и швырнула их на стол.

– Ты ведешь себя как обычно, – прошипела она; глаза ее округлились от злобы. – «Если ты не сделаешь так, как хочу я...» Я-то думала, что ты мой отец, который всегда меня поддержит. Я знала. Я так и знала. Стоит лишь поступить по-своему... Ричард меня предупреждал.

– И что же такого Ричард наговорил о нашей семье, о которой ему ровным счетом ничего не известно?

– Может, это потому, что ты даже «доброе утро» ему не сказал, не выразив совершенно ясно своего мнения на его счет? – Полуслепая без очков, она набросилась на Натана:

– Ты бросил маму – как это удобно, и теперь хочешь бросить меня и даже не можешь заставить себя нормально поговорить с моим мужем! Ну и отлично. – Она ринулась к столу, взяла очки и нацепила их. – Пойду-ка лучше скажу Сэму, что он следующий.

Она выбежала из комнаты и взлетела вверх по лестнице.

Натан резко сел. Он на глазах постарел и стал настоящей развалиной.

– Поппи права, – бесстрастно проговорила я. – Ты должен ее поддерживать.

Натан уставился на фонтан.

– Ненавижу эту штуку, – пробормотал он. – Всегда ненавидел.

– Я выключу.

Натан не сумел совладать с эмоциями, и они хлынули через край.

– Если бы всего год назад мне сказали, что я окажусь в такой ситуации, я бы смеялся до упаду. Я бы даже не стал слушать. А теперь я ненавижу себя. Почему? Мне казалось, что я так ясно все представлял. Минти появилась из ниоткуда, и мне казалось, что я знал, зачем; но теперь я понимаю, что не знал. И не знаю. И у меня нет времени сидеть и раздумывать над этим.

– Слишком поздно объяснять. – Я закусила губу. – Но я не понимаю, как ты позволил ситуации зайти так далеко.

– Она меня околдовала. Я был в таком возрасте, когда мне хотелось, чтобы меня околдовали. Я мужчина средних лет. Комедийный персонаж. На самом деле все очень просто.

У меня перехватило дыхание. Мне хотелось спросить: и она до сих пор тебя околдовывает?

– Не правда ли любопытно, Натан, что дети гораздо более послушны и преданны? Они ведут себя куда лучше взрослых с их любовницами, разводами и драками.

Рот Натана передернулся.

– Насчет дома, Роуз. Клянусь, я думал не только о себе, но и о тебе. Так ты сможешь выручить больше денег.

Наверху Поппи металась по комнате; открывались и захлопывались ящики. Заорала поп-музыка, настоящая какофония. Потом Поппи сбежала по лестнице в прихожую, разговаривая по мобильному: «Ты был прав... Он идиот... Ненавижу его. Мой отец...»

Натана передернуло; его лицо исказилось.

Когда-то, когда я ушла от Хэла, мне казалось, что я умру. Но этого не случилось. Вместо этого я выросла и, как зеленое деревце из сказки, дала плоды и расцвела. Это был счастливый конец, хотя все зависит от того, как к этому относиться. Но я поняла, что я не из тех женщин, к которым на помощь приходит добрая фея: мой счастливый конец мне пришлось строить самостоятельно. Ситуация снова повторяется.

Я села напротив него.

– Натан, я надеюсь Минти и ее колдовские чары всего этого стоят. Просто необходимо, чтобы они того стоили. Нельзя пройти через этот кошмар, а потом сказать: я не знаю, ради чего я все это сделал. Нельзя сомневаться и юлить, когда весь мир вокруг тебя рушится в щепки.

В ответ на мои слова он уронил голову на руки. Этот разговор причинял мне боль, и мысли о Поппи – тоже. В то же время я понимала, что не умру от любви, от того, что меня покинули, и не умру, потеряв свой дом. Было бессмысленно думать о пеликанше, которая выдергивала перья из окровавленной груди, чтобы защитить потомство. Моему птенчику, моей драгоценной дочурке нужна была помощь, и в хаосе этой семьи требовалось навести какое-то подобие порядка.

Я закрыла дверь гостиной. – Теперь слушай меня. Предлагаю сделку. Если ты будешь продолжать выплачивать Поппи содержание и устроишь ей вечеринку, чтобы показать всему миру, что мы счастливы и одобряем ее брак, я продам тебе половину дома. – Я прислонилась к двери. – Но ты должен будешь выплатить полную цену. Как ты сам заметил, я должна быть практичной. И еще я останусь здесь по меньшей мере до весны. Ты у меня в долгу.

Дверная ручка в моих руках была гладкой и холодной. Я зажмурилась. Она победила. Хладнокровная воровка Минти будет цокать по этому дому на тонких каблукках. Захватчица, грабящая мое добро, будет трогать мои вещи; жить под моей крышей, в моем личном пространстве.

Теперь я стала лучше ее понимать: гораздо лучше, чем когда мы вместе работали. Разгадки пришли ко мне ночами, ночами бодрствования, ночами без снов. Минти боится, что жизнь слишком быстро мчится мимо. Она беспокоится, что чересчур много времени провела на солнце и теперь рискует иссохнуть.

– Натан, а Минти известно о твоём грандиозном плане?

Ему хватило приличия напустить смущенный вид.

– Я хотел сначала обсудить все с тобой.

Что же скажет Минти? Будет ли она безоговорочно рада – ведь именно на это рассчитывает Натан? Скорее всего, нет; но это уже проблемы Натана. Я быстро сказала:

– Если на вечеринке ты будешь вести себя безупречно, я возьму на себя все детали и разберусь с ними как можно быстрее.

Натан поднялся и облокотился о каминную полку, обдумывая все за и против: денежный вопрос; сможет ли он простить Поппи; долго ли он продержится в захлавленной квартирке Минти.

– Ты серьезно?

– Да.

Я вдруг почувствовала облегчение. Словно нарыв открылся. Я отпустила его.

Натан потрогал фарфоровое блюдо и фигурку: все, что осталось на каминной полке с тех пор, как он унес вазу его матери. Он передвинул мое обручальное кольцо, которое так и лежало там с тех пор, как я сняла его много месяцев назад. Поднял его, нахмурился и перекатил между пальцев. – Ты будешь искать замену Петрушке? То

есть, я понимаю, ей нельзя найти замену... но ты заведешь другую кошку?

– Во всяком случае не надену новое обручальное кольцо.

Натан поморщился.

– Понятно. Ладно. – Он положил кольцо и достал ключи от машины. – Значит, договорились.

В дверном стекле я увидела тонкий изгиб моей талии и спины: они выглядели замечательно.

– Кстати, тебе не кажется, что этот дом слишком велик для двоих?

Натан растерянно затеребил ключи, и я поняла, что сейчас он скажет что-то, что имело отношение к нашему разговору; что-то, что следовало сказать раньше.

– Вообще-то, Роуз, Минти хочет завести детей. – Натан нахмурился. – Она очень хочет. Очень. Было бы разумно поселиться здесь.

– По-моему, ты сошла с ума. – Ви сердито опустила в чашки пакетики мятного чая.

Мы сидели в ее деревенской кухне (точнее, городской в деревенском стиле), куда я прибежала за поддержкой. С потолочной балки из нержавейки, свисали засушенные травы и сковородки; у плиты стоял кувшин в форме амфоры, наполненный сушеными помидорами в масле. Ви готовилась к осеннему сезону и устроила стирку. Наш разговор то и дело прерывался криками детей, которые сидели перед телевизором в другом конце кухни.

– Что они смотрят? – спросила я. Ви покосилась на телевизор.

– Учебный фильм по безопасности жизнедеятельности. Чтобы они научились не разговаривать с незнакомцами, не брать у них конфеты и прочее и сообщать взрослым, если кто-нибудь ошивается возле дома.

Краем глаза я увидела мужчину в бежевом плаще, который сидел на скамейке в парке; от него убегали двое детей.

Аннабел лежала на животе, уткнувшись лицом в пол. Марк возился с ярким игрушечным поездом, но время от времени взирал на экран с изумлением кролика, которому в глаза ударили фары.

– Ви, а им не страшно смотреть такое кино? Разве это необходимо?

– Но им и должно быть страшно, Роуз. Жизнь – страшная и опасная штука. Предупреждая детей, я выполняю свой долг.

– Тогда они вообще не будут никому доверять.

– А чем это плохо? Они и не должны никому доверять. – Ви подвинула мне чашку. – Тебе не кажется, что ты позволила этому мерзавцу затоптать себя?

– Я сделала это ради Поппи. И мне так хотелось. Я ничуть не против. Нет, это неправда, конечно. Я не могу поверить... в голове не укладывается, что у Натана и этой... будет ребенок.

Ви посмотрела на меня как на ненормальную.

– Милая, тебе придется все это пережить и выйти целой и невредимой. Поверь мне, я-то знаю. – Ее лицо ожесточилось. – Я была слишком милой. Это мой недостаток. И твой тоже.

У Ви был трудный развод, но она выиграла дело у заблудшего Роберта: ему пришлось поделиться большей частью своего не слишком крупного дохода и отдать жене дом. Я прекрасна знала, что за внешней грациозностью Ви скрывается умный стратег.

– С Робертом ты была не так уж мила. Глаза Ви раскрылись еще шире.

– О, я тут ни при чем. Это все адвокаты. – Ви взяла кружку. – Эта нахалка будет жить в твоём доме, – прошипела она, – лапать все твои вещи. Спать в твоей постели. Вешать одежду в твой шкаф...

Я сделала большой глоток мятного чая. Он был сладким и полезным, согревал и успокаивал.

– Я об этом уже думала, – сказала я и улыбнулась.

Я готовила Поппи поздний ланч, когда позвонил Ким Бойл. Я села на стол, положила ноги на стул и приготовилась посплетничать. Ким был моим старым коллегой, который перешел в конкурирующее издание под названием «Ежедневная депеша».

– Завтра уезжаю в Штаты, – сказал он, – но хочу с тобой повидаться.

– Как мило.

– Чтобы поделиться сплетнями, разумеется.

– А как же.

– И возможно, предложить тебе маленькую подработку.

Я почувствовала знакомое пощипывание в кончиках пальцев.

– Хочешь заплатить мне, чтобы я выдала все секреты «Вистемакс»? – Мне нравилось чувствовать себя женщиной, знающей

нужные всем секреты.

– Мы хотим узнать, что происходит, а твой опыт нам бы пригодился.

Я напомнила другу, что несколько месяцев мне нельзя работать, по мне был известен ход их мыслей. Ким сказал, что его босс об этом подумал, и если вакансия будет по-прежнему открыта, он найдет мне замену на следующие пару месяцев. Когда мне удобно начать?

Мы договорились, что январь – самое подходящее время.

– Кстати, – добавил он, – мне очень жаль, что у вас с Натаном так вышло.

– Натан решил начать новую жизнь.

Ким щелкнул языком:

– Горбатого могила исправит. Даже не знаю, плакать тут или смеяться. Или поражаться, какой же он эгоист.

Глава 22

Как бы ни хотелось Натану сдержать обещание, организовать вечеринку для Поппи и Ричарда в столь короткий срок было нелегко. В конце концов Саймон Проффитт предложил нам помещение его художественной галереи в Кенсингтоне: сбоку от нее была пристройка в виде зимнего сада – его недавнее приобретение. Здесь было красиво: вечером зажигали свечи и крошечные белые огоньки. Саймон считал, что если вещь затрагивает чувства, то нужно ее покупать. Я была с ним согласна.

Мы разослали приглашения на первую неделю декабря.

– Как я понимаю, Поппи будет в белом. – Ианта занялась важным для нее вопросом цвета.

– Поздновато для этого, мама.

– Ты была в белом, – заметила она.

Мы хотели устроить простой прием, но с лучшим вином, которое сможем себе позволить, хорошим угощением и приличным свадебным тортом. Я несколько раз обсуждала по телефону с Натаном детали. Разговоры были безупречно вежливы, но у него был усталый и напряженный голос.

Поппи осталась жить на Лейки-стрит; Ричард приезжал и уезжал, и у меня не было возможности узнать его получше. Он ненавидит сидеть на одном месте, объяснила Поппи. Когда он жил у нас, я часто слышала, как они до поздней ночи разговаривают. Как-то раз я проснулась и подскочила на кровати: я была уверена, что слышала крик Поппи.

Комната для гостей постепенно наполнялась одеждой и подарками, и картину с розами было уже не видно. Но я с удовольствием готовилась к вечеринке, и самое приятное, что Поппи вела себя как обычная невеста. Она была взволнована и напугана, похудела, стонала над горами благодарственных писем, несколько раз меняла прическу, записалась на прием к врачу по поводу контактных линз и купила невероятно стильное платье.

Вечером, за день до вечеринки, из Бата приехал Сэм. Он поцеловал Поппи и поздравил ее. Она чмокнула его в ответ.

– Как Элис?

Сэм тут же напрягся.

– Нормально. Приедет завтра. – Он снял пиджак и повесил его на кухонный стул. – Она хочет уехать в Америку на год или два. Наверное, это к лучшему.

– Еще бы, – сказала Поппи, – какая отличная идея.

Сэм с подозрением взглянул на нее, но пропустил замечание мимо ушей.

– Элис считает, что наша страна погибает прямо на глазах. Ей кажется, что в нашем обществе больше запретов, а не возможностей, и лучше отсюда сматываться.

– У нее есть право голоса, – сухо проговорила я.

Сэм пожал плечами:

– Политики. Чего они могут добиться? Единственная эффективная оппозиция – это пресса, и Бог им в помощь.

Я села и подперла щеку ладонью.

– Ты... ты поедешь с ней?

Но Сэм продолжал твердить о своем.

– Правила и ограничения безумны; общественный транспорт – сплошная неразбериха; дороги отвратительные; политики лгут. Взгляните на Францию, Швейцарию. Их политикам удастся управлять страной. Если бы я работал так, как работает наше правительство, мой босс давно бы меня уволил. А мы ведь платим налоги. – Он приободрился и улыбнулся: – Остается лишь смеяться, чтобы не заплакать.

У Сэма был весьма язвительный взгляд на мир. Видимо, он в точности отражал их с Элис отношения.

Вскоре вернулся Ричард. Он ездил на север, чтобы привезти родителей в Лондон и устроить их в отеле. Поппи открыла ему и проводила мужа на кухню.

– Привет, теща. – Ричард чмокнул меня в щеку. – Извините за опоздание.

Я неприлично вытаращилась на него. Кудри Ричарда куда-то подевались; их место заняла очень дорогая стрижка. Его индийские наряды тоже испарились: он был в льняном костюме, судя по всему, от известного кутюрье, и выглядел шикарно, ухоженно, чуть ли не сердцеедом.

В его улыбке чувствовалась издевка:

– Свадебный подарок моей невесте. Подобно Самсону, я пожертвовал волосами ради женщины.

– Но... – я собралась с мыслями, – ...ты же не лишился силы.

– Нет, но боюсь, я произведу эффект бомбы.

– Только Лейки-стрит пощади, – поспешно проговорила я, налила ему бокал вина и объявила, что ужин готов.

– Я не буду, – Ричард взял бокал. – Я уже ужинал.

– Я тоже не буду, – воскликнула Поппи. – Мне в рот ничего не лезет.

– Сэм?

Он покачал головой.

– Я поздно и плотно поужинал.

Я окинула взглядом цыпленка по-охотничьи и абрикосовый мусс.

– Мамочка, дорогая, – защебетала Поппи, взяв меня за руки и заглядывая мне в глаза, – не надо было беспокоиться.

Втроем они переместились в гостиную. Я слышала, как они разговаривают. Я осталась на кухне и убрала приборы с орехового стола, а еду поставила в морозилку; убрала кремовые льняные салфетки и столешники, а белую фарфоровую миску поставила в буфет.

Сплошная неразбериха, сказала бы Мазарин. Сначала твои дети не могут пробыть без тебя ни минуты, а потом ты им вовсе не нужна.

Я провела рукой по столу – наощупь столешница была как сатин. Я открыла буфет и вдохнула аромат ванили и корицы. Нам с Натаном следовало бы быть в эти последние минуты перед свадьбой Поппи рядом, обсуждая приготовления, суется из-за гостей, повторяя речь, успокаивая друг друга, что все будет в порядке. Но мы занимались каждый своим делом. И все же у меня было предчувствие, что как бы мы с Натаном ни настаивали, что между нами все кончено, жизнь постоянно будет доказывать нам обратное.

До прихода гостей в галерее собрались члены семьи. Ианта выбрала фисташково-зеленое платье, чем меня немного удивила; но Поппи, с огромными глазами в новых контактных линзах, в платье от Вивьен Вествуд и с кремовыми розами в волосах, выглядела совсем иной и ослепительно красивой.

На мне, конечно же, было мое французское белье, юбка и жакет с круглым вырезом и укороченной талией, который мадам Зу-Зу так тщательно подогнала по фигуре. Должна признаться, я была в восторге от этого мастерски продуманного, по-кошачьи изящного наряда.

Натан надел свой лучший темный костюм и шелковый галстук. Он поцеловался со всеми и сказал Поппи, что она выглядит потрясающе. Девочка обняла его с прежней нежностью и гордостью.

– Боже милостивый, Натан, – воскликнула Ианта, которая, как я заметила, не ответила на его поцелуй, – у тебя очень усталый вид.

Натан нахмурился.

– Работаю, как всегда, – пробурчал он и повернулся к Ричарду. – Ты уже подумал, где вы собираетесь жить?

– Я как раз этим занимаюсь, – ответил жених. – К Новому году надеюсь все уладить.

– И где же?

– В квартире в Кенсингтоне. – Ричард держался молодцом.

Откровенное изумление Натана не делало ему чести.

– Ты купил квартиру? Как?

– Как обычно покупают. – В тоне Ричарда таилась лишь капля угрозы. – Квартира с двумя спальнями. На первое время хватит. Пока мы были в Таиланде, я позвонил отцу и попросил его заняться этим.

– А, понятно. Я как раз хотел спросить, не нужна ли вам моя помощь, но... вижу, что нет.

– Нет, – кивнул Ричард.

Мы с Натаном явно ошиблись в Ричарде: он был не похож на эколога-фанатика, хранителя духа Земли, каким мы его считали. Ричард добавил:

– Через пару недель я начинаю работать.

Обычно невозмутимый Натан смог лишь выдавить:

– Где?

– У Артура Андерсена. Слышали о его компании?

– Почему ты меня не предупредила? – зашипел на меня Натан, как только у нас появилась возможность обменяться парой слов с глазу на глаз. – Он вполне устроенный парень, мне незачем было изображать из себя разгневанного отца!

– Тихо. – Я коснулась его руки. – Гости уже здесь.

Официантка заняла свое место и принялась разливать шампанское – оно мягко шипело. Повсюду мерцали свечи. Посреди комнаты кружилась Поппи, взяв Ричарда за руку, и у меня перехватило дыхание от ее красоты.

Натаном завладел Клайв Берри, один из его двоюродных братьев, приехавший из Девоншира. Они начали разговор о маршрутах.

– Ты приехал по А12? – удивился Натан. – Разве ты не проезжал мимо Бостона и Ай?

– Здравствуй, Клайв. – Я поцеловала его: мы были давно знакомы. Клайв, который до этого чувствовал себя совершенно спокойно, сразу же напрягся: он не знал, как себя вести в данной ситуации. Мне стало его жаль, и я попыталась разрядить обстановку: – Ты видел невесту?

К нам подлетела Поппи.

– О, Клайв, привет. Рада тебя видеть. Поговорим позже, мне нужно кое-что сказать маме, – она оттащила меня в комнату для официантов, где было относительно тихо. – Мама, кто позволил этой женщине явиться сюда? – Она была в ярости.

– Какой женщине?

– Ну той, папиной. Она здесь. Как она посмела? – Губы Поппи побледнели. – Я хотела, чтобы присутствовали только члены семьи. Не хочу, чтобы гости заметили ее и начали судачить.

– Минти? Ты уверена, что она здесь? – Я погладила Поппи по щеке, чтобы дочь успокоилась. – Разумеется, ее никто не приглашал. Если она здесь, я от нее избавлюсь.

Поппи все время терла татуировку на пальце; я накрыла ее руку своей ладонью:

– Успокойся.

– Я хотела, чтобы все выглядело так, как будто вы с папой и не расставались вовсе, чтобы мы все притворились, будто мы – одна семья. Не хочу, чтобы все видели, какой он старый козел.

– Роуз... и очаровательная невеста. – На горизонте появилась Салли Карри; ее муж, работавший с Натаном в газете, плелся за ней. – Какое чудесное платье, Поппи, и место замечательное. Как вы все организовали?

– Это же проще, чем устроить полноценную свадьбу.

– Моя нелояльная дочь высвободила руку и мастерски исчезла, оставив меня наедине с Салли, побрякивавшей своими золотыми

драгоценностями.

– Но, учитывая ситуацию... – с сочувствием произнесла гостья. Муж Салли ткнул ее в бок, но она понеслась дальше: – Нам с Майлзом жаль, что мы не поддерживали связь, но Майлз говорит... – она покосилась на ужаснувшегося супруга, – ... Майлз говорит, что в таких случаях надо выбирать. Нельзя одновременно дружить с обоими, и поскольку Майлз...

Я не винила Салли: преданность тому, кто обеспечивает твой хлеб, вполне объяснима. И все же я позволила себе отомстить: – Поскольку мы никогда не были настоящими друзьями, Салли, я и не обижаюсь. Людям полезно знать свое место.

Салли с мужем удалились, оставив меня размышлять о пустоши, в которую превратился мой круг общения. Меня увидел Сэм: он стоял в кругу гостей, центром которого была Элис, великолепная в ярко-красном платье. Сын подошел ко мне. Я отвела его в сторону.

– Сэм, Поппи показалось, что Минти здесь. Ты ее видел?

Сэм твердой рукой взял меня под локоть.

– Поппи наверняка почудилось. Ей хочется устроить сцену, а повода нет. Не волнуйся, папа бы в жизни так не поступил.

– Я только что нагрубила Салли Карри, которая заявила, что твой отец в качестве друга ей более полезен, чем я. И она права.

– Ну и бог с ней. – Его глаза были прикованы к Элис, которая болтала с ассистентом Натана: симпатичным парнем, экспертом по связям с общественностью. Тот наклонился и коснулся ее плеча. Сэм вздрогнул, и я приступила к действиям.

– Ты давно Джилли не видел? По-моему, ты не говорил с ней после того, как она приехала из Новой Зеландии? Предупреждаю: гадкий утенок превратился в лебедя.

Я подвела Сэма к Джилли, которая при встрече с Сэмом так и засияла от удовольствия и обожания. Я была поражена.

– Сэм, – торопливо пропела она высоким голоском, – я так хотела тебя увидеть! – Джилли была свойственна какая-то нежная неопределенность, которую трудно описать; было непонятно, какое влияние она оказывает на людей. Светлые волосы рассыпались по обнаженным загорелым плечам; она была юной, свежей и с нетерпением ждала очередного поворота событий.

Лицо Сэма просветлело. Я оставила их и пошла искать Минти. Я понимала, что у меня есть два выхода: или убить себя, или быстро придумать правило этикета, регулирующее обращение с незванными похитительницами мужей.

Искать мне пришлось недолго.

Минти стояла в противоположном конце зимнего сада, в обрамлении одной из освещенных арок, и разговаривала с Клайвом. На ней были невероятно высокие каблуки, на которых она слегка наклонялась вперед, и черное платье без рукавов. Это был наряд Идеальной Жены, но в неверной интерпретации: слишком короткий, слишком обтягивающий, с чересчур глубоким вырезом. Она выглядела и ужасно и чудесно одновременно, и Клайв ловил каждое ее слово.

При взгляде на нее гнев, который мне удавалось сдерживать, прорвался. Минти зашла слишком далеко и взяла на себя слишком много. Я направилась к ней, и тут она повернула голову и увидела меня. Темные раскосые глаза расширились от... от чего?

Это мне предстояло узнать.

Клайв распространялся о строении ветряной турбины: это был его конек.

– Извините, что прерываю. – Я остановилась перед ними. – Минти, можно тебя на минутку?

Клайв едва взглянул на меня и продолжал разглагольствовать, загородив от меня Минти. Этим он сильно задел меня за живое. В тот короткий момент, когда я снова стала невидимкой, крылья моего горя коснулись души, и я ощутила всплеск жестокой, горькой ненависти, от которой я, как мне казалось, избавилась.

– Новая технология... – говорил Клайв. – Региональное обновление...

Я открыла было рот, чтобы изойти желчью и злобой, но тут Минти бросила мне один из своих невозмутимых заговорщических взглядов: в уголках глаз играла улыбка. Мы словно снова были в офисе: это был взгляд, которым обмениваются друзья и коллеги. Взгляд, который говорил: «Ну и зануда этот Клайв. Тебе жалко меня?»

Оказавшись рядом с ней, я заметила некоторые изменения. Вокруг губ Минти залегли маленькие напряженные морщины, словно нарисованные светлым карандашом. Может, она разочарована? И еще в ее поведении чувствовался вызов и даже затаенная вражда. Но

больше всего бросалась в глаза решимость закончить то, что она начала.

Минти не подозревала, какую неопишуемую боль причиняет мне, а может, и подозревала, отсюда и морщины вокруг губ. И все же мне стало жаль ее смазливое алчное личико, на котором залегли тени.

Я снова вмещалась в рассказ об истории ветряной турбины:

– Минти, ты не против?

Клайв осекся. Он уже хотел было трусливо ускользнуть, но Минти положила руку ему на плечо. Она всегда обладала превосходным боевым инстинктом.

– Разумеется, – проговорила она. – Я подойду к тебе через минутку, хорошо, Роуз?

– Нет, – сказала я. – Немедленно.

Клайв воспользовался возможностью и улизнул.

– Итак, – сказала я, – какого черта ты врываешься на свадьбу Поппи без приглашения?

Минти облизнула накрашенные блеском губы.

– Кто бы говорил, – ответила она.

– Что это значит?

Но я знала, что это значит.

Можно сказать, что Хэл присутствовал на моей свадьбе. Я была в белом; расходы взяли на себя родители Натана – проявив максимум такта, разумеется. Таким образом, я выходила замуж не на Пэнкхерст-Парейд, а в чужой деревне в Сассексе, где была живописная церковь.

Мне хотелось оказаться в Йелланде: в это время года на полях стояли скирды соломы. Закрыв глаза, я представляла себе радугу мягких цветов: коричневый, золотисто-желтый, устало-зеленый и серо-голубой на небе. В Йелланде был прохладный и чистый воздух, и все было намного проще. Хотя, возможно, это были всего лишь детские влечения.

Натан был женихом, а Хэлу выпала роль рыцаря, который стоял на страже в этот летний вечер. Каким-то образом он узнал, где будет проходить свадьба. Может, ему сказала Мазарин – мне она так и не призналась.

На празднике Хэл был призраком: прекрасным, веселым, истинным воплощением колдовства любви, олицетворением сладкого безумия и

расстроенных чувств поэтов. Натан был собранным, рациональным, уверенным и любящим. Он был той скалой, которой Хэлу никогда не суждено стать. Я отлично помню, как он был уверен в себе.

Саксонскую церковь наполнял аромат георгинов и лилий. В деревенской ратуше с высокими сводами в трех белых коробках разных размеров ждал торт. Мое платье висело в защитном чехле на шкафу в спальне отеля. Я выложила на туалетный столик салфетки, помаду, духи. Прежде чем лечь в постель, я убрала обручальное кольцо в кожаную коробочку.

Уже светало: я услышала, как кто-то шагал по гравию под окнами отеля. Шаги были уверенные, натренированные. – Так ходит человек, который привык к темноте и непроходимым дорогам. Я сразу же поняла, кто это.

Я выскользнула из постели, раздвинула шторы и увидела Хэла: его силуэт вырисовывался в молочно-сером свете. Я видела его очень ясно.

Я оделась, спустилась по лестнице, пахнувшей отелем и дешевой цветочной отдушкой, и оказалась в тишине, где каждый звук отдавался в тысячу раз громче.

Я так сильно любила Хэла, что это было невыносимо. Я знала, что эта любовь слишком неистова и требовательна, ей не суждено прожить долго, поэтому я не могла представить нас в будущем вместе. Но мои ноги, оставляя черные потеки на покрытой росой лужайке, несли меня к нему в утро моей свадьбы. Мы обнялись. Наша кожа была холодной и влажной, и мы чувствовали дыхание друг друга на щеках. Потом наша горящая любовь поглотила нас и стала чернее темноты.

– Ты еще можешь передумать, – пробормотал он, осыпая мое лицо поцелуями. – Можешь, можешь.

Охваченный безумием и страстью, Хэл отказывался верить, что я ускользаю от него навсегда, я тоже не могла поверить в это до конца.

Позднее, когда Натан обнимал меня за талию, я разрешила торт, я вдруг подняла голову, посмотрела в окно и увидела, как Хэл уходит прочь по дороге. Он не оглянулся.

Твердой рукой я дорезала бисквит. Я и Натана любила. – Я была вполне, вполне уверена.

Прощай, любимый!

– Вот видишь, – вежливо напомнила Минти, – ты и сама не ангел. Натан догадался, что Хэл был на свадьбе. Он мне рассказывал, когда вы резали торт... Он увидел его через окно.

– Правда?

– Да, и ему так и не удалось забыть об этом. Я посмотрела в ее ненавистное, но теперь покрытое морщинами лицо. Что же я сотворила со своей жизнью? Как получилось, что я оказалась разорванной на части и такой несчастной? Горечь и отчаяние заслонили спокойствие и невозмутимость, которые я так долго вырабатывала. Мы делаем выбор между вещами, которые называем «хорошими» и «плохими», и важно верить в добро и зло. По крайней мере мне так кажется. Но есть же что-то еще. Я верила в Натана: он был хорошим, как и то, что мы построили вместе. Но все кончается.

Минти самодовольно улыбнулась, и у меня вырвалось:

– Как ты посмела? Как посмела явиться сюда? В тебе нет ни капли сострадания. Ни капли. Убирайся и прихвати с собой свое любопытство.

Глаза Минти сузились. Она поспешно огляделась.

– Тихо, – прошептала она, совсем как Ианта, – люди услышат.

Я не обратила на нее внимания.

– Неужели у тебя вообще нет никаких добрых чувств, Минти?

– А у тебя, я смотрю, монополия на доброту! Ты такая добрая, что даже твой любовник имел право прийти на свадьбу. Вот как ты использовала Натана.

– Тебя это не касается.

Она повела плечами – беззаботная, всезнающая победительница. Я сделала шаг вперед, и Минти отступила; слишком обтягивающее платье поползло вверх по бедру.

– У тебя никогда не будет того, что было у нас с Натаном.

Она побелела как смерть.

– Увидим.

Глава 23

Вмешалась Ви. Она наблюдала за нашим разговором и пришла мне на выручку.

– Поппи попросила найти тебя. Пора выступить с речью. – Игнорируя Минти, она обняла меня и подтолкнула в направлении свадебного торта. – Делай вид, будто ее не существует, – прошипела она. – Моя бабушка про таких говорила: без трусов, но в красной шляпе.

– Нет у нее красной шляпы.

– В переносном смысле.

Я вцепилась в Ви.

– Пока я ее сегодня не увидела, я не догадывалась, что способна на убийство.

– Держи свои мысли при себе. – Ткнув меня в бок, Ви умело сменила тему: – Ненавижу тебя, потому что ты такая худая. Представь, что ждет меня дома, и пожалей меня. Вся семья уминает печеную картошку со шматами масла, а я грызу салатный листок. – Она захихикала: ее вполне устраивало такое положение. – От Мазарин есть вести?

– Конечно. Она не смогла приехать из-за открытия выставки. – Ви взглядом окинула гостей. – Можешь не бояться.

Свадебный торт был очень красивым и необычным: шоколадный, с глазурью, украшенный в американском стиле девятнадцатого века – живыми фиалками, розами и фиолетовой лентой. Словом, в духе Луизы Элкотт. Поппи с Ричардом приготовились резать торт, обняв друг друга за талии. Гости захлопали в ладоши и под прикрытием аплодисментов я прошептала Натану:

– Избавься от Минти. Мы так не договаривались. Она не должна быть здесь.

Натан оторопел, потом пришел в ярость.

– Я понятия не имел, что она здесь. – Он одернул манжеты. – Поговорим позже. – Он вышел вперед, чтобы произнести речь.

От контактных линз Поппи моргала. Крошечные сапфировые сережки, которые я ей подарила, покачивались над стройными

плечами; девочка все время с любовью поглядывала на жениха. Ричард тоже улыбался, обнажая красивые зубы. Интересно, о чем он думает?

Минти стояла в самом углу комнаты, притаившись за внешним кольцом гостей; ее темные глаза жадно впились в живописный свадебный торт.

«И кому нужна семья?» – вспомнила я ее слова.

Я изо всех сил старалась отвлечься, но мой взгляд то и дело обращался к ней, и пока Натан произносил речь в честь нашей дочери, мое внимание крала Минти. Пожалуй, сейчас это был самый страшный ее грех.

Но Минти тоже следила за мной. Не за Натаном, не за Поппи и Ричардом, а именно за мной. Неужели ей нет дела до того, как ее любимый гордится своей дочерью, как нежно к ней относится, какое производит впечатление на гостей? Неужели ей наплевать на его слова? Неужели она не чувствует внутреннего содрогания оттого, что переступила черту? Оттого, какими ядовитыми словами мы друг друга наградили?

А я – не должна ли я внимательно следить за быстрым прерывистым дыханием Поппи? За тем, как Ричард сжимает ее руку? Не должна ли я целиком сосредоточиться на будущем дочери?

Мы с Минти достигли той стали, когда люди становятся одержимы друг другом. Мы проникли друг другу в спальни, кухни, ваннные комнаты; мы были длинными чернильными тенями, нависавшими над жизнями друг друга.

Натан пошутил, и гости рассмеялись. Поппи повернула голову, и ее сережки блеснули в мягком свете. Ричард посмотрел на нее и улыбнулся понятной лишь им двоим улыбкой. «Вот видишь», – говорила она.

Натан снова пошутил, и по рядам гостей прокатилась волна смеха. Кольцо гостей сместилось. Ви обняла меня.

– Роуз, умоляю, не надо выглядеть такой несчастной.

Меня охватило огромное разочарование. После всех страданий, как моих, так и Натана, после долгого непонимания и мучительных решений его чувство к Минти должно оказаться чем-то большим, чем плотское влечение.

Я закрыла глаза. Мне необходимо было избавиться от темноты и страха и отбросить их, пусть даже ценой крови и тяжелых испытаний.

И все же, пока мы с Минти украдкой переглядывались, меня преследовало постоянное чувство жалости. Все мы используем друг друга, причиняем друг другу боль, предаем. Наши попытки бережно обращаться с окружающими чаще всего терпят поражение. Я даже чувствовала себя виноватой из-за своих черных мыслей и почти забыла, что во мне живут и теплые чувства – страсть к жизни, любовь к людям, солнцу, знания и прочие радости, которые помогают пережить невзгоды.

Я стиснула пальцы. В двадцать летя не смогла бы вот так стоять и размышлять, и в тридцать тоже. Что я тогда знала о жизни? Но сейчас, в присутствии моих детей, кажется, единственное, что мне осталось, – щедро делиться любовью и сочувствием. Пытаться быть щедрой.

Измученная, я повернулась к Натану. Его речь была смешной и лаконичной; ему удалось избежать подводных камней и не заговорить о нашем браке. Ради дочери он старался изо всех сил: жесты, выдержанные паузы, улыбки – все было идеально. Несомненно, они предназначались Поппи, и я растаяла, услышав похвалы, которыми он ее награждал.

– Какой чудесный оратор, – прошептал кто-то из гостей. – Как мило он говорит о молодой паре.

Натан заканчивал речь.

– Нет более замечательных, дружеских, чарующих отношений, чем супружеские; более близкого союза и компании, чем компания супругов. Леди и джентльмены, я не знаю, кому принадлежат эти слова, но это и не важно. Главное – как хорошо сказано. Поднимем же бокалы...

Раздались аплодисменты, и Поппи, заплаканная и нервная, рванула к отцу. У гостей был куда менее свежий и бодрый вид, чем в начале вечеринки; они разошлись, перегруппировались и продолжили пить шампанское в невероятных количествах. Когда пришло время расходиться, похвалы хлынули через край.

– Какая удачная получилась вечеринка, – сказала какая-то гостья, и я, в приливе благодарности, невольно поцеловала ее. От нее пахло шампанским.

– Спасибо, – ответила я. – Мне тоже так кажется.

Поппи с Ричардом все еще стояли в центре смеющейся толпы. Им уже нужно было уезжать в отель, где они должны были провести ночь

перед двухдневной поездкой в Бат; у входа ждала машина. Ричард эмоционально что-то говорил, но Поппи притихла; губы ее побелели. Она искала меня глазами. «Мама, где ты? Мама?»

Я направилась к ней, и тут она отцепила розу, приколотую к платью, и кинула ее мне. Роза описала в воздухе дугу.

Официанты убрали столы. Складывали стопками тарелки, ставили стаканы в соты картонных коробок, обменивались информацией о работе и чаевых. Гирлянды огоньков освещали голые столы, стулья, поставленные один на другой, и переполненные пепельницы. По залу разносилось эхо прощаний.

– Какая очаровательная невеста...

– Какая чудесная речь...

Я улыбнулась. Раньше, когда было ясно, что амбиции Натана все же осуществляются, он много практиковался на мне. Мы экономили, и Натан брал уроки ораторского мастерства: мы договорились, что он расскажет мне обо всем, чему его учили. Я привыкла слушать стратегические объяснения в стиле государственных деятелей, дружескую трепотню за кружкой пива с сэндвичем и, во времена серьезных беспорядков с профсоюзами, вдохновляющие призывы к войскам в духе Генриха Пятого. Сегодня речь Натана была блестящей.

Почти все гости ушли, лишь в дверях образовался небольшой затор; я могла без опасений снять туфли. Всего на секунду. Над левым глазом пульсировала зарождающаяся мигрень, и я потеряла висок. Кто-то коснулся моего плеча; я обернулась.

– Мы закончили наш разговор? – Минти нервно сжимала в руке сумочку.

Я открыла рот, чтобы ответить, но меня прервали:

– Роуз, дорогая, – это был мой кузен Генри, – большое тебе спасибо. Как всегда, ты была божественной хозяйкой праздника, и выглядишь ты потрясающе. – Он наклонился, чтобы поцеловать меня. – И к черту Натана.

– Это Минти, – сообщила я Генри. – Натан собирается на ней жениться.

Минти побледнела. Генри поднял бровь.

– Господи, – произнес он и повернулся к Минти спиной. – Хотя, как говорится, Господь здесь ни при чем. До свидания, Роуз.

Минти одернула платье.

– Блестяще. Ты – лучшая миссис де Винтер. Признай, Роуз, из всех ролей эта подходит тебе больше всего.

– Ты забыла о том, что я еще не умерла.

Ее губы горько сжались, и она отчаянно потерла руку. Ногти оставили белые полосы на теле: на теле, которое Натан предпочел моему.

– Не знаю, о чем ты думала, когда явилась сюда без приглашения, но Натану было неприятно. Ты сказала все, что хотела. Я больше не сержусь, но тебе лучше уйти.

Она задумчиво посмотрела на мои босые ноги.

– Болят?

– Как видишь.

Она улыбнулась; в ней проснулось прежнее сочувствие.

– У меня тоже. – Улыбка погасла. – Мне... мне не надо было приходить, – призналась она. – Натан лопнет от злости.

– Не повезло тебе. – Мы обе задумались о том, какой Натан в ярости. – Минти, разве ты не рисковала, явившись сюда?

– Мне было любопытно, – просто призналась она. – Я не понимала, с какой стати должна прятаться дома, и мне хотелось увидеть эту сторону Натана. Ту сторону, которая принадлежит тебе, Роуз, а не мне.

– Тебе же не нравится семейная жизнь.

– Ну, как ты говорила, девушка должна превратить необходимость в преимущество. У нас в семье каждый был сам по себе.

– Сочувствую. – Я не лукавила. – Но жаль, не настолько, чтобы сказать: «Угощайся. На меня не обращай внимания, пользуйся моим мужем». И уж точно не настолько, чтобы захотеть видеть тебя на вечеринке Поппи.

Она старалась казаться невозмутимой.

– Думаю, ты права. Но в конце концов, разве это так важно? Многие стараются меня игнорировать. Немало мужчин топтали меня ногами, потому что такая уж я девушка, и прошу не забывать, у меня теперь есть сомнительное преимущество: мне больше других в этой комнате известно о работе ветряной турбины. Я невольно рассмеялась.

– Поделом тебе.

В этот момент к нам подошла Ианта. Она встала рядом со мной, перекинув через руку сумочку из крокодиловой кожи с массивным

золотым замком. Мама плакала, и под одним глазом виднелся узенький потек черной туши.

– Роуз, если я немедленно не поеду домой, то упаду в обморок. – Тут она поняла, с кем я разговариваю. – Вы, – промолвила она ледяным, пробирающим до самых костей голосом. – Что вы здесь делаете?

Краем глаза я заметила Сэма: он стоял рядом с Джилли и разговаривал с последним из гостей. Я отчаянно помахала ему.

Ианта была рада возможности продемонстрировать свое отношение:

– Стыдитесь.

При этих словах Минти вспыхнула от презрения и непокорности, потом побледнела еще сильнее, чем прежде, и мне стало ее жалко.

– Мама, не надо. – Я отвела Ианту в сторону. – Никаких скандалов. Смотри, вон Сэм. Он посадит тебя в такси, правда, Сэм?

Ианта сердито меня поцеловала.

– Я знаю, что в наши дни не принято высказывать, что думаешь, когда муж уходит от тебя к другой женщине. Может, тебе кажется, что ты должна быть доброй и всепрощающей, но я так не думаю.

Сэм пришел мне на помощь и увел Ианту. Мы с Минти переглянулись всего на долю секунды.

– Понимаешь, о чем я? – пробормотала она, и я увидела, что Минти испытывает разочарование, сожаление и еще какое-то чувство, новое и более острое.

– Тебе лучше уйти, Минти.

– Я хочу тебе кое-что сказать, Роуз. – Она устало выпрямилась на своих невозможно высоких каблуках. – Я должна в этом тебе признаться.

Я хотела было уйти, но тут Минти рассмеялась коротким, хриплым смешком, который был мне так знаком, и, наверное, привычка и любопытство одержали верх.

– Что?

– Мне с ним нелегко. Совсем нелегко. Наш разговор завершился скорее весело, чем печально.

– У любовницы будут еще какие-нибудь мысли насчет брошенной жены?

– Нет, – призналась Минти, – это меня и расстраивает. – Она замолкла. – Извини, Роуз, надеюсь, я не испортила тебе праздник.

Я задумалась. Перед глазами промелькнул образ Мадонны, воздевшей неестественно розовые ладони над жертвами террора и разорения.

– Нет, – ответила я, – не испортила. Темные глаза округлились, подобрили и сказали, как мне показалось, «спасибо».

Я наклонилась надеть туфли, а когда поднялась, Минти уже ушла. Меня поразила ирония ситуации – жизнь небрежным и необычным способом подбрасывает нам совпадения и случайности. Было очевидно, что нас с Минти объединяет намного больше, чем разделяет.

– Вот и все. История любовницы и обманутой жены... и удивившего меня зятя, – сказала я Чарлзу Мэддеру после того, как описала события свадебного приема. – Как это... кстати, как в газете называли вашу любовницу?

Я удивилась, когда Чарлз позвонил и предложил выпить. «Не часто появляется возможность завести новых друзей, – заметил он. – А уж мне-то в моем положении и подавно». Почему бы и нет, подумала я, и вот мы устроились в баре Палаты Общин с двумя мисками арахисовых орешков, которыми Чарлз аппетитно хрустел.

– Мою любовницу? Ту, у которой экзотические вкусы? Вы даже не представляете, насколько этот бред далек от правды. Все это, разумеется, проделки Флоры. Ее гнусная ложь. Кейт такой же нормальный человек, как и мы с вами, и ее жизнь после той статьи превратилась в ад. – У Чарлза был одновременно побитый и обозленный вид. – Я думал, мы поженимся, но теперь все изменилось: столкновение с клеветой, изображающей тебя вовсе не таким, какой ты есть, не проходит даром.

– Мне очень жаль Кейт.

Он достал сигарету и закурил.

– Приятно пообщаться с человеком, который говорит то, что думает. Большинство людей... – он оглядел бар, окутанный кольцами дыма, – ...ни слова не произносят искренне. Откуда мне знать? Я был одним из них. Так что приятно услышать искренние слова.

– Спасибо.

Чарлз настоял, чтобы я заказала второй бокал, и мы непринужденно болтали, как давние знакомые.

Когда я вернулась домой, приятно согретая вином и перспективой новой дружбы, на автоответчике меня ждало сообщение от Хэла: «Я вернулся в Англию, – Когда можно тебя увидеть?»

– Привет, – сказал он, когда я ему перезвонила. – У меня есть окно, как сказал бы мой агент. Может, пообедаем или придумаем еще что-нибудь?

У меня не было причин не видетсья с Хэлом, зато имелось множество поводов с ним встретиться. Я пригласила его на ужин и взялась за старые рутинные приготовления: сотворила ужин и накрыла на стол. В доме было полно цветов после вечеринки Поппи; я выбросила увядающие розы и наполнила вазы свежей водой. Хэл застал меня с охапкой мертвых бутонов в руках.

– Привет, – проговорил он и протянул мне букет... роз. – Вижу, я попал в яблочко, – мрачно добавил он.

На кухне Хэл заставил меня опустить букет, чтобы рассмотреть меня получше.

– На ужине я не смог как следует тебя разглядеть, ты не против, если я сделаю это сейчас?

В ответ я принялась изучать его. Мне хотелось запомнить произошедшие в нем изменения и выделить, чем именно различаются мое представление о Хэле и живой человек, который столь уверенно стоит посреди моей кухни.

– Очень любопытно, – заметил Хэл. – Ты совсем не такая, как я ожидал.

– Неужели?

– Раньше ты была очень стеснительной. Мне казалось, что ты вырастешь спокойным человеком, может, станешь учительницей; я думал, ты из тех, кто предпочитает жить за городом. Ты же намного интереснее, чем я представлял, и больше похожа на городскую жительницу.

Значит, теория о семилетнем цикле работы мозга все же имела смысл.

– В таком случае, я изменилась сильнее, чем ты. Ты почти такой же. – Но похоже, Хэлу было безразлично, изменился он или нет: это было вполне в его духе, он никогда не любил копаться в человеческой

психике. Я протянула ему бокал вина. – Как прошел твой рекламный тур?

– Нормально. Мне он показался бесконечным, но я приучил себя быть вежливым. Почему бы и нет? Я хочу, чтобы люди читали мои книги, и я благодарен своим читателям. – Он бросил на меня многозначительный взгляд. – Знаю, что ты сейчас скажешь.

– И что же?

– Что это новая черта моего характера. В прошлом я никогда не делал то, чего хотели другие. – Я невольно улыбнулась: Хэл в точности прочитал мои мысли. Он продолжал: – Пока я был в Америке, я воспользовался возможностью и навестил своих родственников. Они лишь подтвердили мое мнение, что я теперь ни рыба ни мясо, ни американец, ни британец. Мне немного неуютно быть где-то посередине. Зато в изгнании хорошо пишется.

Повисла тишина, и я поняла, что общее прошлое обманчиво. Кажется, что знаешь о человеке все самое важное, и это на самом деле так: ведь нити прошлой истории прочны и покрыты узелками проблем, их необходимо просушивать и правильно перевязывать. И все же, когда дело дошло до вопросов-ответов и преодоления маленьких пробелов, мешающих начать разговор, я поняла, что знаю недостаточно.

– С чего же начать? – спросила я. Он улыбнулся.

– Может, с ужина? Я проголодался.

– Я тоже.

По взаимному согласию мы стали обсуждать вопросы, требующие не более чем обмена информацией. Мы говорили о путешествиях Хэла, его планах на будущее, оливковой ферме в Умбрии.

– Ничего особенного, как я тебе и говорил. Только для меня это особенное чувство, потому что жители деревни позволили мне проникнуть в их жизнь. Иногда мне кажется, что я там уже почти свой; чего еще можно желать?

– Значит, ты решил пустить корни?

– Наверное. Я снова занялся экологией. Идет борьба между традиционными методами и новыми интенсивными практиками, и мне хочется принять участие.

– Ты знаешь итальянский?

– Я выучил местный диалект.

За кофе Хэл расспросил меня о моих интересах, и я поведала о своей любви к садоводству, которая родилась после знакомства с ним; о карьере и временной паузе в работе, и о новом месте. К собственному изумлению, я призналась, что в увольнении были свои плюсы.

– Я и не подозревала, что живу в смиренной рубашке, пока не сняла ее.

Хэл откинулся на спинку стула.

– Ты выбрала неверный путь, – спокойно проговорил он. – Есть же что-то еще, чем ты хочешь заниматься.

– Да, конечно, только у меня нет времени думать об этом.

– Теперь будет.

– Еще поразительно, как быстро я забыла о самом процессе выполнения работы. О том, как вставать и идти в офис, вечером возвращаться. Десять лет я занималась работой, о которой мечтала, это много для меня значило, я ужасно сопротивлялась ее потере. Но самое странное, что примерно через неделю все рутинные рабочие действия забылись. Я знаю, что после ухода Натана все закрутилось в суматохе, но не очень-то переживаю из-за отсутствия работы. Меня не грызет эта мысль. Может, это нехорошо? Так легко забыть о чем-то, что составляло немалую часть твоей жизни.

– Думаешь, это нехорошо? – Он говорил серьезно, но голубые глаза улыбались.

Мы с Хэлом пристально посмотрели друг на друга. Это был вовсе не многозначительный, не роковой взгляд – всего лишь расслабленный обмен мыслями, прощупывание почвы. Но вдруг я поняла, что смогу снова стать счастливой и обрести цельность.

– По правде говоря, Хэл, я больше скучаю по своей кошке Петрушке, чем по работе. Ее усыпили в начале года, и я вспоминаю о ней почти каждый день. Иногда просыпаюсь, и мне кажется, будто она лежит на кровати. – Я посмотрела на свою руку без кольца: это вошло у меня в привычку. – Для меня она была символом очень многих вещей. – Как рюкзак, который ты хранил в комнате.

В полночь Хэл поднялся и собрался уходить.

– Было очень здорово, – сказал он. – Может, как-нибудь повторим? – Он наклонился поцеловать меня в щеку, и на мгновение я

затрепетала: что будет дальше? – Мы друзья, ты же знаешь. Нас многое связывает.

Правда ли это? Мы с Хэлом были не друзьями, а любовниками и подвели друг друга в критический момент. После этого для дружбы не было ни места, ни времени. Но мне нравилось слово «друзья». Оно было связано с преданностью, которая бывает у старых знакомых, хорошо знающих друг друга. Мне это было по душе. Наверное, для такой дружбы найдется место в моей новой жизни.

– Можно я тебе позвоню? – Хэл опять наклонился и поцеловал меня. Теплое, осторожное прикосновение к моей щеке; я была не против, но мое тело зажило отдельной жизнью и покрылось мурашками в ответ на поцелуй. Он провел пальцами по моему подбородку. – Раз уж мы так приятно начали новое знакомство, можно я позвоню?

Если бросить семя в землю, удобренную густым компостом, и полить его, оно даст ростки. Как правило, оно должно прорасти: разве что ему не повезет.

– Да.

Глава 24

Я много думала о доме, который мне предстояло потерять. О его оболочке и о том, что скрывалось под ней. «Все очень просто. Купи новый дом и начни все сначала. Дом – не самое главное в жизни», – заявил Хэл, когда я поделилась своими чувствами по этому поводу. По-другому он и не мог ответить.

Я думала о часах, о годах, потраченных на обстановку этого дома; как восторженно и изобретательно украшала я его комнаты, уголки, места, где мебель и предметы были залиты солнцем. Мои руки хранили воспоминания о долгих часах полировки и вытирания пыли; спина – воспоминания о тяжести детей, которых я таскала вверх-вниз по лестнице. На королевской кровати, где мы с Натаном проспали так долго, остались две вмятины.

Я думала о своем саде, крошечных остроконечных весенних бутончиках и осеннем увядании; о круговороте жизни и смерти. В прошлом я пыталась привести в порядок дом и сад, чтобы место обитания моей семьи было чистым и свежим. Сейчас я пыталась привести в порядок себя. Пожалуй, нет ничего сильнее подавленной страсти, той, что вынуждена существовать в подземелье, пульсируя тайной жизнью.

Ричард и Поппи планировали остаться на Лейки-стрит до Нового года, а в результате задержались намного дольше. В кенсингтонской квартире нужно было делать ремонт, и им было удобнее в это время пожить у меня. Ричард начал работать: он рано уходил из дому и поздно возвращался. Они договорились, что все еще безработная Поппи будет следить за переездом и покрасит кухню и ванную в новой квартире.

Рождество пришло и ушло; в этот год оно было иным – тихим, но все же безмятежным. Поппи так и не собрала вещи и не нашла работу. «Не умею я работать руками, – протестовала она, когда я пыталась с ней поговорить. – И краска капает на очки, а в линзах красить нельзя».

Мы обе понимали, что это всего лишь отговорки. Светящееся от радости существо, ворвавшееся домой по возвращении из Таиланда,

куда-то исчезло. Вместо него по дому бродила вялая, рассеянная Поппи, которая запихивала вещи в пластиковые мешки и проводила много времени в телефонных разговорах с Джилли. С Джилли, которая, как я не преминула заметить, нашла работу.

Я посоветовалась с Сэмом насчет состояния сестры. Сэм, у которого в последнее время был гораздо более расслабленный и счастливый голос, рассмеялся и сказал, что у Поппи всего лишь предсвадебный стресс. Просто она, как всегда, перепутала время.

Тем не менее, к середине января у Ричарда появилась привычка, уходя по утрам на работу, оглушительно хлопать входной дверью, и я решила, что пора приступить к активным действиям.

Я затащила Поппи на второй этаж, в комнату для гостей, и заставила ее начать упаковывать подарки. Тихо фыркая, она семенила по комнате, поднимала одежду и бросала ее на пол. Некогда безупречная комната выглядела так, будто смерч ворвался в дверь и вылетел через окно.

– Ты помнишь, когда вы переехали на Лейки-стрит? – спросила Поппи, оставив попытки собрать вещи.

– Помню. Раньше у нас была квартира, и мы с твоим папой так обрадовались, что у нас есть лестница, что бегали по ней вверх-вниз.

– Быть взрослой... так трудно. – Поппи сгорбилась на кровати. – Трудно, правда? Взрослые такие злобные и разрушают все вокруг.

– Ты всегда говорила, что тебе не терпится вырасти.

Поппи смяла низ кардигана.

– Я же не знала, что взрослым становишься так быстро, а потом приходится всю жизнь тащить эту взрослость на горбу.

Судя по ее словам, Поппи жалела, что не осталась в Таиланде. Я никогда не могла понять, куда клонит она; наиболее продуктивные результаты давал всесторонний анализ.

– Разве тебе не нравится ваша квартира?

– Я ее не выбирала. Но не в этом дело. – Дочь принялась так сильно тереть кожу на безымянном пальце, что я подошла и остановила ее. Она подняла голову и беспомощно посмотрела на меня. – Вчера мне приснилось, что я опять стала маленькой девочкой. В той дурацкой кроватке с откидными краями. Во сне мне хотелось, чтобы в моей комнате все оставалось по-прежнему, но кто-то все время там все менял.

Значит, Сэм не ошибся насчет стресса. Куда же подевалась девочка, у которой было столько планов? Я подошла к шкафу и завернула в бумагу винный бокал.

Поппи встала.

– Где та кровать, мам?

– На чердаке.

Она просияла:

– Можно мне взять ее с собой? – Дочь оглядела нагромождение мельничек для соли и перца, скатертей, графинов и решетку для тостов в форме Купола миллениума. – Не хочешь оставить себе кое-что из подарков? Не думаю, что я смогу справиться с такой горой.

– В качестве акта милосердия оставлю себе Купол.

Поппи бросила мне Купол.

– Неприлично, когда тебе дарят столько хлама. Я не должна была этого допустить. Что мне с этим делать?

– То, что обычно.

– Вот именно. Мне придется все это использовать, а потом аккуратно складывать в шкафчик, чистить все это – брать на себя обязанности...

– Тебе повезло, Поппи, – осторожно перебила я.

– Я знаю, что мне повезло, так что не надо начинать разговоры о беженцах и тому подобное.

Я дернула прядку ее волос.

– Боязнь сцены, дорогая?

Поппи выхватила из кучи хрустальный графин современного дизайна и протянула мне. Выпуклость отражала два искаженных лица, неестественно круглых и гладких.

– Забирай.

– Нет, – мой голос прозвучал резче, чем я хотела. – Это подарок Мазарин из Парижа. – Я улыбнулась: – Видимо, это современная классика.

Поппи пригляделась.

– Так вот что это такое.

Последовало молчание.

– Если ты сомневалась насчет Ричарда, зачем вышла за него?

Поппи огрызнулась с раздражением и изумлением:

– Ты говоришь прямо как бабушка.

– Конечно – мать всегда не права.

– Как это печально, ма. – Поппи нервно перекатывала крышку графина между пальцев. – Ричард тут ни при чем. Меня выводит из себя вся эта ситуация.

Я взяла следующий бокал.

– В одном ты была права. Ричард полон сюрпризов.

Поппи тут же заговорила мечтательно:

– Да, он такой.

– И это главное, – сказала я. – Все остальное не важно.

Мы снова долго молчали, и на этот раз тишина была напряженная. Наконец Поппи взорвалась:

– Надеюсь, ты не слишком мягко обошлась с папой. Не слишком? Ричард говорит, что если он получит дом, это будет вполне разумно, но я не понимаю, почему.

– Меня никто не заставлял, – если ты об этом.

Я протянула Поппи оберточную бумагу.

– Заверни графин. Она процедила:

– А где же твоя гордость, мам?

Ага. Так вот в чем дело. Мне пришлось на цыпочках ступать по битому стеклу.

– В жизни все не так, как в учебнике.

– Бред. Ты просто оправдываешься.

Я оставила бокал и схватила Поппи за плечи.

– Это правда. Можно годами стоять в очереди, терпеливо пробираться к вершине, а потом кто-то обгонит тебя, попутно как следует пихнув ногой. У тебя был счастливый брак, а потом, в одну минуту – бац! – и нет его, и тебе кажется, что ты умрешь от унижения и боли. – Плечики Поппи казались беззащитными в моих тисках. – Но ты не умираешь, по крайней мере, в прямом смысле. Более того, ты можешь отомстить за себя – но тоже не в прямом смысле. Ты мстишь, когда веришь в то, что несмотря на все трудности можешь жить так же хорошо, а может и лучше. Во всяком случае по-другому.

Поппи высвободилась из моих рук.

– Неужели?

Здесь бы пригодилась теория семилетних циклов, только вот у Поппи не было настроения выслушивать лекции по эволюции.

– Я пришла к выводу, что гордость – слишком тяжелая ноша. И слишком разрушительное качество, – тихо и серьезно проговорила я. Она сжала губы. – Поппи, дорогая, ты обвиняешь меня в том, что случилось?

Услышав это, она набросилась на меня, взорвавшись ядовитой злобой:

– Ты не очень-то старалась удержать папу. Почему? Почему ты не можешь заставить его понять, каким идиотом он выглядит со стороны? Все равно если бы я сбежала с мужчиной его возраста. Только задумайся. Ведь папа сотворил такое, а ты спустила ему с рук?

Дочь кипела от ярости, и я вдруг увидела в ней себя – двадцатипятилетнюю: Роуз, которая стремилась к порядку и безопасности среди неразберихи и путаницы жизни. Принято считать, что молодые люди жаждут приключений. Сомневаюсь. Я никогда не была авантюристкой. Точнее, пыталась ею быть, но испугалась, когда все пошло не так. В каком-то смысле Поппи сейчас говорила мне о том же.

Поппи применила один из драматических жестов своего блестящего арсенала – упала на колени.

– Мама, умоляю тебя, попробуй еще раз: постарайся вернуть папу.

Я наклонилась и взяла ее лицо в ладони. Ее кожа была гладкой, как у младенца, которого я некогда так крепко прижимала к груди; лицо было мокрым. Я тоже не могла сдержать слез, но я смеялась над ее горячностью и негодованием, и это было несправедливо.

– Тихо, – прошептала я. – Успокойся, Поппи.

Ким Бойл сдержал обещание и позвонил мне.

– Так, моя девочка, вот лучшее, что я могу сделать: работа не на полный день – на полдня; серия статей. Финансы позволяют? Можешь начать на следующей неделе?

В шесть тридцать двадцать первого января завизжал будильник. Я надела черную фетровую юбку, красный джемпер и туфли на самых высоких каблуках, на каких только могла удержаться, – носить мне их предстояло весь день. На завтрак я съела сырые овсяные хлопья с бананом и выпила две чашки крепкого черного кофе.

С легким сердцем я сняла с крючка сумку для книг и вышла из дома. Разросшийся лавр коснулся ветвями моей спины.

В двадцать минут десятого я была уже в офисе.

Ким приехал в половине одиннадцатого. Его ассистентка Дейдра усадила меня за стол и выдала пропуск и карточку для столовой.

– Отлично. – Ким оглядел меня, принарядившуюся, с сияющими глазами. – Мы хорошо поладим. Я верю во взаимопомощь пап и мам-феминисток, и поскольку мне хочется видеть моих детей по утрам, ты будешь приходить рано, а я – задерживаться допоздна.

В отличие от офиса «Вистемакс Групп», эта комната была меньше и без архитектурных претензий: то есть работать здесь было приятнее. Однако маленькие размеры офиса говорили о более проигрышной позиции «Депеши» в войне рейтингов. Хотя это не так уж плохо: зато офис кипел энергией и был наполнен характерным бряцанием воинских доспехов.

– Так-так... – Ким вручил мне книгу о Генделе и сверхсекретную биографию поп-дивы. – Взгляни, что тут можно сделать.

Пруст обожал пирожные «Мадлен»: их вкус и аромат вдохновляли его на написание шедевра о прежней любви и ненависти, отчаянии и желании. Моим вдохновением были более прозаичные, менее нежные и чувственные, но все же воодушевляющие шрифты, корешки и описания книг.

Гендель был интересным человеком, но его биографа шокировало явное отсутствие женщин в его жизни. Тем не менее все героини его опер обладали несомненной притягательностью, так как он наделял их сильными противоречивыми страстями и эмоциональной достоверностью. Однако читателей газеты это вряд ли заинтересует. Вот история поп-дивы...

– Хмм, – пробормотал Ким в конце дня. – Насчет Генделя не уверен.

– Я так и подумала, поэтому уделила основное внимание второй книге.

– Ты сразу поняла, что к чему. – Я поборола искушение ответить: «Разумеется!» Он просмотрел мои наброски, тут и там черкнул ручкой – раньше этим занималась я. Но я была не против. – Как тебе возвращение в офис?

– Все равно что надеть старый, но любимый свитер.

Ким вернуть мне листки.

– Нужно немного подправить, но в целом все хорошо, можно печатать. Насчет бюджета скажу позже. – Он взял свои заметки и отправился на совещание.

Я осваивалась в офисе. К концу второй недели мы с Дейдрой уже очень подружились. Я обнаружила, что она всегда сильно душится и хранит в столе две пары блестящих туфель на высоких каблуках. А еще у нее был нюх на удачные начинания – новую идею она могла разглядеть сходу.

– Как-то я рассказала ей, что появилась новая диета, согласно которой питаться нужно по группе крови. Можно есть или белки или углеводы, и лишь счастливым обладателям первой и второй групп светило нечто, отдаленно напоминающее нормальную еду.

– Хочешь сказать, что мои бедра на два размера больше, чем надо, вовсе не из-за того, что я съела миллион шоколадок, а потому что у меня группа крови не та? Это бомба, Роуз. Если во всем виновата моя группа крови, я могу спокойно объедаться шоколадками. Пиши об этом.

Нам с Поппи наконец удалось собрать коробки, закрыть чемоданы и разложить одежду по пластиковым пакетам, и все это увез фургон. Еще вчера Ричард и Поппи хозяйничали здесь, и вот они уехали, оставив за собой снегопад из оберточной бумаги, ненужных ценников и пыли.

На следующий день я обзвонила агентов недвижимости, и все они обещали выслать описания «перспективных квартир» из своих списков. Сэм приехал в Лондон и настоял на том, чтобы вместе посмотреть варианты. Через две минуты он уже нашел такую квартиру в Клэпхеме, по разумной цене. «Вот!», – провозгласил он.

А на день рождения Поппи мы отправились посмотреть их с Ричардом квартиру, и во время праздничного ужина в Кенсингтоне обсудили ее достоинства и недостатки. К нам присоединилась Элис, невероятно шикарная в сшитом на заказ сером костюме и золотых украшениях. Она подставила Сэму щеку для поцелуя, собственническим жестом накрыла его руку ладонью и повернулась ко мне.

– Роуз, вы выглядите лучше.

Поппи надела одно из своих струящихся муслиновых платьев и множество бус. Она была занята и, как только мы расселись в гостиной, исчезла в кухне.

Мы с Сэмом болтали о том о сем.

– Я тебе не доверяю, ты можешь сделать неразумный выбор, – говорил он, когда Ричард, который показывал Элис квартиру, проводил ее обратно в комнату.

– Мне кажется, Роуз просто не способна вести себя неразумно, – сказал Ричард, но по его лицу было видно, что он как раз другого мнения. На нем были вельветовые брюки, которые слишком плотно обтягивали ягодицы, и мы с Сэмом втихомолку друг другу улыбнулись. Я все еще не привыкла к новому Ричарду.

– Поппи не нужно помочь?

Ричард слегка помрачнел:

– Поппи и кулинария – гремучая смесь. Пойду посмотрю, как она там.

Сэм оглядел большую элегантную комнату, в которой стояли позолоченные стулья в американском колониальном стиле, французское провинциальное зеркало и придиванный столик в форме полумесяца с изящной инкрустацией.

– Черт, – пробормотал он. – Я-то думал, им нравятся набедренные повязки, цветки в волосах и прочая дребедень.

– Здесь так мило. – Элис теребила свой браслет в виде тяжелой золотой цепи. Ее глаза жадно пожирали комнату. – Должно быть, родители Ричарда очень щедры.

– Тебя это не касается, – огрызнулся Сэм, что было на него не похоже. Я была поражена, и, как мне показалось, Элис тоже.

Раздался звонок в дверь, и Ричард пошел открывать.

– Натан, – слышался его голос. – Разве вас приглашали?

– Я просто хотел завезти вот это... – В дверном проеме появился Натан в офисном костюме и с большой, перевязанной лентой коробкой. Он замер. – Я не знал, что у вас семейная вечеринка, – произнес он холодным, обиженным тоном.

Я встала и поцеловала его: кому как не мне знать, как часто Натан устраивал сюрпризы для Сэма и Поппи и как ему не нравилось оставаться в стороне.

– Папа. – Сэм обнял его.

Мужским жестом, свидетельствующим об отцовской гордости, Натан опустил руку Сэму на плечо и окинул его теплым взглядом.

– Почему ты в Лондоне?

Сэм объяснил, что приехал помочь мне найти квартиру, и улыбка Натана погасла.

– Мило с твоей стороны, Сэм, – деревянным голосом произнес он.

Меня резко начала грызть старая боль, и я почувствовала себя бесконечно измученной: как мы ни старались, трещина разрыва становилась все больше.

Появилась Поппи, запыхавшаяся, с всклокоченными волосами. Увидев отца, она вздрогнула.

– На кухне небольшой кризис. Привет, пап. Как мило... О, подарок. Можешь задержаться на ужин? Мне нужны две пары сильных рук.

Сэм с Ричардом повиновались, оставив меня с Элис и Натаном. Элис достала мобильник.

– Вы не против? Я забыла об одном срочном деле.

Она завела разговор о сроках сделки, брокерских комиссионных, кредитах и деловом завтраке.

– Я не думал, что ты здесь, – пробормотал Натан.

– На работе все в порядке? – спросила я.

– Да, конечно, – слишком поспешно ответил он. – Тиражи растут. Все ведут себя идеально. Лучше некуда. – Он засунул руки в карманы. – Лучше некуда.

– Я работаю с Кимом из «Ежедневной депеши».

– О. – Он был ошарашен. – Что ж, хорошо. – Повисла тишина. – Да, – повторил он. – Все в полном порядке.

Поппи изо всех сил старалась уговорить отца остаться, но дома ждала Минти, и Натан был непреклонен. Я повернулась к Элис, которая закончила говорить по телефону.

– Я рада, что ты нашла время прийти – ради Поппи.

Она бросила телефон в сумочку.

– У меня как раз было совещание, и вообще время от времени мне до смерти хочется в Лондон. – Она обратилась к Ричарду:

– Как новая работа?

У него был самодовольный вид.

– К счастью, она связана не только с цифрами: стратегии, безжалостность и куча денег.

Я невольно вытаращилась на Ричарда и задумалась: цинизм это, или же он притворяется? И если он действительно такой циник, сможет ли Поппи не заразиться этим? Возможно, он просто продолжает поддразнивать родителей жены.

– Расскажи еще, – взмолилась Элис, и я поняла, что в Бате ей всегда будет тесно. – За какой сектор ты отвечаешь?

Ричард разомлел:

– Производственные базы, текстильные компании в центральных графствах, малые семейные предприятия, потерявшие основных заказчиков. Мы советуем им урезать рабочую силу и нанимать рабочих из Восточной Европы.

– Мне казалось, ты против капитализма, – вмешалась я.

– Роуз, – мягко проговорил он, – это реальная жизнь.

Тут я поймала взгляд Натана, и мы робко улыбнулись друг другу, думая о своем. Он допил вино.

– Мне пора. – Он поцеловал Поппи и Элис и, замаявшись, меня тоже.

Входная дверь закрылась, и компания вздохнула с облегчением.

– Бедный папа. – На кухне Поппи перебрала с вином. Она загнала меня в угол и прошипела: – Ему сейчас ужасно тяжело: Минти лечится от бесплодия. Он мне все рассказал. Какой ужас.

Теперь многие вещи встали на свои места, и прежде всего медицинская страховка.

– Это папины проблемы. Их нельзя обсуждать, Поппи.

Поппи не обращала внимания:

– Лечение идет уже несколько месяцев. Отцу ненавистно все, что с этим связано, – представь, в его-то возрасте, – а Минти расстраивается, что процент попаданий так низок. Готова поспорить, вся редакция над ними насмехается.

– Тихо, – резко проговорила я, не в силах слушать дальше. Я подняла бокал. – С днем рождения.

– Спасибо, мама. – Столько всего навалилось... чувствую себя стадеятилетней старухой.

Вечером я раздевалась в своей одинокой спальне. В соседней комнате никто не наливал ванну, не слушал радио, и на кровати не было Петрушки. Даже водосточные трубы молчали.

Обнаженная, я встала у зеркала. Меня встретило отражение какой-то женщины. Но какой? Я ущипнула себя, погладила складку кожи на животе и изогнулась, как это делала Минти.

Возможно ли отыскать награду, смысл, обрести связь с людьми среди путаницы и раздора? Я пыталась убедить Поппи, что возможно, но была ли я честна?

В прошлом, в кризисные времена мужчины и женщины оборачивали стопы кожей и льном и отправлялись в паломничество к могилам святых. Там они молились: о здоровье, о детях или о том, как бы захватить соседский участок земли. Они лицезрели молоко Святой Девы, фрагмент Святого Распятия, сияющий от праведных дел, мощи святых и благодарили Бога за то, что удостоились милости видеть чудо. Те, кто выживал, возвращались домой, бесконечно утешив и обогатив душу.

Я уже дрожала от холода и чувствовала себя по-дурацки. Надев ночную рубашку, я пошла спать.

Перед сном я сказала себе: конечно, ты понимаешь, кто ты и где ты находишься. Без сомнений, ты это понимаешь. Здесь нет никакой ошибки. Женщина в зеркале – это ты, тебя зовут Роуз, и ты выглядишь отлично. Просто замечательно.

Глава 25

Дом на Лейки-стрит оценили, и я получила от адвоката письмо с описанием деталей развода. Оно заканчивалось так: «Мистер Ллойд просил передать, что он сделал все возможное, чтобы обеспечить вам лучшее существование».

Я изучила этот проклятый договор. Действительно, Натан проявил невиданную щедрость. «Чувство вины, – прокомментировала Ви, – плюс НДС». Но я не могла оценивать его великодушие в таком свете. Мне нравилось думать, что столь внимательная забота свидетельствует о том, что когда-то наш брак процветал.

Сэм опять приехал в Лондон, и мы во второй раз осмотрели квартиру в Клэпхеме. Он настаивал, чтобы я подала заявку.

– Здесь есть сад, – сказал сын, и это было решающим доводом. – Ты ведь жить не можешь без сада.

Я подала заявку, и ее приняли.

Именно Сэм заметил, что близится Пасха, и, поскольку наша семья еще не окончательно развалилась на части, предложил устроить семейный праздник на Лейки-стрит.

Мне его идея не понравилась:

– Это будет нелегко. Ты понимаешь, о чем просишь?

Сэм проявил нехарактерную для него настойчивость. Он опустил ладони на мои плечи и проговорил мягко и серьезно:

– Место в раю тебе гарантируется, мама. Никаких вопросов; все прежние грехи не в счет. – Ты пройдешь как по маслу.

– Тебе надо было выбрать другую профессию. – Я коснулась его щеки. – Надо было стать дипломатом, объединять континенты. Если тебе кажется, что это хорошая идея, тогда я согласна, но при одном условии: Минти не будет.

Сэм-дипломат приступил к переговорам, и было решено собраться на Лейки-стрит в Великий четверг. Он даже договорился заехать за Иантой, а потом убежал по каким-то непонятным делам.

– Потом объясню, – пообещал он. Ианта сомневалась, стоит ли ей приходить.

– Мне трудно общаться с Натаном, – призналась она с глубоко несчастным лицом.

Мне было тяжело видеть ее такой, и Натану бы это тоже не понравилось.

Но мы ее убедили. Весенний день выдался свежим и холодным, она приехала в твидовом пальто, пахнущем шариками от моли, и привезла стратегический запас шоколада и орехов.

Я повесила пальто в комнате для гостей и расстегнула ее чемодан. Ианта села за туалетный столик. Ради особого случая она надела фисташково-зеленое платье и набросила на плечи яркий желто-голубой шарф. В результате получилось нечто похожее на спятившую, но счастливую колибри. Я распаковывала вещи и не сразу заметила, что Ианта сидит в позе ожидания. Я тут же насторожилась.

– Все в порядке, мам?

Она разглядывала свои сложенные ладони.

– Я хотела с тобой поговорить.

Я достала из чемодана ее косметичку.

– Давай.

– Врачи очень хорошие, – проговорила она и подняла глаза, – и я им полностью доверяю. Но мне много лет, Роуз, ты это знаешь. – Мама взяла щетку для волос и раздраженно ударила по выбившейся пряди, а потом подкрасила губы оранжево-розовой помадой. – Роуз, я рассказываю тебе об этом лишь потому, что мне придется лечь в больницу на операцию. Врачи провели дополнительные анализы. Но не говори остальным.

Я рухнула на кровать.

– О боже, мама.

– Все уже решено – доктор все устроил. Не надо опять беспокоить Натана. Мне бы этого не хотелось.

– Понятно.

Она слегка встряхнулась.

– Как здорово праздновать Пасху. – Наши глаза встретились в зеркале. – Люди приходят и уходят, – бесхитростно произнесла она. – Это жизнь.

Я снова оказалась в коттедже «Медларз», снова смотрела, как отец набивает трубку у очага. Ианта разносила рогалики с маслом на бело-голубой тарелке; ее фартук был завязан бантиком на спине. На

раскрасневшемся от жара духовки лбу подпрыгивали маленькие пружинки кудряшек. Где-то в комнате из радиоприемника доносились звуки танцевальной музыки.

Хоть у Ианты и были сомнения насчет встречи с Натаном, но она вежливо с ним поздоровалась и поцеловала Поппи и Ричарда. Я расставила по комнате цветы и зажгла камин, и гостиная наполнилась теплом, ароматом и – как мне показалось – очарованием. Обстановка была натянутая, но все же не зловещая. Так как наша семья пережила мощную и неожиданную встряску и обрела новую форму, это было лучшее, что мы могли сделать.

Натан занялся приготовлением напитков. Ричард, как выяснилось, прекрасно умел обращаться с пожилыми дамами и заболтал Ианту. Ко мне подошел Натан.

– Хотел сказать тебе еще в прошлый раз, Роуз, мне нравится твоя прическа. И ты похудела.

– Спасибо. Ты выглядишь... нормально.

Он скорчил гримасу.

– То есть постарел и вымотался. – Я ничего не ответила. Натан протянул руку: на ладони цвела розочка экземы. Мне это было хорошо знакомо: «Роуз, сделай же что-нибудь. Нельзя, чтобы сыпь распространилась». И я мазала его кремом, который хранила специально для таких случаев. «Только не нервничай, дорогой».

– В аптечке до сих пор лежит тюбик, можешь взять, если хочешь, – сказала я и догадалась, что Минти наверняка устроила сцену по поводу нашего семейного собрания.

Он сунул руку в карман.

– Спасибо.

Мне было неудобно находиться так близко к Натану – я схватила блюдо с орешками, вручила его Ианте и сбежала на кухню. Послышался шум колес, ознаменовавший приезд Сэма и, как я надеялась, Элис. Я вошла в маленькую столовую со стенами цвета терракоты, чтобы закончить накрывать на стол, который я украсила прозрачными белыми свечами, блестящей ленточкой, тарелочками с изюмом и бело-розовым засахаренным миндалем, белыми лилиями и белыми льняными салфетками.

Довольно сентиментальная и совершенно неуместная обстановка. Но мне хотелось сделать заявление, поведать о своей вере в то, что

наша семья выживет; упрямо и оптимистично сообщить о том, что нас не сломали. К тому же стол выглядел чудесно.

– Мама. – Появился румяный взволнованный Сэм. – У меня для тебя новость. – Я подумала: он собирается сообщить о женитьбе на Элис. Но за спиной Сэма притаилась фигурка в короткой красной юбочке, и это была не Элис – это была Джилли.

– Джилли, – завизжала Поппи, – как ты здесь оказалась?

– Мам... – Сэм взял Джилли за руку и подтолкнул ее вперед. Она выглядела бледной, но тут мигом стала пунцовой.

Я собралась с духом и поцеловала ее.

– Как здорово.

Поппи похитила Джилли:

– Это еще что такое? Я не знала, что ты придешь.

Ианта вспомнила свои лучшие клише, приготовленные как раз для таких ситуаций, когда никто не имел понятия, что на самом деле происходит:

– Чем больше гостей, тем веселее. Джилли, иди сюда и садись рядом со мной.

Явно избегая взгляда Поппи, Джилли заняла свое место – точнее, место Элис. Сэм развернул салфетку и откашлялся:

– Всех с Пасхой.

На сердце полегчало: я поняла, что с Сэмом что-то произошло, и это к лучшему.

Джилли попросила стакан воды и сделала глоток.

– Вам, наверное, интересно...

– Наверняка. – Сэм положил руку на ее плечо – Вам наверняка интересно, почему здесь нет Элис?

Сэм взглянул на Джилли, и она ответила ему нежным, взволнованным взглядом. Сэм откашлялся.

– Мы с Джилли собираемся пожениться.

– О Господи. – Натан поставил стакан.

– Как мило, – отозвалась Ианта.

– Мы с Джилли начали встречаться после свадебной вечеринки Поппи. Там все и началось.

По моему лицу расплылась улыбка, безусловно, идиотская, но счастливая. Я ничего не могла поделать. А Поппи вдруг пришла в ярость.

– Я-то думала, Джилли, мы все друг другу рассказываем. Ты ни слова не сказала!

– Я не могла. Это... личное. – По светлому личику Джилли пронеслась тень: возможно, от чувства вины, но всего лишь тень. Она положила на тарелку кусочек копченого лосося. – Я же не знала, что случится, а потом...

Ричард первым почувствовал, что сейчас последует смертельный удар, и тихо спросил:

– И что потом?

– Мы обнаружили... – Джилли отрезала большой кусок лосося и нанизала его на вилку, – ...что я беременна.

У Сэма был идиотски довольный вид, а Поппи ахнула.

Украшенная лентой свеча затрепыхалась. Невозмутимый, сдержанный Ричард зажал фитиль пальцами. – Молодчина, Джилли. Ловко сработано.

Натан вскочил из-за стола.

– Извините, – пробормотал он и вышел из комнаты.

Я теребила салфетку на коленях. Что же будет с прекрасной, суровой, безжалостной, деловой Элис?

– Вот и отлично, – с мягкой улыбкой проговорила Ианта. Она взглянула на меня. – Люди приходят и уходят.

Вошел Натан; он тихонько опустился на стул.

– Извините, – проговорил он, избегая смотреть нам в глаза. На секунду или две над пышно украшенным столом повисла тишина; все замерли. Потом комната вдруг ожила. Над украшениями летали слова «свадьба», «ребенок», «сроки»; зазвенели бокалы, и все выпили за будущее.

Мы ели, разговаривали, строили планы. Создавали новые иллюзии, которым суждено было занять место старых, и с чувством глубокого удивления я осознала, что новые иллюзии ничуть не хуже.

Сэма я подстерегла на кухне, когда пришло время подавать кофе.

– Как же Элис?

На его лице снова застыло деревянное выражение, которого я стала бояться.

– Я хотел поговорить с тобой, мама. Она очень переживает, и я не понимаю почему. Я-то думал, что все наши проблемы оттого, что я не

нужен Элис. Поэтому я и нашел Джилли. Но теперь Элис говорит, что согласна выйти за меня, так что пришлось сказать ей о ребенке.

Мой невинный сын полагал, что два плюс два – четыре, что Элис исчезнет, как и угрызения совести, как только он получит желаемое; и вот теперь он переживал.

– Ох, Сэм...

Поппи же накинулась на Джилли:

– Утром первым делом тебе позвоню.

– Вдруг в это время меня будет тошнить, – счастливо произнесла Джилли и подхватила Сэма за руку. – Но все равно попробуй.

Когда все ушли, я начала наводить порядок. Ианта пошла наверх спать, а я разложила остатки ужина на тарелке, чтобы наутро отнести мистеру Сирсу.

В дверь кухни постучали. Я открыла.

– Можно войти? Я ждал в машине, пока гости разойдутся. – Натан был в пальто, ссутулившийся; у него был измученный вид.

– Уже очень поздно.

– Я знал, что ты так скажешь. Дай мне хотя бы пять минут – поговорить о нашем сыне.

Я посторонилась, и Натан прошел в кухню вежливой походкой гостя.

Он огляделся. Около раковины лежали пакеты с мусором, он взял их.

– Куда вынести?

– Ты знаешь.

Он отнес мусор, вернулся, закрыл дверь и прислонился к косяку.

– Как Ианта?

Я отвернулась и принялась убирать тарелки в буфет.

– Я не могу о ней говорить.

– Понятно. Извини, что я не смог помочь.

– Я этого и не ожидала.

– Роуз, посмотри на меня. – Я невольно обернулась. – Можно мне выпить? Потом я уйду.

– По-моему, вино закончилось.

– У меня в кабинете была бутылка виски.

– Я уже давно ее выпила.

Он метнулся ко мне, и не успела я опомниться, как прижал меня к столу. Поразительно, как запахи – в данном случае лосьон Натана – подстегивают память и будоражат чувства. Его глаза горели отчаянием, и он проговорил:

– Что бы я ни сделал, Роза... Роуз, я не хотел причинить тебе вред.

– Натан, зачем ты вообще пришел? У нас был такой счастливый вечер... – От всех переживаний и усталости у меня закружилась голова. Я его оттолкнула. – Сейчас неподходящий момент. И это бессмысленно. Что сделано, то сделано.

Он с грохотом опустил на стул.

– Это моя вина. Я так зол на самого себя... я перевернул всю семью, я теперь совсем не знаю своих детей...

Я налила воды и поставила чайник.

– Нет смысла никого винить – ни мне, ни тебе. Неужели ты не понимаешь? Мы оба были виноваты. Я должна была понять, что у нас что-то не ладится, и попытаться все исправить. Ты же не должен был поддаваться Минти, да ты бы и не поддался, если бы я поняла, что ты несчастлив. – Он вздохнул – это был вздох отчаявшегося человека.

– Может, поговорим о Сэме? Я так за него рада. А ты? Джилли ему подходит, и она поможет ему не замыкаться в себе.

– Наверное.

Я достала чайные пакетики.

– У тебя не очень счастливый голос.

– Это так неожиданно.

– Никто об этом не знал. Это вовсе не потому, что тебя оставили в стороне – я тоже ничего не замечала – какой-то детектив. – Я мрачно улыбнулась.

– Да уж.

Я опустила пакетики в кипяток и уставилась в чашку.

– Ты расскажешь Минти о ребенке?

– Пока нет. У меня нет сил. Это тяжело... – Он поднял глаза. – Все так сложно...

Думаю, Натан ждал, что я начну расспрашивать, но я не собиралась ему помогать. Тема была слишком болезненная. Что бы они с Минти ни планировали, это относилось к новому Натану, о котором я ничего не знала. Компромиссы и обычаи нашего супружества остались в прошлом. Я поставила перед Натаном чашку, он пробормотал

«спасибо» и потянулся за сахаром. Его рука застыла над чашкой, и тут, испытав почти шок, я осознала, что больше не воспринимаю его как своего мужа.

Он оттолкнул чашку, и чай разлился по столу.

– Не знаю, почему душа и тело играют со мной в такие игры, но тем не менее это так. Когда я тебя бросил, ты мне была не очень нужна. Теперь же я думаю о тебе постоянно.

Чай образовал лужицу на полированной ореховой столешнице. Я сидела очень тихо. На шее Натана пульсировала жилка, и седая прядь над ушами стала шире и заметнее. Шесть месяцев назад я отдала бы год жизни, лишь бы услышать от него эти слова. Я бы слушала покорно, с безмерной благодарностью. Теперь же слова не проникали в меня – я оглохла от случившихся событий. Человеческое ухо может воспринимать какофонию лишь до определенного времени, после чего звуки становятся невыносимыми, и слух просто отключается. Наверное, это важно для выживания.

– Давай же, – проговорил он и схватил меня за руки. – Скажи мне, какой я был дурак.

– Отпусти меня, пожалуйста. Натан, или мы будем говорить о детях, или ты уйдешь.

Он сразу же меня выпустил.

– Извини... мне стыдно, я идиот. – Он взял чашку и сел. – Забудь. Я плохо соображаю.

– Глядя на тебя, мне почти жаль Минти, – прошептала я. Я встала, взяла тряпку и вытерла пролившийся чай.

Натан разглядывал свою экзему – темно-красное пятно.

– На работе проблемы, а с Минти я говорить не могу. Она видит все совсем в другом свете... Только тебе я могу признаться, Роуз... знаешь, как тяжело, когда тебя подстерегают молодые парни, которым не терпится оттереть тебя в сторону, захватить твое место? Они даже не пытаются быть вежливыми с глазу на глаз. Одному богу известно, о чем они говорят за моей спиной.

Я села напротив.

– И ты был таким же – помнишь?

– Да. Но я-то, по крайней мере, вел себя с Рупертом вежливо, поджидая, пока он упадет с жердочки. – По его губам скользнула

знакомая улыбка «сильного мужчины». – Теперь все по-другому, как тебе прекрасно известно: ведь ты испытала это на своей шкуре.

– Разумеется. Но у тебя есть опыт, и ты хитер.

– Мне от этого не легче. – Натан порылся в буфете, где хранились напитки, достал полупустую бутылку красного вина и взял бокал. – Есть у нас один консультант. Лучшие результаты в Оксфорде, бизнес-школа – и его сразу же запустили к нам в компанию, как хорька на отлов.

– Не нервничай. Ты вполне способен доказать ему, что еще не вышел в тираж.

– Ты так думаешь? – спросил он. – Правда?

– Да, – уверенно сказала я. Несмотря ни на что, я бросала ему спасательный круг.

Натан встал позади моего стула.

– Интересно... – Его рука погладила мои волосы и опустилась на плечо. – Интересно, как долго мне еще осталось.

Это был не тот Натан, которого я знала. Я накрыла его руку ладонью.

– Послушай меня. Не смей сдаваться. – Я убрала руку. – Что говорит Минти?

– Не знаю, Роуз. Ничего я не знаю.

Я поднялась.

– Ох, Натан, и после всего этого ты несчастлив?

Он оперся о раковину, сжимая бокал.

– Мне хочется сказать, что я не на своем месте, что я потерян, – но я не могу. Нельзя повернуть время вспять. Нельзя говорить, что мне нужны спокойствие и передышка, когда всю жизнь я стремился к противоположному. Я не могу сказать Минти, что ей нельзя заводить ребенка, потому что мне нужно сосредоточиться на воспитании внуков. И я не могу прийти к тебе, Роуз, и спросить: «И что же мне делать?» Я не могу просить тебя вернуться.

Да, это было невозможно. Как бы я ни старалась, не в моих силах вернуть все на свои места. Бросить жену – это не просто поссориться и выйти из дома. Когда рушится брак, уничтожается нечто столь глубокое, столь укоренившееся в крови... Умирает любовь, которая появляется после угасания головокружительной страсти, умирают

доверие, близость, удовлетворение от взаимных обязательств. И все это невозможно возродить.

Но если повезет, кое-что все же можно спасти. Для этого нам обоим нужно найти в себе великодушие и сострадание.

Я закрыла ладонью его рот.

– Ничего не говори. – Его губы двигались под моими пальцами. – Натан, послушай. Мы уже привыкли жить отдельно. Дальше будет легче. К тому же полностью мы друг друга не потеряем. Разве это возможно? – Я обняла его и прижала к себе, как будто это был Сэм. – Ты причинил мне такую боль, что мне казалось – я умру, но все это в прошлом. Я поняла, что любовь – текучий организм, который изменяется и принимает разные формы в разное время. На днях я виделась с Хэлом. – Натан зажмурил глаза. – Я поняла, что люди, которые что-то значат в твоей жизни, всегда будут с тобой. – Я тихонько потрясла его. – Натан, взгляни на меня. Открой глаза. В этом отношении ты был прав. Близкие люди всегда рядом.

Натан прошептал:

– Я сделал ошибку и перепутал секс с чем-то еще. – Он посмотрел на меня, усталый и растерянный. – А может, я никогда не пойму, зачем я сделал то, что сделал.

Я подумала, что, может быть, мы оба этого не поймем. Это и есть жизнь.

Я пошутила – словно русалочка, которая шла, с окровавленными ступнями, к мужчине, которому была не нужна:

– По крайней мере, ты здорово повеселился, совершая эту ошибку.

– Заткнись, Розы. – Натан стиснул меня в объятиях, будто никогда не собирался отпускать, и прошептал на ухо: – Минти боится жить здесь.

Я все прижимала его к себе – уже такого незнакомого. Потом отпустила.

– Жаль.

Он засунул руки в карманы.

– А ты? Что я с тобой сотворил?

Я не сразу смогла ответить.

– А что я с тобой сотворила, Натан? Я думала, что ты абсолютно счастлив, и весь мой мир основывался на этой твердой уверенности. Но, наверное, я что-то не заметила, не разглядела ту частичку тебя,

которая стремилась к более зеленой траве по другую сторону забора. Когда-то я хотела путешествовать, что-то менять в своей жизни – такой я была в двадцать; почему бы тебе не сделать это в пятьдесят? Но я привыкла, что ты такой предсказуемый, и думала, что тебе такое не придет в голову. – Я посмотрела на свой палец без кольца и решила, что хватит, я не позволю этому жесту войти в привычку. – Может, в этом и есть проблема супругов? Колея настолько проторенная и гладкая, что ты о ней даже не вспоминаешь, не задумываешься, не ломаешь голову. Только вот потом уже слишком поздно. Но тебе не к чему беспокоиться. Со мной все будет в порядке. И с тобой тоже.

– Часы нельзя повернуть назад? Я покачала головой:

– Подумай о Минти.

– Я и думаю. – Натан осторожно поставил свой бокал на стол и начал плакать. Это были слезы обреченного человека.

Через час Натан уехал с Лейки-стрит. К тому времени его слезы высохли, но он был сильно бледен. Он коротко поцеловал меня и произнес:

– Будем держать связь, что бы ни случилось.

– Конечно, – ответила я и добавила: – Можешь переехать сюда, как только я оформлю покупку квартиры.

– Тебя что-то задерживает? Может, я помогу?

– Остались одни мелочи.

Я закрыла за ним дверь и осталась в тихом, темном, меняющемся доме.

Глава 26

Пришел договор на квартиру. Я особенно не распространялась на эту тему и запретила Сэму и Поппи говорить о «новой жизни» и «новых начинаниях», хотя на самом деле так и было – я начинала новую жизнь. Но я наказала им быть поосторожнее, чтобы не сглазить. Я расправляла промокшие, сморщенные крылышки и хотела, чтобы переезд прошел тихо и не был ознаменован грандиозными жестами.

Я начала собирать вещи – свою долю. Вскоре лестничную площадку загромождали коробки. Обстановка кабинета исчезла; кухня тоже опустела.

Разбирая чердак, я наткнулась на старомодный чемодан, на котором почерком Ианты было написано «Одежда Джека». Он был набит детской одеждой, которую я просто не могла выбросить. Крошечное платьице-халатик; первые ползунки Сэма; пара протершихся красных ботинок.

От пыли у меня заслезились глаза – а может, я просто заплакала?

В самом низу, в оберточной бумаге, так, чтобы было незаметно, лежала твидовая кепка. Папина кепка. Я зарылась в нее лицом и отчетливо услышала его голос: «Где мой цыпленочек?»

Я положила все вещи обратно, накрыла слоем оберточной бумаги и вытащила чемодан на площадку.

Стояли тихие весенние дни. Это был период выздоровления, время от времени прерываемого звонками от адвоката и агента по недвижимости. Два раза в неделю я по-прежнему работала на Кима. Ви часто присылала книги на рецензию («Если еще похудеешь, я тебя убью»). Позвонил Нил Скиннер и попросил не занимать июнь: надо было снова провести исследование, на этот раз по финансированию сферы искусств. Пришло приглашение на свадьбу Чарлза Мэддера и Кейт Фретт. К письму была приложена записка: не могла бы я прийти на маленький праздничный ланч за день до свадьбы? Чарлз очень хотел познакомить меня со своими детьми.

За порогом поджидало лето с его буйством красок и чувственным привкусом.

Как и сад, я тоже ждала: ждала, когда можно будет сбросить старую кожу, высушить новые крылья на солнышке и выступить вперед – очистившейся, новорожденной. Я снова отправлялась в путь.

Мы с Кимом обсуждали достоинства и недостатки книги по дизайну интерьеров. Я потягивала в кресле каппучино, Ким облокотился о стол, и его галстук то и дело мешал нам. Мы увлеченно спорили о том, являются ли малиновые стены и позолота популярной тенденцией, обговаривали цифры и контракты, обсуждали издателей и читателей. В такой приятной обстановке и раздался звонок Поппи:

– Мам, мне надо с тобой увидеться. После работы я заехала к ней и позвонила в квартиру, которая показалась мне очень тихой. Наконец дверь отворилась, и меня встретила заплаканная Поппи.

Она проводила меня на кухню, и я чуть не споткнулась о гору грязной одежды, сваленной на полу. Вся раковина была заставлена грязными тарелками и ошеломляющим количеством винных бокалов. В кастрюле на плите что-то кипело.

– Какой кошмар, – сказала я.

Поппи нахмурилась:

– Я пыталась навести порядок. Ричард ненавидит грязь. – Она закусил губу. – Я понятия не имела, что он маньяк-чистюля. Раньше он никогда таким не был! Ладно, все равно у меня ничего не получается. Мы все время ссоримся, и он приходит домой все позже и позже. У меня столько времени, а я ничего не делаю. Не знаю, куда исчезает время; меня это бесит, но я еще сильнее ленюсь.

Я выключила газ, взяла резиновые перчатки и решила действовать.

– Я помою посуду, если ты займешься остальным.

Лицо Поппи вытянулось.

– Нет, мам, не к чему перетруждаться.

– Это не поможет?

Поппи швырнула на пол кухонное полотенце.

– Не понимаю, почему я должна ему угождать. Только потому, что он работает, ему кажется, что он имеет право возвращаться домой и требовать ужин. – Она закатила глаза. – Проснись, Ричард! Мы не в девятнадцатом веке!

Я подняла полотенце и передвинула гору грязного белья в угол.

– Дорогая, очень тяжело от путешествий и свободного полета перейти к семейной жизни, но домашние дела можно и нужно выполнять. По крайней мере так делает большинство людей. – Поппи скептически фыркнула. – Если бы ты устроилась на работу, то почувствовала бы себя лучше.

– Это у меня тоже не выходит. – Поппи нацелилась ни больше ни меньше как на место редактора в издательстве. – Вообще-то мне предложили поработать ассистентом по продажам, но мне кажется, глупо заниматься чем-то, что ты все равно потом бросишь.

– А тебе не кажется, что лучше попробовать? Поппи, знания о том, как продаются книги, могут очень пригодиться, а если у тебя будет работа, ты не станешь зависеть от Ричарда.

– Ты просто динозавр, мама. Ричард тоже думает, что нет смысла идти на компромисс.

Я вздохнула:

– Тогда чего ты расстраиваешься?

– Не знаю. – Поппи скрючилась и стала похожа на маленького растерянного ребенка. – Не понимаю, почему я так ужасно себя веду.

Я молча натянула перчатки. Я понимала, что чувствует Поппи – еще бы мне не понимать. Оливковые деревья и море, темное, как вино, брызги фонтанов на солнце – они манили, сияли, заслоняя остальные мысли. Я осторожно сказала:

– Поппи, ты сделала выбор – вышла замуж. Дочь вышла из ступора и взорвалась:

– Но я не хотела становиться скучной и бесцветной! – Она попыталась пнуть ногой кучу белья. – И не понимаю, почему Ричард так изменился. Раньше он был совсем другим. Как будто его кто-то проглотил, а его место занял обманщик! Мелет всякую чепуху вроде «изволь приготовить ужин, потому что я здесь один работаю»! Я знаю, что мне повезло, и я не умираю с голоду, я не беженка, и моих родственников не убили во время резни, но честно говоря, мне плевать, потому что настроение у меня все равно ужасное!

Я обняла дочку так крепко, что ободок ее очков вонзился мне в щеку. Бедная моя Поппи. Ей придется приспособливаться, придется ломать себя.

– Подожди, Поппи. Подожди немного – скоро ты привыкнешь. Не раскисай и не сдавайся. Ты пожалеешь, если опустишь руки.

Она вздохнула и прижалась ко мне.

– Что мне делать, мама? Ты же знаешь. Ты все это уже проходила.

– Нам с твоим отцом повезло: мы оба знали, чего хотим.

В моем случае ничего объяснять не пришлось: Натан сразу же понял, что мне нужно. На пятом свидании, сидя рядом со мной в кино, он взял меня за руку, пока шла реклама. «Я хочу завести семью, Роуз, и мне кажется, ты тоже этого хочешь. – Он поднял мою руку и один за другим стал целовать мои пальцы. – Я хочу на тебе жениться». Чуть позже он сказал: «Отвези меня в Йелланд. Хочу увидеть, где ты провела детство. Тогда я пойму самое важное в тебе».

Когда человек тебя понимает, он имеет над тобой огромную власть – понимание творит чудеса. Из слов и образов воображение может сотворить любовь. Как я была благодарна Натану за эти слова! Я ухватилась за мечту об устроенности и любви, которую он посулил мне.

Я поцеловала спутанные волосы Поппи и повторила:

– Не сдавайся.

Дочка сдвинула брови.

– Он просто дьявол. Какого черта я за него вышла?

– Да что ты? – В дверях стоял Ричард, и мы с Поппи вздрогнули. – Что-то раньше ты была другого мнения. Более того, помнится, в Таиланде ты думала совсем по-другому.

Поппи вырвалась из моих рук.

– Да как ты смеешь подслушивать?

– Будь я слеп и глух, мог бы и не заметить эту трогательную сцену. – Ричард зашел на кухню: он явно кипел от злости. На нем был деловой костюм, но на манжете оторвались две пуговицы: это напомнило мне прежнего Ричарда, увешанного четками. – У меня есть право находиться в собственном доме.

Я сняла резиновые перчатки – перед дракой от них лучше избавиться.

– Здравствуй, Ричард.

Ричард проигнорировал меня и обратился к жене:

– Вот уж не думал, что ты из тех, кто чуть что бежит плакаться к мамочке.

Поппи сжала руки за спиной.

– Я не из тех. Но если я решила так сделать, ты не смог бы меня остановить.

– А как же преданность? – Муж сделал шаг вперед, и Поппи попятилась. – Тебе вообще знакомо это слово? – Он сорвал пиджак и набросил его на спинку стула. Я увидела его обиженное, недоуменное выражение лица. – Вы не могли бы уйти, Роуз?

Не желая рисковать, я попятилась к двери.

– Запрещаю тебе уходить, – зашипела на меня Поппи.

– Твоей матери это не касается, – произнес Ричард.

– Касается, если я так сказала.

Ричард схватил Поппи за руку.

– Хочешь, чтобы твоя мать это видела? У нас что, театральное представление?

– Мама останется.

Лицо Ричарда покрылось опасным румянцем.

– Я целый день зарабатываю нам на хлеб, и мне не нравится возвращаться домой и видеть помойку, и мне не нравится... – он смерил меня презрительным взглядом, – мне не нравится, что ты позволяешь себе злобно клеветать на меня своей матери.

Ричард был прав. Это их дело, их личное дело. Я взяла сумку и попрощалась. Закрывая за собой дверь, я слышала слова Ричарда:

– Поппи, это непростительно... Как ты могла так поступить со мной?

Она судорожно зарыдала.

– Ричард, я не хотела... Не хотела тебя обидеть...

На следующее утро позвонила Мазарин:

– Я продала дом. И осталась в убытке. Но он был мне ненавистен.

Должно быть, ей было нелегко расстаться с таким ценным приобретением, которое при нормальном стечении обстоятельств могло бы доставить немало радости. Я подавила легкое сожаление оттого, что такая красивая вещь выскользнула у нее из рук.

– Dommage,^[13] – добавила она.

– Так будет лучше.

– Думаешь?

– Даже не сомневаюсь.

– Роуз, я рада, что ты моя подруга, – облегченно сказала она.

– Я тоже. – Мы задумались над этими приятными словами. В трубке слышались удары. – Ты где?

– В галерее. Мальчики устанавливают экспонаты. Ты обязательно должна приехать. У нас здесь выставка, посвященная влиянию мусора на человеческую психику. Ты будешь в восторге. Просто приезжай и взгляни.

Она словно сбросила гору с плеч. Я пообещала приехать в июне и записала дату в ежедневник. И еще рассказала ей новости о Сэме и Джилли.

– Природе ненавистна пустота, – заметила подруга.

Только я положила трубку, как кто-то замолотил во входную дверь. К моему удивлению, это был Сэм. Он был в шоке и задыхался.

– Мам, слава богу, что ты здесь. Не представляю, к кому еще пойти. Нужна твоя помощь. Мне только что позвонили из Бата, из больницы. Элис... судя по всему... я не могу поверить... она пыталась покончить с собой. Ее нашла уборщица и позвонила мне.

– Я только возьму сумку.

Его лицо посветлело:

– Правда, мам? Мне так нужна поддержка.

– Где ее родители?

– В Австралии, в отпуске. Они приедут только послезавтра. – Он провел ладонью по волосам. – Не могу представить, как там Элис одна.

Дежурная медсестра в больнице спросила, кто мы такие. Мы объяснили, и она уставилась на Сэма:

– Не думаю, что вам стоит к ней идти. Но когда я сказала, что больше из родных никого нет, она согласилась пойти на переговоры со мной.

– Должен же хоть кто-то с ней побыть, – сказала я.

Элис лежала в изолированной палате в конце отделения; там было одновременно душно и холодно, пахло дезинфекцией и чем-то еще... Если бы у отчаяния был запах, оно пахло бы именно так.

Когда я вошла, девушка лежала неподвижно, отвернувшись к окну. Я придвинула жесткий больничный стул и села.

– Здравствуй, Элис. – Она не ответила. Я вспомнила золотоволосую, сияющую красавицу. Сейчас она выглядела

похудевшей; светлые волосы рассыпались по подушке и казались ломкими, как щепа. Я заговорила опять: – Элис, это я, Роуз.

– Боже, вы-то зачем пришли? – прошептала она.

– Мы же знаем друг друга, хоть и немного. Я подумала, что кто-то должен быть с тобой, пока не приедут родители.

Ее губы едва шевелились:

– К чему такое беспокойство? У нас с вами больше нет ничего общего.

Я сжала ее безжизненную руку.

– Мне жаль, что ты дошла до такого отчаяния...

– Что вы об этом знаете?

– Я знаю, что значит быть брошенной. Поэтому и сопереживаю другим, оказавшимся со мной в одной лодке.

Как мало нужно, чтобы уничтожить человека.

Последовала долгая пауза; казалось, Элис собирается с мыслями.

– Забавно, правда? В конце концов нас подводят достойные, добрые люди. Ты так привыкаешь к их порядочности, что забываешь, что на самом деле мы все одинаковые. Что порядочные люди, как и все остальные, не упустят главного шанса в своей жизни.

По отношению к Сэму это было несправедливо.

– Он ждал слишком долго, Элис, и думаю, он просто опустил руки. Думаю, Сэм почувствовал, что есть предел, до которого можно любить и ждать, когда другой человек ответит взаимностью. В конце концов, он просто решил продолжать жить своей жизнью.

Глаза Элис наполнились слезами. Я наклонилась и вытерла их.

– Я так устала, черт возьми, – проговорила она. – И чувствую себя полной дурой.

– Элис, у тебя на работе знают, где ты?

– Понятия не имею.

– Хочешь, я с ними поговорю?

– Мне все равно, – ответила она. – Делайте что хотите.

Через несколько минут я оставила Элис и отправилась искать Сэма.

Вместе мы сочинили историю про грипп, и он взял на себя переговоры с работодателями Элис. Мы договорились, что я побуду с ней до вечера, а потом он за мной заедет.

Я вернулась в палату. Вскоре Элис заснула, и день потихоньку стал клониться к вечеру.

По коридору проскрипела тележка. Зазвонил телефон. В комнату заглянула сестра, проверила пациентку и ушла. Наконец Элис открыла глаза и посмотрела мне прямо в лицо.

– Мне казалось, что Сэм будет рядом вечно. Он обещал, что так оно и будет. Мне казалось, что я могу не торопиться, прежде чем... ну, прежде чем меня затянет семейная жизнь и так далее. – Она нахмурилась. – Сэм именно этого хотел, но с какой стати все должно быть так, как хочет он? Я должна была понять, что он не станет ждать вечно.

Мне нечего было ответить.

Вошла вторая медсестра с подносом, и мы помогли Элис сесть. Я протянула ей чашку чая.

– Выпей, – приказала я. Она сделала пару глотков и сразу почувствовала себя лучше. Я расчистила место на тумбочке, чтобы можно было поставить чашку и блюдце.

Ее глаза жгли мне спину.

– Почему я все сделала не так? Это на меня не похоже. Обычно я такая предусмотрительная.

– Может, потому, что не хотела? – Я повернулась к ней.

По ее бледным губам пробежала слабая улыбка.

– А вы думали, что так будет?

– Нет.

Элис замолкла, а потом спросила:

– Какая она, эта Джилли? Что в ней такого, чего нет у меня?

Я осторожно подбирала слова.

– Джилли совсем другая. Она... более обычная, что ли.

– Можете не продолжать. Прекрасно представляю. – Элис откинулась на подушки и прикрыла глаза рукой. – Сэм заслуживает милую женушку, ту, у которой он бы стоял на первом месте. Я никогда не стану такой. Я не милая. И я должна сама заботиться о себе. Не спорьте.

Видимо, Элис привезли в спешке – ее одежда в беспорядке лежала на стуле у окна. Я взяла ее серые фланелевые брюки – они были в пятнах и пахли рвотой. Черный кашемировый свитер был не в лучшем состоянии. Красивые, дорогие вещи – я знала, что они ей дороги. Я сложила их осторожно. – Отнесу в чистку и скажу, чтобы доставили сюда, – сказала я. Рука ее бессильно опустилась.

– Зачем вы все это делаете, Роуз? Я же никогда вам не нравилась.

– Мне не нравилось видеть, как Сэм страдает.

– Так почему же?

– Потому что ты всегда была честной, – ответила я. – Пусть ты заставляла Сэма страдать, но ты никогда не направляла его по ложному пути. И никогда не давала невыполнимых обещаний.

Нас обеих объединял опыт, к которому мы не стремились, но мне казалось, что Элис потребует больше времени на выздоровление. Я пригладила ее волосы.

– Элис, ты обещаешь больше этого не делать?

Она залилась румянцем.

– Как знать? – проговорила она с оттенком прежнего высокомерия. – Может, это пришлось мне по вкусу.

Элис продолжила со мной общаться. После выписки из больницы ей дали месячный отпуск, и, пребывая в депрессии и отчаянии, она звонила мне. Очевидно, с родителями у нее были не очень близкие отношения. Мне пришла идея отправить ее к Мазарин в Париж – помочь с организацией выставки.

Они отлично ладили.

– По крайней мере, – дoloжила мне Мазарин, – она способна на великую боль и страсть. – И наградила Элис редким комплиментом: В этом отношении она больше похожа на француженку, чем на англичанку. Но я все равно поведу ее по магазинам.

Глава 27

Я все время ставила свечи у статуи Мадонны в церкви Святой Бенедикты: за Поппи и Ричарда, за Сэма и Джилли, за Натана, Ианту, Элис. И поставила одну за себя. А что тут такого?

В офисе Ким завалил меня работой. Иногда я приходила рано утром и уходила поздно вечером. Поговаривали, что тиражи «Депеши» растут, и ребята из рекламного отдела ходили чуть ли не вприпрыжку.

Я стала меньше спешить – в этом не было необходимости. В тот день, проходя через парк, я с удовольствием слушала пение птиц, шелест листьев, гудение приземляющегося самолета. Мой отец хорошо умел слушать. Ему нравились пение птицы, звук льющейся воды и шорох травы. Звуки, которые сейчас слушала я, принадлежали городу, но и они вознаграждали за внимание. Они были линией, соединяющей меня с жизнью, простой и непримечательной на первый взгляд.

Над тропинкой, вьющейся вдоль реки, наливались каштановые почки. Под кленом цвели розовые тюльпаны; я наклонилась и рассмотрела ближайший бутон. Над вогнутым внутренним лепестком, испещренным крошечными зелеными жилками, роилась тля. Это было хорошо: значит, природа не сдавалась.

Размахивая сумкой с книгами, я свернула на Лейки-стрит и увидела Хэла. В глубине души я верила, что он когда-нибудь придет, поэтому не удивилась. Он уютно расположился на верхней ступеньке дома, читая вечернюю газету: как это похоже на него. Рядом с ним стояла корзинка с крышкой.

– Давно ждешь?

Он поднял голову и вскочил.

– Здорово, что ты пришла. Я хотел прождать еще двадцать минут, а потом попробовать зайти в другой день.

Неловкое молчание прервалось возней из корзинки.

– Что у тебя там?

– Еслипустишь меня в дом, то покажу.

В коридоре он опустил корзину на пол и открыл ее.

– Иди сюда. У меня для тебя подарок.

Я встала на колени, заглянула в корзину и почувствовала, как сжалось сердце: там был маленький котенок, рыже-коричневый, словно тигр. Я прикоснулась пальцем к его голове... и вот я будто снова шагаю по дому, прижимая к груди кричащих детей, а на полке над радиатором посапывает кошка.

– Бездомный, – объяснил Хэл. – Моя бывшая жена, Аманда, нашла на дороге. Но боюсь, у него была повреждена лапка, так что он не очень хорошо ходит.

Киска позволила прикоснуться к ней, но я почувствовала, что у нее не очень-то покладистый характер. Дерзкий взгляд зеленых глаз говорил о том, что эта бродяга привыкла жить своим умом. Понадобятся время и хитрость, чтобы умаслить и приручить ее.

Я взглянула на Хэла.

– Ты даже не представляешь, как я скучаю по Петрушке.

– Можешь взять ее, если хочешь. – Он присел рядом со мной. – Бедняжка.

Мы отнесли котенка в полуразобранную кухню и попытались поставить его на лапки. Увечье стесняло движения, но немного пошипев и поизгибав спину, кошка все-таки свернулась калачиком на моем старом свитере и уснула.

Хэл положил руку мне на плечо.

– Роуз? – Он словно спрашивал разрешения – можно ли перейти от простого обмена информацией к более важным вещам? Я не знала, не знала, что попрошу у него взамен.

Он сжал мое плечо.

– Ты хорошо выглядишь.

– Да? – Я заметила, что на нем были дорогие брюки и пиджак. – А ты похож на преуспевающего человека.

– Вообще-то, – произнес он, – я пришел попросить тебя кое о чем.

Я вдруг почувствовала себя неловко, как школьница.

– Может, останешься на ужин? Я могу приготовить пасту. Тогда и попросишь, о чем хотел.

– Лучше я приглашу тебя в ресторан.

– Я бы не предлагала, если бы не хотела, чтобы ты остался.

– В таком случае, я останусь. Только не возражаешь, если я позвоню Аманде? Она ждала меня в гости. Не волнуйся, она не будет против, а ее муж и подавно.

Пока Хэл звонил, я носилась по кухне, готовила соус карбонара, варила пасту, накрывала на стол, и тут случайно выглянула в сад.

Он выглядел запущеннее, чем обычно, теперь здесь царили незнакомый хаос и буйство, но клематис Мари Буало выставил напоказ целый сервиз белоснежных цветков-тарелочек.

Хэл вернулся в комнату.

– О чем ты думаешь?

Сирень цвела тяжелыми и одинокими соцветиями, а паслен забрался на решетку ограды. Бутоны Айсберга под окном выглядели многообещающе.

– О том, что во втором моем саду будет больше цвета. Я все устрою там по-другому.

Хэл выглянул наружу, но он ничего не знал о моем «белом периоде». Возможно, в один прекрасный день я ему расскажу. Мысль об этом зажгла во мне искру интереса, даже волнения. Я усадила гостя, вручила ему бокал вина и стала искать глубокие тарелки в полупустой кухне.

– Аманда рада, что ты взяла кошку.

Я откинула пасту на дуршлаг и перемешала ее с соусом.

– Долго вы были женаты?

Хэл сел за стол.

– Девять лет. Аманда добрый, терпеливый человек, но даже она не вынесла моего постоянного отсутствия. Что ж теперь у нее есть Эдвард, и она очень счастлива.

– И ты не был против? – Я поставила перед ним тарелку и села.

– Был. Даже очень. – Наши взгляды встретились. – Я был дураком.

Я принялась сосредоточенно раскладывать пасту. Не хотелось расставлять все по полочкам: это хорошо, это плохо, это безразлично – но мне было важно знать, что Хэл расстраивался из-за неудавшегося брака.

– Кажется, быть дураком – это моя специальность, не так ли, Роуз?

Моя вилка зажала собственной жизнью и выпрыгнула из рук на тарелку.

– О чем ты?

Хэл отодвинул тарелку, положил руки на стол и откашлялся.

– Давай обсудим это раз и навсегда. Я так и не извинился перед тобой за то, что ты потеряла ребенка и за то, как я с тобой обращался.

Я хотел извиниться – и теперь могу это сделать.

На первом лестничном пролете Я обернулась и увидела Таковую же фигуру, обернувшуюся из-за перил...

Я не знала, стоит ли обсуждать этот вопрос. Пожалуй, лучше не надо.

– Мне не стоило соглашаться ехать с тобой, Хэл, но я болела любовью и не могла думать. Я не понимала, что мне грозит опасность – я была невеждой.

– Но мне надо было лучше о тебе заботиться. Не надо было оставлять тебя в Кецеле, как бы ты ни просила. Мне казалось, что я поступаю правильно, что это доказательство правильности наших решений. Но я поступил не по-взрослому.

Я не отрываясь смотрела на него.

– В то время это было... выходом из ситуации.

Хэл даже не попытался прикоснуться ко мне, и я подумала, что он хочет сократить пропасть между нами и поступает правильно: нам нужно было обсудить эту проблему, ни на что не отвлекаясь.

– Мне жаль, мне очень, очень жаль. Я так и не простил себя за то, что бросил тебя в таком состоянии, в том грязном отеле, где ты могла бы подхватить страшную болезнь. Ты болела, тебе нужно было внимание. Но я отчаянно хотел закончить то, что задумал... я уже настроился работать с яномами. Я не мог свыкнуться с мыслью, что мой любовный роман грозит превратиться во что-то, что свяжет меня по рукам и ногам, я думал только о себе. Тогда я сделал выбор.

– Это был и мой выбор, – проговорила я. Голос подчинялся мне с трудом.

– Да, но правильнее, лучше жить, когда думаешь не только о себе, но заботишься и о других. Или друг о друге. Ты прощаешь меня?

Зазвонил телефон, но я не шелохнулась. Наконец звонок замолк, и кухню наполнила давящая тишина. Я улыбнулась Хэлу:

– Я простила тебя много лет назад. Мне пришлось, иначе я не смогла бы быть замужем за Натаном. Мне надо было освободиться от тебя. Я спрятала тебя в самую глубину моих мыслей и стала жить другой жизнью.

– Ты жалеешь об этом?

– Нет, ни капли. Я была очень счастлива. И не хотела, чтобы все это закончилось. Но так уж случилось.

Похоже, мой ответ его удовлетворил, и Хэл кивнул. Голубые глаза по-прежнему были цвета горечавки, цвета ткани дорогого камзола, цвета спокойствия и решимости.

Он отодвинул бокал.

– Расскажи еще.

Старая, мы что-то теряем – волшебство детства и веру, первые вспышки желания и преданность, но также приобретаем нечто неожиданное. Пока мы с Хэлом разговаривали, раскладывая прошлое доступными для понимания кирпичиками, наше желание вновь загорелось обжигающим пламенем, и прежняя ненасытность и вера возродились заново. Я не умерла, со мной еще не все кончено. Я не невидимка, и я не побеждена. Меня овеивает свежий ветер.

Позднее – не знаю, сколько времени прошло – мы обсудили все наши прошлые дела и поговорили о планах на будущее. Хэл собирался снова отправиться в Намибию, к яномами, и на оливковую ферму в Умбрии. Я хотела заново выстроить карьеру, самой зарабатывать на жизнь и обустроить новый дом.

– Мне пора, – наконец произнес он. – Когда мы снова увидимся? Почему бы тебе не зайти ко мне в гости? – Он улыбнулся. – Привидения там не водятся. – Он накинул пиджак. – Или приезжай на ферму, пока не наступила жара. Сейчас там лучше всего.

Опустив ладонь на дверную ручку, Хэл остановился.

– Я рад, что все-таки рискнул и пришел к тебе.

Я уснула не сразу, но когда это все же произошло, мне приснилось, что я плыву по пронизанному солнцем воздуху, легкая и свободная, как перышко, вылетевшее из крыла ангела.

Когда на следующее утро я спустилась вниз, котенок так и лежал на моем свитере, но я почувствовала, что он беспокоен и настроен враждебно. Я все же погладила его – шерстка у него была мягкая, золотая. Я приготовила кошачий обед из любимого печенья Петрушки, которое до сих пор лежало в буфете, и подогретой подливки и сказала котенку, что он очень красивое существо. Он внимательно слушал и следил за мной.

В кошачью корзинку он залез без проблем, но начал протестовать, когда я вышла из дома и спустилась к мистеру Сирсу.

– Это ты, Бетти? – крикнул мистер Сирс.

На улице становилось все теплее, и в комнате было душно. И все равно мистер Сирс спрятался под покрывалами. Он казался таким маленьким, таким побитым жизнью – он беззвучно плакал. Я опустилась перед ним на колени и поставила на кровать корзинку.

– Мистер Сирс, я вам кое-что принесла. Подарок.

– Если он из городского совета, отошлите обратно.

Я открыла корзинку, и котенок наградил меня злобным взглядом зеленых глаз.

– Веди себя хорошо, – наказала я ему. – А то опять окажешься на улице.

Я вытащила котенка и положила его на колени мистеру Сирсу.

– Ему нужен надежный дом, и я подумала, что вы захотите его приютить. За ним нужно ухаживать: малыш повредил лапку. Если хотите взять его, мистер Сирс, я отвезу его к Киту на обследование.

Мистер Сирс громко зарыдал, и его руки скользнули по покрывалу. Котенок напрягся, поднял голову и переключил внимание с меня на мистера Сирса.

Тот вытянул палец с загрубевшим ногтем.

– Лежать, – приказал он, нарушая все правила дрессировки котов. Но каким-то чудом котенок выгнул спинку, подобрал больную лапку и выполнил команду.

Мистер Сирс торжествовал:

– Есть вещи, которые никогда не разучишься делать.

Я ушла на кухню, а когда вернулась, котенок уже устроился на кровати, и они с мистером Сирсом общались без слов, как японцы. На меня они внимания не обращали.

Я позвонила Хэлу:

– Я отдала котенка. Кое-кому он нужен больше, чем мне, а еще...

– Что еще?

– Взять его означало бы вернуться назад. Попытаться возродить период жизни, который уже в прошлом. Не уверена, что могу это объяснить. Прости, надеюсь, ты не обиделся.

– Очень интересно, – сказал Хэл. – Нет, я не обиделся. – Я чувствовала, что он говорит искренне.

– Хэл, пойдём со мной на вечеринку в честь свадьбы одного моего друга? Думаю, тебе будет весело.

– При одном условии: ты пойдёшь со мной за покупками.

– И что сначала?

– Сначала за покупками.

Вот так и вышло, что я, в французском льняном платье и французском белье, отправилась с Хэлом на ланч в честь свадьбы Чарльза Мэддера, которая должна была быть пока секретом для всех.

Но пресса все же пронюхала. Когда мы вышли из ресторана, нас сразу же окружило сборище фотографов. В результате на следующий день на первой странице газеты появилась фотография: из ресторана выходят Чарльз и Кейт, а за ними – Хэл и я. У меня в руке был большой пакет, где лежали самые мягкие, удобные и дорогие походные ботинки, которые Хэл мог себе позволить. Он настоял на том, чтобы купить их мне.

Поппи приехала посмотреть новую квартиру.

– Папа приказал потом перед ним отчитаться, – сообщила дочка. – И ещё он приказал не говорить об этом тебе.

– Тогда не говорила бы. Поппи заглянула в буфет.

– Пахнет ужасно – мертвыми насекомыми. Надеюсь, ты выбросишь все это и купишь новую мебель.

– Зачем? Под этой страшной краской – чудесное дерево. Его просто нужно обработать.

Пока я составляла список дел, Поппи рыскала по квартире, но спустя какое-то время я отложила ручку. Все можно будет сделать после переезда.

– Нормально, – выдала вердикт Поппи, но вид у нее был неуверенный. – Сад просто шикарный.

– Главное, что квартира теплая и крыша не течет.

– Это так на тебя не похоже, мам. На Лейки-стрит ты так всегда старалась. Вложила столько сил, чтобы навести там уют. Обещай, что не опустишь руки, что не станешь безразличной.

– Неужели я похожа на развалину? – Поппи порылась в дорогой сумочке в форме круассана. – Милая сумочка, – заметила я.

По ее лицу промелькнуло странное выражение.

– Правда? Это мне Ричард подарил. – Она достала косметику и прозрачный пластиковый конверт с монетками. – Где же мой мобильник?

Я потрогала конверт – не блестящий конверт, который я представляла себе в шестнадцать лет, а более простой, практичный. – Зачем тебе столько монеток, Поппи?

– Ричард говорит, что нам пора начать откладывать. Ну, на пенсию и все такое. Большие деревья вырастают из маленьких желудей. Вот я и откладываю свои монетки.

Еще одно незнакомое качество моей импульсивной, романтической дочери. Я закрыла блокнот и взяла Поппи под руку.

– Как у вас дела?

– Ну... на днях мы крупно поссорились. Я собрала чемодан, но у двери Ричард меня остановил.

– Вы сейчас разговариваете или нет?

Последовало молчание.

– Разговариваем... вроде. Меня пригласили на собеседование в редакцию, и Ричард купил мне брючный костюм, чтобы я в нем пошла... так что я не могу с ним не разговаривать.

– Ну тогда ладно, – сказала я. – Значит, все не так уж плохо.

Я повезла Поппи в Кенсингтон.

– Сэм рассказал тебе об Элис? – спросила я.

– Он сказал, что с ней все будет в порядке и что он чувствует себя ужасно виноватым.

Он понятия не имел, что у нее к нему такие чувства.

Я обогнула грузовик, припаркованный в неподобающем месте.

– После того как Сэм ушел от Элис, она стала нравиться мне намного больше. Она честная.

Поппи скорчила гримасу.

– Джилли расстроена. Ей кажется, что Элис настроилась сломать ее счастье.

– Не думаю, что Элис подвергла себя такому ужасу, чтобы лишь отомстить Джилли. Мне кажется, Джилли тут ни при чем.

– Что ж, это ее утешит. – В тоне Поппи чувствовалась досада. Наверное, она так и не простила Джилли за то, что та скрыла от нее главную новость. – Но если ты думаешь, что Джилли здесь ни при чем,

ты ошибаешься. Стоило ей увидеть Сэма на вечеринке, как она сразу за него взялась.

Это был новый взгляд на лапочку Джилли. Мы обдумывали наш разговор, пока не свернули на улицу, где жила Поппи.

– Мам, надеюсь ты не собираешься завести маленькую собачку или заняться вязанием?

Я пораженно уставилась на нее.

– Нет. А что?

– Женщины, оторванные от всего мира, обычно так и поступают.

– Я оторвана от всего мира? – Я покачала головой:

– Ничего подобного.

Поппи оглядела мой модный льняной костюм и светлые прядки волос.

– Ты права. – Она улыбнулась. – Но многие опускаются.

– Это не про меня – у меня куча дел. На свете столько всего, что мне хотелось бы увидеть... И еще я хочу познакомить тебя кое с кем. Это мой старый друг из университета, и мне кажется, тебе будет интересно с ним встретиться.

Поппи помрачнела.

– Как-то странно думать об этом, мама. О том, что у тебя есть прошлое. Не такой я тебя представляла. Но, наверное, я привыкну. Ты не думаешь, – вдруг выпалила она, – что когда-нибудь все-таки вернешься к папе? Он так много говорит о тебе, когда Минти не слышит.

Я сделала единственное, на что была способна, – взяла ее за руку, держа другую руку на руле. Поппи смотрела прямо перед собой. Потом она высвободилась, сняла очки и начала протирать стекла.

Глава 28

Позвонил Таймон:

– Каково это – украшать собой первые страницы газет? Может, отпразднуем? Заходи в офис, съедим по сэндвичу. Я поговорил с Джин: Натан уезжает на семинар в Борнмут. Ты его не увидишь.

Я рассмеялась:

– Не к чему устраивать такое серьезное прикрытие. Когда мы с Натаном видимся, то ведем себя очень прилично.

Скорее из любопытства, чем по какой-то другой причине, я приняла приглашение Таймона, но нарочно опоздала больше чем на пять минут.

В офисе ничего не изменилось, даже запах был прежний, а на столе Таймона лежал все тот же ярко-розовый блокнот. Рядом стояли тарелка с сэндвичами и минеральная вода.

Он протянул мне руку.

– Много воды утекло.

Это было так очевидно, что я даже не потрудилась ответить. Лицо Таймона слегка помрачнело.

– Ладно, Роуз, не будем тратить время на светскую болтовню?

Я вспомнила цифры, которые видела на столе у Кима.

– Не будем. Что ты думаешь по поводу падения вашего тиража?

Таймон всегда заводился, когда речь заходила о конкуренции.

– У «Депеши» тиражи тоже не блестящие.

– Но «Депеша» не запускала рекламную кампанию.

Мы не торопясь обдумали наши разногласия по этому поводу. Таймон предложил мне сэндвич и налил воды.

– Ты не утратила сообразительности. Натан хорошо тебя обеспечил?

Мне казалось, что детали развода Таймона не касаются, но я его хорошо знала и понимала, что замечание было сделано не со зла.

– Натан проявил невиданную щедрость.

– Что ж, он такой. – Таймон жевал сэндвич с цыпленком и авокадо. – Ты знаешь, что Минти переходит в отдел работы с клиентами?

Несомненно, у этой встречи был скрытый мотив, но я удивилась, что Таймон так быстро раскрыл карты.

– Нет, не знаю.

– В этой игре нужно постоянно быть на высоте, двигаться вперед. Мне кажется, Минти это не удалось. Роуз, нам обоим известно, что то, что происходит в бизнесе, к личным делам отношения не имеет.

Я была поражена старомодностью Таймона: ведь этот человек был полностью поглощен и одержим своей работой.

– Это как посмотреть.

– Правила личных отношений здесь не работают.

В прошлой жизни я тоже придерживалась этих правил. Они были удобны и легки, как ручной багаж. Но теперь я не была обязана им следовать.

– Да, – Таймон поднял бровь и невольно стал похож на карикатуру, – в бизнесе нет места для сантиментов. – Зазвонил телефон, но Таймон не взял трубку. Я оторопела: раньше он никогда не игнорировал телефонные звонки. – Книжная рубрика меня разочаровывает. По-моему, у Минти проблемы со здоровьем. Когда такое происходит, человек теряет хватку.

– И что же?

– Если бы я намекнул твоим очаровательным ушкам, что твоя бывшая вакансия открыта, что бы ты сказала?

Я не могла не поддаться полноценному, чистейшему чувству удовлетворения. Я налила себе еще стакан минеральной воды. Я намеревалась растянуть этот момент подольше – как можно дольше.

– Расскажи мне об условиях.

– Затраты выше. Условия контракта выгоднее. Ким тебя недооценивает.

– Мы с Кимом понимаем друг друга. Он очень добр ко мне.

Таймон пожал плечами.

– Что ж. – Он придвинул к себе блокнот и потеревил корешок. – Ты не единственный претендент.

Такая угроза меня не впечатлила.

– Понимаю. – Но мне было любопытно. – Таймон, что именно Минти сделала не так?

Он нарисовал на пустом листе большой круг.

– У меня такое чувство, что она потеряла хватку. Обычно чуть меня не подводит.

В моей голове весело заплясали бесенята.

– Но ты же сам ее назначил, Таймон. – Я взяла сумку. – Спасибо за предложение – я подумаю и дам тебе знать. – У двери я остановилась. Все-таки мы знали друг друга давно, нас немало связывало; были и хорошие времена, и плохие. Я обернулась. – И как ни странно, я рада тебя видеть. – Он уже открыл толстую папку и шелестел бумагами. – Мне жаль, что у Минти ничего не получилось.

Он помахал мне рукой.

– Бывает. Некоторые не выдерживают повышения. – Уголок его губ пополз вниз. – А еще она растолстела.

– Как тебе не стыдно, Таймон, – проговорила я, но недостаточно серьезно.

Бедняжка Минти. Она была не прочь использовать свою внешность в любых целях, но как же ей будет ненавистно, попросту ненавистно, когда ее начнут осуждать за непривлекательность.

Разумеется, мне «повезло», и я наткнулась на нее, проходя через холл.

Она шла к выходу; тоненькие каблучки поскользывались на отполированном полу. Она подстриглась, а сиявшая когда-то кожа приобрела усталый землистый оттенок. Таймон был прав: она растолстела.

– Минти?

Она замерла и обернулась.

– Роуз... Что ты здесь делаешь? – растерянно спросила она, но ее деятельный мозг сложил два плюс два, и взгляд темных глаз стал твердым. – А, все понятно. Ты мне отомстила.

Мимо прошла какая-то девушка и, должно быть, узнала меня, потому что вытаращилась на нас обеих.

– Не совсем. – Я не спешила с ответами. – Я еще не решила.

– Вот ублюдок.

– Могла бы устроить сцену.

Она задумалась.

– Я бы сказала, жребий уже брошен. Ты же была на моем месте, Роуз, ты знаешь, что это такое.

Мы зашагали рядом, и я спросила, как дела у Натана.

– Совсем заикнулся на работе. Но ты же знаешь. – Минти коротко, печально рассмеялась. – Как тебе это? Я увожу у тебя мужа, а он оказывается редкостным занудой. Но самое смешное в том, что я тоже стала редкостной занудой.

Ее губы обветрились и были искушены.

– У тебя усталый вид. Ты нормально себя чувствуешь?

Она погладила живот.

– Забеременеть так больно, черт возьми. Отвратительная, просто ужасная процедура. Видимо, мне надо было вести себя поосторожнее, когда я еще наслаждалась жизнью. Но мне было весело тогда; откуда мне было знать о последствиях? – Она пристально посмотрела на меня немигающими темными глазами. – Самое смешное, что я сказала Натану, будто у меня нет прошлого. Никаких призраков.

– Сочувствую.

– Я в этом не нуждаюсь.

У вращающихся дверей мы остановились. Как обычно, за стойкой у входа сидел Чарли. Увидев меня, он помахал рукой, и я улыбнулась ему.

– Ты все делала правильно, Роуз: чудесный муж, прекрасный дом, очаровательные детишки и карьера. Ну что ж, будь счастлива, Роуз, теперь ты свободна.

Я одеревенела от отвращения к ней.

– Мне кажется, ты кое-что упустила.

– Что именно? Унижение, предательство и почти неисчерпаемое чувство собственной несостоятельности... Боязнь стать невидимкой; злобу, едкую и горькую. Отчаяние при мысли, что эта женщина и мой муж обсуждали меня, оценивали меня. Смерть моего брака.

Но я потерпела неудачу не потому, что у нас с Натаном что-то было не так, а потому, что кое-что было не идеально. И сейчас Минти ступила на этот опасный путь.

Минти вцепилась мне в рукав.

– Натан все разглагольствует и беснуется, что нам нужно спокойствие, а мы не можем его себе позволить. Но я говорю, что нам нужно подумать и о моей части уравнения. Если я увела его у жены, это вовсе не значит, что у меня нет права голоса. Я говорю ему, что он обязан дать мне это право.

Я представила, как Минти и Натан ходят по дому на Лейки-стрит в разных комнатах, с разными мыслями, и мне стало невыносимо жалко Натана. Я вступилась за него, хотя это было последнее, что мне хотелось делать:

– Натан тебя слушает. Если ты этого не знаешь, значит, не знаешь его. – Мне хотелось крикнуть: Заслужи его! – Как-то раз ты сказала, что он – хороший человек, лапочка.

Минти закусил губу, и на ней появилась капелька крови.

– Это было на стадии влюбленности.

У меня возникло такое чувство, будто я открыла дверь и обнаружила в комнате что-то очень неприятное.

– Минти...

Она в ярости накинулась на меня.

– И я не хочу жить в твоём доме! Не хочу, чтобы ты пялилась на меня из углов! Не хочу видеть твои обои.

– Так переклей их.

Ее глаза превратились в злобные щелочки.

– Натан говорит, что мы не можем себе этого позволить.

Я сделала шаг вперед.

– Послушай-ка меня. Ты разрушила чужой брак. Ты получила что хотела. Так приложи усилия, чтобы сохранить это.

Минти посмотрела на меня немигающим взглядом, но в темной глубине ее глаз я не нашла утешения, как прежде.

– Самое забавное, – она с трудом выговаривала слова, – я еще не говорила Натану; и хоть я этого и не заслуживаю и врачи считали это невозможным – я действительно забеременела, – исследования и процедуры помогли. – Ее лицо выражало смесь страха, триумфа и отчаяния. – У меня будут близнецы. Но что скажет Натан?

На следующий день я позвонила Таймону и отказалась принять его предложение. Он вздохнул:

– По правде говоря, я был почти уверен, что ты не согласишься.

Мой ответ удивил саму меня:

– Давай не теряться.

По дороге в больницу я рассказала Ианте о предложении Таймона и моем ответе. Она щелкнула языком.

– Разве тебе не нужна хорошая постоянная работа?

– Возможно, но только не такая. Я была бы не прочь отправиться путешествовать.

– Опять! Только не это. Будь поосторожнее, ладно? Не ввязывайся ни во что.

Под словом «ввязываться» она имела в виду Хэла.

– Не думаю. На этот раз вряд ли.

Ианта мне не поверила и нанесла последний удар:

– Ты уверена, что не стоит поговорить с Натаном?

– Уверена.

Мы подъезжали к больнице. Ианта тихонько вздохнула.

– Роуз, я не хочу туда. Может, еще раз проедемся по кварталу?

Мы заехали на стоянку и втиснулись на свободное место; я выключила мотор; мы сидели тихо и неподвижно.

– Я буду приезжать и навещать тебя каждый день, мама.

– Не хочу быть обузой. – Ианта схватила сумочку из крокодиловой кожи, лежавшую у нее на коленях. – Приезжай когда сможешь. Не хочу, чтобы из-за меня волновались, не хочу никого тревожить.

С таким же успехом она могла бы приказать снежинке не таять на солнце. Я поцеловала ее. Призвав на помощь все свое самообладание, я сказала:

– Все будет хорошо, тебя скоро выпишут.

– Твой отец совершенно не умел болеть. – На ее губах заиграла мечтательная улыбка: так было всегда, когда она заговаривала о нем. – А ведь он был врачом.

– Врачи слишком много знают. Ианта улыбнулась:

– Я рада, что это ты привезла меня в больницу. От него здесь не было бы никакого проку.

Это был лучший комплимент, которым могла наградить меня мама. Сердце у меня сжалось.

– Ты иди, мама, я пойду за тобой с вещами.

Ианта вышла из машины. Я подошла к багажнику и достала ее чемодан. Она подошла к дверям больницы – они со свистом раздвинулись. Покачивая висящей на локте сумочкой, Ианта вошла внутрь, и двери за ней закрылись.

Когда я ехала обратно, на городских улицах было полно молодых девушек – ярких, сияющих, полных предвкушения: на них красовались

коротенькие юбочки и топики и босоножки на высоких каблуках. У них были стройные ноги, ногти, выкрашены во все цвета радуги; глаза и напряженные лица сияли желанием, энергией и алчностью. Они еще не знали горя. Или же хорошо его скрывали. Девушки двигались группками или дефилировали по тротуару в одиночестве, шурша пакетами из супермаркета, с рюкзаками и сумочками через плечо. Некоторые пили пиво прямо из бутылок.

Был теплый вечер, солнце висело низко. Я подумала о горьком черном кофе и музыке, о чтении книг и о том, как в сумерках светятся белые розы. Я думала о глубокой, неистовой печали, а потом вспомнила – и захотела испытать – утомленность, какая бывает после ночи любви. Я думала о горе и его послевкусии, о красоте свечей. О Петрушке и той части моей жизни, что подошла к концу. О том, что возможно одновременно увянуть и раскрыться, как это произошло со мной, о том, что расцвет в сорок восемь – это и приятно, и неожиданно.

И о том, что я буду цвести еще долго.

Но особенно ясно, с любовью я представляла детей. Я вспомнила, как впервые увидела Сэма. Обескураженная болью и грубостью родов, я без интереса взяла врученный мне сверток. Сначала его глаза никак не могли сосредоточиться на мне. Затем, прежде чем начать приключение под названием жизнь, младенец посмотрел мне в глаза. В этих широко раскрытых, безмятежных глазах было удивление: целый мир открывался перед ним. Этот взгляд вернул меня к началу, внушил готовность начать заново.

Когда я вернулась на Лейки-стрит, на автоответчике горела лампочка.

«Мам, – у Сэма был счастливый голос, – можно мы зайдем на ужин? Мы с Джилли поговорили о наших планах и хотим их обсудить с тобой».

«Роуз, – это был голос Таймона, – совсем забыл. Я обещал тебе ланч в „Капризе"».

«Мама, – Поппи была возмущена, – ты где пропадаешь? Я все звоню и звоню. Мне нужен твой совет, перезвони немедленно».

«Роуз, – проговорила запыхавшаяся Ви, – есть работа, которую надо было сделать вчера. Звони. Чао!»

Следующая запись была от Натана. Он говорил как будто издалека: «Роуз, к переезду на следующей неделе все готово. Надо прояснить пару вопросов. Может, позвонишь мне в офис? Джин тебя соединит».

И наконец раздался голос Хэла, который звучал намного ближе. «Роуз, в твоём почтовом ящике лежит авиабилет в Пизу, туда и обратно. Никаких вопросов, я плачу. Я перед тобой в долгу. Встретимся в аэропорту в четверг. Удачи с переездом».

Упаковывая вещи, чтобы уехать с Лейки-стрит, в последнюю очередь я собрала коробку со старыми книгами, которые валялись в шкафу под лестницей. В самом низу, под слоем пыли лежала книга в бумажной обложке – опус о южноамериканской политике, который Натан читал на борту самолета в день нашего знакомства.

Он сказал тогда, что автор ему не нравится. Открыв книгу, страницы которой пожелтели и стали ломкими, я увидела, что повсюду стоят его галочки и пометки. Я сделала вывод, что он лгал. Возможно, та маленькая ложь во спасение была призвана произвести на меня впечатление. Его уловка сработала: она действительно впечатлила меня.

Я положила книгу на полку в гостиной: там ей было самое место.

Когда грузчики увезли все мои вещи в Клэпхем, я вышла в сад. «Айсберг» уже грозил задохнуться под натиском паслена, дельфиниум надо было подвязать, а траву подстричь.

Я обошла весь огромный сорокапятифутовый участок земли, который когда-то так нуждался в моей опеке, – скоро он изменится безвозвратно: ни Минти, ни Натану не будет до него никакого дела.

Я встала на колени у маленького холмика под сиреневым кустом и вырвала разросшиеся поверх него побеги вьюна. Сладких снов тебе, Петрушка.

Оливковое дерево уже унесли, но у меня осталось еще одно дело: вычистить фонтан. В воду упали листья, я выудила их и бросила в кучу с компостом. Потом с особым рвением прочистила насос, наполнила фонтан свежей водой и включила его для проверки.

В бассейн хлынула вода, – вечно меняющаяся и все же неизменная.

Я выключила воду, и фонтан замолк. Потом зашла в дом, закрыла стеклянные двери и заперла их на засов.

Через три дня я вышла из машины на склоне холма и чуть не задохнулась от окружившего меня света, тепла и благоухания. Камни были покрыты кружевом цветов; оливковые деревья пританцовывали и раскачивались; шумел водопад зелени: жасмин, розы, лилии, ипомея, бугенвиллея, герань, лаванда. Их цвета были яркими и насыщенными.

Мне показалось, что я плыву к свету, и я испытала пронзительное ощущение освобождения и радости.

Примечания

1

Так в Великобритании называют трехцветную фиалку и дицентру.
[n 1](#)

2

Безжалостный гуру биржевых брокеров в исполнении Майкла Дугласа из фильма «Уолл-стрит» (1987).

[п 2](#)

3

Знаменитый лондонский автобус, отметивший в 2004 году 50-летний юбилей.

[п 3](#)

4

Овальные дрожжевые булочки с изюмом, кедровыми орехами и цукатами.

[п 4](#)

5

Спагетти с сыром и черным перцем.

n 5

6

Вот так (ит.).

n 6

7

Это женщина? (ит.)

n 7

8

«Миссис Минивер» – фильм 1942 года о британской домохозяйке, стойко переживающей все тяготы Второй мировой войны.

[п 8](#)

9

Джон Донн (1572–1631) – знаменитый английский поэт-метафизик XVII века.

[n 9](#)

10

Великолепие и прекрасные манеры (фр.).

[n 10](#)

Дорогая (фр.).

n 11

12

Шестнадцатый округ Парижа – коммерческий квартал с резиденциями высшего общества.

[n 12](#)

Жаль (фр.).

[n 13](#)

FB2 document info

Document ID: a330a983-566f-102d-b39c-7aba35d9a3a3

Document version: 1.01

Document creation date: 19 January 2010

Created using: FB Editor v2.0 software

OCR Source: OCR & SpellCheck: Larisa_F

Document authors :

- Roland

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon